

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134—241X

Следопыт

12 '85

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

На снимке: А. М. Королев с дочерью.

РАБОЧИЙ, КОММУНИСТ, ГЕРОЙ ТРУДА

Еще одно имя засверкало в уральской шеренге Героев Социалистического Труда — имя бригадира токарей «Уралмаша» Анатолия Королева.

Высшей наградой Родины в преддверии XXVII съезда КПСС отмечен рабочий, возглавляющий бригаду коммунистического труда. Отмечен за замечательные производственные успехи. Производительность труда в бригаде Анатолия Королева только за пять лет выросла на 22 процента. Этот показатель вдвое выше, чем в среднем по стране. Сам бригадир подал за эти годы тридцать рацпредложений.

Коммунист Королев — член ЦК КПСС. Лично для Анатолия Королева это означает еще и то, что в его бригаде,

как в капле воды, должно отразиться все лучшее, чем славен творческий рабочий поиск пятилетки, преодоление новых рубежей по развитию экономики страны, определенных на апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС.

— Главное — начать работу по-новому сразу, не откладывая, — говорит А. М. Королев, — перевыполнение плана каждого дня должно стать законом.

Девизом стал лозунг, четкий, конкретный: «Пятилетку — за четыре года на основе перевыполнения сменноточных заданий». XXVII съезд КПСС бригада встречает достойно: королевцы решили к открытию съезда выполнить задание шести лет. Вот это труд! Настоящий — социалистический, геройский!

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

12 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

- В НОМЕРЕ:**
- 2/ А. Марласов
ВОКРУГ СНЕГА, КАК ОБЛАКА... Стихи
 - 4/ А. Манец
А ДОРОГИ НЕ КОНЧАЮТСЯ...
 - 7/ Г. Салтуп
СВЯТОЕ ДЕЛО — АРТЕЛЬ
 - 27/ Л. Любимова
ДИРИЖЕР
 - 28/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
 - 30/ Л. Цесюевич
ЗНАМЯ РЕРИХА
 - 32/ В. Вяткин
ЕСЛИ ПОДНЯТЬСЯ НА ГОРУ...
 - 33/ Т. Курашова
МУЗЕЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
 - 38/ Г. Дробиз
ЮМОРИСТ В МАШИНЕ ВРЕМЕНИ
 - 44/ В. Бугров
ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ
 - 52/ В. Ключков
ЮНОСТЬ ДИПКУРЬЕРА
 - 58/ В. Козинец
ОЛИМПИЙЦЫ
 - 62/ А. Ромов
РОТМИСТР АВИАЦИИ. Повесть. Продолжение
 - 65/ Б. Алексеев
ПО ДОЛГУ ПАМЯТИ
 - 67/ Н. Колеватов
«ОСТОРОЖНО: ВАРЕНЬЕ!»
 - 67/ В. Савинцев
ЧАСЫ ИДУТ 220 ЛЕТ
 - 69/ А. Соседов
ФАМИЛЬНАЯ ЧЕРТА СУВОРОВЫХ
 - 71/ В. Яковлев
ИЗ РОДА СКОБЕЛЕВЫХ
 - 73/ В. Курбатов
ОРЛИНАЯ ДРУЖБА
 - 75/ Д. Одинцов
БИОГРАФИИ КАЛЕНДАРЕЙ
 - 76/ МИР НА ЛАДОНИ
 - 78/ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1985 ГОДУ
 - 80/ НАШИ ЛАУРЕАТЫ

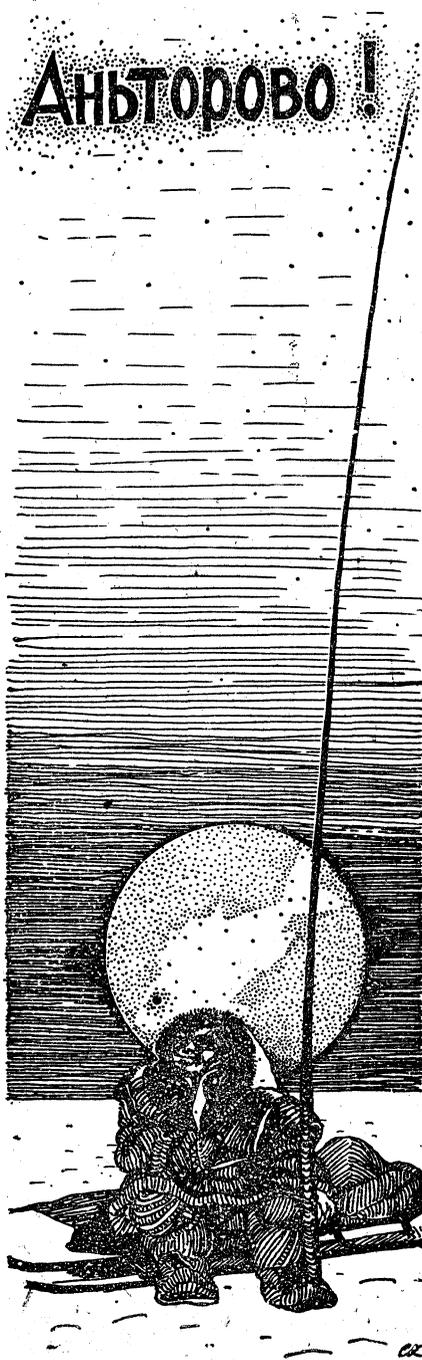
На 1-й стр. обложки — рисунок Розы Атлас

© «Уральский следопыт», 1985 г.

Вокруг снега,

Анатолий МАРЛАСОВ

В САЛЕХАРД

В ударе салехардская зима —
 Мороз взъярился,
 И такое диво —
 За ниточки подвешены дома,
 За тоненькие нити —
 Струйки дыма.
 Мой проводник —
 Веселый ненец Лар,
 В душе поэт,
 Пастух большого стада,
 Восторженно кричит мне:
 «Салехард!».
 Но до него еще добраться надо.
 Теперь не мчится нарта,
 А летит
 Над тундрой,
 лесотундрою
 и лесом.
 Снега вокруг,
 как облака в пути,
 А редкие березы — стюардессы.
 Мой Лар теперь как истинный пилот.
 Зима в ударе, но и он в ударе!
 Ему за эту скорость благодарен,
 Кричу: «Саво!»¹, надеюсь,
 что поймет,

И «вери велл»,
 Смеясь,
 Ответил парень...

ПРАЗДНИК СОЛНЦА

Аньторово!²
 Аньторово!
 На хорее Солнце снова.
 И звенят на нартах кольца:
 «В тундре праздник —
 праздник Солнца!»

В тундре праздник —
 В тундре праздник.
 Каждый взрослый, как проказник.
 Даже дед мой пляшет соло,
 Исполняя танец Солнца,

Пусть, конечно,
 Пусть, конечно,
 До морошки вкусной — вечность,
 Но уже молва несется:
 В тундре праздник —
 Праздник Солнца!

Нарты быстрые, как птицы!
 Весь народ на праздник мчится.
 Тут не место хмурым, сонным,
 В тундре праздник —
 Праздник Солнца!

* * *

Я был рожден в бомбоубежище,
 От взрывов ныли кирпичи...
 А мне испуганная беженка
 Шептала на ухо:
 «Кричи!».
 И я, еще не видя света,
 Как вспоминают, — не молчал.
 Я так последовал совету,
 Что даже смерть перекричал.

* * *

1.
 А я люблю...
 Конечно,
 Это право —
 Любого человека на земле,
 Но если я скажу,
 Что я люблю
 Не ту земную, что всегда со мною,
 Законную и верную жену,
 А ту, которой нет еще
 Ни в сказках,
 Ни в смелых сновидениях
 Фантастов,
 Которая из лунного сиянья,
 Из полумрака звезд,
 Из света солнца
 Моим воображеньем создана,
 То знаю —
 На меня посмотрят люди,
 По крайней мере,
 Как на чудака.

¹ Саво — хорошо (нен.).

² Аньторово — здравствуй (нен.).

как облака...

2.

Но я люблю...
И в этом нет намека
На фальшь или на позу, нет!
Ведь я люблю ее,
Как небо любит росчерк,
Тончайший росчерк птичьего полета,
Как волны моря
Любят чайку, вторя
Ее полету рокотом прилива.

3.

Смотрите
С понимающей улыбкой
И думайте в душе: «Какой чудак».
Но пусть не я —
Зато мой дальний правнук
Ее за плечи тихие возьмет
И поцелует.

Зачем такая
Приснилась повесть —
Беру руками
Больную совесть,
А совесть плачет
И нет покоя...
Что это значит,
Зачем такое?

БАБА ПАША

Всю жизнь свою
Баба Паша
И пашет,
И пашет,
И пашет...

Смеется:
«Мотри, Анатолий,
Не вздумай —
Меня в санаторий!»

А если и вздумашь,
Малый,
Тр там работенки
Навалом.

Пристроюсь тихонько
И буду
С девчонками
Драить
Посуду».

ЕМЕЛЯ

Его соседи звали дураком
За вид безукоризненно беспечный,
А он молчком, от всех людей
тайком

Дни напролет копался
в русской печке.

И докопался — выехал на ней,
И по деревне с торжеством проехал.
Вот так Емеля! Вот так дуралей!
Чего же не смеетесь?

Не до смеха?..
Машины нас унесут в облака.
И это часть

Емелиного плана,
Простого,
Извиняюсь,
Чудака —
Космических полетов ветерана.

Рисунки С. Копылова

НАВСТРЕЧУ
XXVII СЪЕЗДУ КПСС

А ДОРОГИ НЕ КОНЧАЮТСЯ...

Алексей МАНЕЦ

Экономическое могущество нашей страны тем прочнее, чем лучше известны нам и освоены собственные природные кладовые.

XXVI съезд КПСС утвердил, в частности, программу форсированного развития добычи газа — с целью довести ее объем до 600—640 миллиардов кубических метров в 1985 году. Весь прирост газодобычи (38—47 процентов) предусматривалось получить в Западной Сибири.

Автору предлагаемых здесь записок 30 лет; восемь из них живет и трудится на Тюменском Севере. Механик-водитель Сургутской вышкомонтажной конторы объединения «Объединенная геология», он на своем тягаче изобразил тайгу вдоль и поперек. «Моя записка, — говорит Алексей Манец, — посвящена лишь небольшой части многотрудной работы на тюменской земле».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Лишь только солнце яичным желтком вылушилось из-за шершавых сосен, мы уже копошились у тягача. Сегодня предстоит длинный путь, так что запасаемся горюче-смазочными материалами. Прежде чем залить масло в баки, его необходимо подогреть. Вот и шаманам у огня. Стоит отойти от костра, как воздух начинает щекотать в носу. Холодом обдаёт лицо, перехватывает дыхание. Безо всякого термометра ясно, что сейчас за тридцать.

Подходит повариха:

— Вот вам гостинец. В дорожке пригодится.

Принимаем увесистый пакет. В радостном смущении даже «спасибо» сказать забываем. Ведь нужно же было ей после утомительного дня встать на час раньше обычного и настрелять нам на дорогу!.. А женщина улыбулась и скрылась на кухне, ей было просто приятно проявить материнскую заботу о нас.

Кладем на огонь остатки сушняка, чтоб «запастись теплом» на дорогу. Дрова горят ярко. Еще с минуту наслаждаемся костром и покидаем стоянку.

Тайга встречает молчаливо, и ни одна птица не снижается с поникших веток. Наверное, грохот для обитателей леса стал привычным. Навстречу выплывают деревья. Трудно передать радость этой минуты, забываемое чувство восторга, которое пленит меня всякий раз, когда, соприкасаясь с тайгой, я вижу все это. Быть может, кому-то такая картина покажется однообразной и скучной. Но я ради таких минут готов тряхнуться в тягаче целый день.

Со мной монтажники. Рядом — Валера Фисенко, у двери — Саша Кайдалов. Мы едем следом за ребятами

звена Евгения Сорокина, которые ушли раньше нас. Здесь, на Восточно-Сургутской площади, буровую закончили, сдали ее промысловикам, а теперь путь дальше — за Локосово, на Островную площадь. Предстоит проутюжить около двухсот километров. Не спешим. На пути — увалы, а в кузове тягача — «бендежка» с хозяйством монтажников, а сзади на тресе — «пена», на которой теснятся две емкости с горючим. В слешке можно все это потерять.

Молчим, потому что разговору мешает шум двигателя. Остается только смотреть в окно. С левой стороны тягача — обширная впадина. Там растут низкие и горбатые сосенки, образующие довольно широкие перелески. Какими жалкими кажутся эти деревца, вступившие в борьбу с заболоченной почвой! Вершины у них чахлые, а то и вовсе засохшие. Спустия некоторое время тягач взбирается на возвышенность. Двигатель, надрываясь, толкает двадцатитонную машину. Сзади остаются клубы дыма.

Местность меняется. Высокой стеной подступил к зимнику лес, и все вокруг, кажется, дремлет. На пнях высокие снежные пахахи. Под тяжестью комьев снега арками наклонился молодой таежник. Поодаль полосой проходит бурелом. Ураганный ветер оборвал жизнь великанов на этом участке. Трудно представить более неприятное препятствие в тайге, нежели буреломом — густое сплетение из стволов и веток богатырей-деревьев, прикрытое снегом. Не знаешь, где ступить ногой, куда направить тягач, все предательски замаскировано. В такие участки лучше не соваться. Обходим их и у ручейка останавливаемся на привал.

Разжигаем костер, подвешиваем на рогатuline чайник. Валера заводит разговор:

— Вот мне жена говорит: чего я до сих пор шатаюсь по тайге, мокну, мерзну? Чего не жить, как все люди? Уже почти десять лет горбатишься... Хватит, пусть другие, а то они в тепле, а ты как заяц под кустом трясешься... — Отхлебнув чайку, продолжает: — А я вот как думаю: пускай кто другой наслаждается теплом, это его дело. А мы вот... — и неожиданно замолкает. Но мы понимаем, что он хотел сказать...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Рассвет сдирает с вершин сухостоя мрак ночи. Утро слабо сочится сквозь щели и окна балка. Пора подниматься. Одеваюсь быстро, как по тревоге, но к завтраку запаздываю. Трактористы к этому времени уже успели подкрепиться и из наших емкостей пополняют баки горючим.

Колонна покидает стоянку. Мы плетемся в хвосте. Вижу — ребята начинают ерзать на сиденьях. Такая

езда надоедает. Решаем остановиться: подождать несколько часов, а затем догнать уходящую цепочку техники. Я занимаюсь осмотром крепежа грузов. Валера с Саней о чем-то разговаривают и, судя по жестам и выражению лиц, как всегда спорят. Хотя в их внешности и характерах нет ничего общего, чувство мужской дружбы удваивает их силы. И если за что возьмется, то у них все спорится.

Через час на горизонте появляется мутная завеса непогоды. С севера приближается буран. Вскоре все вокруг засвистело, завертелось. Зловеще зашипела поземка.

Трогаемся в путь и надеемся вскоре настичь колонну. Вот уже виднеется последний трактор, он тащит передвижную станцию и сварочный аппарат. Давлю сильнее на педаль газа. Тягач бросается на обгон. Внутри что-то грохает, звук двигателя становится звучнее и с чиханием. В недоумении останавливаемся. Вытаскиваю сиденья, заглядываю вовнутрь. Искры фейерверком сыплются на днище машины. Виной всему — пробитая прокладка коллектора. Сейчас загореться враз можно. Становится не по себе. Глушу мотор. Стало хорошо слышно вой пурги и рокот уходящих тракторов. Постепенно растягивается снежный ковер между нами. «Ну все, приехали», — с горечью говорю ребятам. В нескольких словах объясняю суть дела. Они меня прекрасно понимают, за долгие годы работы научились разбираться в технике не хуже механизаторов.

— Ну и что? Сделаем! — уверяет меня Валера.

— Чем делать? — недоумеваю я. — У меня нет поронита.

— У нас должен быть, — обращается Фисенко к Кайдалову, — давай посмотрим.

Взбираемся на кузов. Открываем «бендежку», в ней черт ногу сломит — все перемешалось от тряски.

— Вот, нашел! — радуется Валера. — Хотя кусочек маленький, но вполне хватит для прокладки.

Занимаемся ремонтом. Мешает пурга. Злой ветер щиплет лица, хватает за руки, сыплет за ворот снег. Струйки воды пронизывают спину. Закоченелыми пальцами выдираем из бровей снежную наморозь. Время проходит. Уже из боковых кустов выползают сумерки и прикрывают нас тенью. Голод, как червь, точит нутро. Последнее усилие!

Без происшествий, но глубокой ночью добрались до очередной стоянки. Забираемся в балак. Там полумрак. В печурке вспыхивает пламя, освещая тусклым светом фигуры спящих парней.

Ужинаем молча. Голод не любит разговоров. Тревожно шумит лес. Ветер полощет борты тента. Прорывается в щели, забивает дымоход. Дым из печки расползается по балку. С каждой минутой все настойчивее проникает к нам холод. Мы шевелимся, поживаемся, забираемся в спальные мешки, свертываемся в комочки, как береста на огне. Холод чутко сторожит сон. Кажется, никогда я с таким нетерпением не ждал утра...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Погода сегодня как будто не обещает козней.

Утром уходим колонной. На пустыре нас встречают снежные бугры. Они, как донны, продолговатой формы. Кругом уже успели настроить куропатки. Здесь сворачиваем на дорогу, ведущую к буровой. Её недавно проторило дорожно-строительное управление. В каком состоянии зимник, пока не знаем, знаем одно, что впереди еще километров пятьдесят.

На пути — увалы. Ожесточенно работаем рычагами, выворачивая на обочину. Тягач осторожно сползает

вниз, потом натужно, с ревом наверх. Мы то стремительно крепимся вперед, то откидываемся назад, то подпрыгиваем. Эх, дороги! Не легче становится и тогда, когда выбираемся на равнину. Можно ехать только по середине. Не удержишься — сносит влево, вправо, и наша крепкая машина, перемешивая гусеницами снег, идет с пробуксовкой.

Вся беда в том, что дорожники при промывке зимников применяют свое «изобретение». Выражаясь языком монтажников, занимаются халтурой. Для того, чтобы передвинуть буровую, необходимо натоптать или намять гусеницами тракторов 25-метровой ширины дорогу. Им же не хочется днями утюжить рыхлый снег. Вот они и идут на хитрость: берут пачку леса, цепляют к трактору, протащат туда-сюда ее и — готово. От этого зимник получается некрепким, хотя ровность и гладкость обеспечены. А стоит туда сунуться с грузом... А ведь нам надо протащить установку! Шутка ли — тащить двадцатитонную машину по непригодной для этого дороге! Может возникнуть вопрос: как быть в таком случае? Ответ простой: взять и доделать зимник самим. А почему? Ведь за это дорожники отвечают!

Допустим, звено монтажников прибыло на буровую для очередных работ. Бригадир, прораб ли осматривает дорогу, по которой предстоит тащить установку. Видит — трасса непригодна для этого. Он ставит в известность руководство конторы. Те, в свою очередь, сообщают в строительное-дорожное управление. Там возмущаются: да не может быть! В результате начальник данного участка вылетает вертолетом на место событий. Как гласит восточная мудрость: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

— Прогоните трактор по краю дороги, — предлагают монтажники.

— Чего мы туда полезем, там провалится техника, — отказываются дорожники.

— Если на тракторе боитесь туда соваться, то как мы потащим вышку? — удивляются монтажники.

Завязывается длинный разговор. А дни бегут. И звено строителей не у дел. Вот тут-то и лопается терпение монтажников: они пускают в ход свою технику и доделывают зимник.

Забегают после этого дорожники. Вы, дескать, «подпишете» нам трассу, а мы для вскрытия мерзлоты выделем вам трактор «Катерпиллер». Этой техники у монтажников нет, а обычными бульдозерами не всегда удается управиться. Вот и приходится идти на уступки. А как очередь дойдет до «Катерпиллера», так тот обязательно оказывается неисправным. Остается монтажникам взять бензопилу и полосовать нешкороную для ножа бульдозера землю.

...Я для чего сделал это отступление? Потому что то же самое и здесь. Потому что у дорожников, которые наминают эту дорогу, всего два трактора, и то один из них сломан...

Вся колонна останавливается. Выясняем, в чем дело. Оказывается, нас догнала автомашина. На ней приехали Владимир Бердников и начальник транспортного цеха Александр Ноздрачев, привезли горячее, продукты, свежие газеты. Что ж, неплохо! Ноздрачев делает обход. Беседует с механизаторами, интересуется настроением людей, узнает о состоянии техники. Спустя час они уезжают обратно. А мы еще некоторое время задерживаемся: обедаем, просматриваем газеты. Они заставили нас на какое-то время забыть трудную дорогу и даже голубое небо, освещенное солнцем.

Только поздним вечером пробились к буровой. Здесь

имеется пять балков. Так что места хватит всем. Не придется тесниться в двух наших походных. Расселяемся по «квартирам». Пробрасываю от тягача переноску. Вскоре в печке шалит огонь. Балочек наполняется живым духом. Хочется спать, но я пишу. Знаю, что впечатления о трех днях — а их много — сохраняют свою остроту и непосредственность только в том случае, если будут записаны сейчас же, когда еще ощущаются следы физического напряжения и перед глазами еще маячат обочины дорог. Когда в душе еще не остыло чувство радости за своих товарищей, идущих через испытания, выпавшие на долю геологов...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Бригадирский балок наполнился людьми. В коллективе 12 человек. Большинство ребят молодые (до 30 лет), но уже испытывавшие в полной мере таежное житье-бытье. За годы работы в полевых условиях они крепко сдружились. Этому, конечно, способствовал Евгений Кузьмич Сорокин, обладающий волевым и общительным характером, сумевший сколотить дружное звено и подчинить его общей цели. И не удивительно. Ведь с профессией монтажника Сорокин связал свою жизнь двадцать лет назад. Работал в Грозном. В 1967 году по приглашению старого знакомого Михаила Капаевича приехал в Сургут. «Так, — говорил, — на год, чтобы посмотреть просторы...» Но через год не уехал обратно, а словно прикипел к этим местам. Уже через три года возглавил бригаду монтажников. Я не раз видел Сорокина беседующим с кем-нибудь. Приглаждает, бывало, шершавой ладонью волосы, закурит папиросу и с интересом слушает, потом интересуется вроде бы самым обыденным. Но, оказывается, — важным. Вот поэтому росли мои симпатии к нему. По-моему, именно такой человек способен создать дружный коллектив.

— Ну так, — начал бригадир, — прибыли на место благополучно. Сейчас займемся демонтажом и перетаскиванием оборудования буровой на новую точку. Расстояние приличное — пятьдесят километров. Это вы знаете. В каком состоянии дорога — сами видели. Вообще-то лучшего и не стоило ожидать. Я, конечно, поставлю в известность руководство нашей конторы. Но ждать, пока разберутся, — дело долгое. Да что вам объяснять — не новички. А работать надо. Вначале будем таскать легкие грузы. На обратном пути идти по сторонам дороги, расширяя зимник. Ходить попарно, чтобы в случае чего помочь друг другу. Так что за дело. — Говорил бригадир мягко и в то же время требовательно.

Окружающий лес отозвался на грохот тракторов, на стук и звон топоров. Откуда-то появились даже две собаки. Они, вероятно, учуяли жилье и примчались в надежде поживиться, сразу же расположились поближе к кухне и хитрыми глазами начали следить за дверью. Что ж, и этот уголок земли обжит.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Работа не прекращается. Люди не считаются с усталостью. Но до конца работ — как пешком до Сургута! В этот день трудные рейсы. В пути никогда не знаешь, где ты будешь через час, два, три или к вечеру. Вот и сегодня думал попасть на обед, но вышло так, что еле к ужину поспел. А все опять из-за плохой дороги.

Тягач натужно тащил «пену». А я беззаботно наблюдал, как мелькает в деревьях маленькое солнце. Но вскоре началось болото. Гусеницы давили, утрамбовывали сугробы. Колея исчезла, ее засыпало снегом,

и машина шла словно вслепую. На развороте неожиданно попала в выбоину, стукнула балансирами. Лязгнули об обойники траки, и кабина наклонилась. Буксовал долго, но выбраться не удалось. Тяжелая ноша не давала тягачу продвигнуться ни назад, ни вперед. Хочу отцепить трос. Напрягаюсь так, что перед глазами полетели мушки. Вернее, не мушки, а какие-то темные пылинки с зазубренными острыми краями. Но и из этого ничего не получается! Думаю оставить тягач и возвратиться на буровую пешком. Знаю, что сейчас помочь некому. Тракторы сегодня на такое расстояние не пойдут. Уже захлопнул дверку кабины, как меня осенила мысль: а не попробовать ли лебедкой? Хорошо, что недалеко отъехал от деревьев. Наростил трос, зацепил за дерево и — пошло. Отсюда и вывод: быть настойчивей в думать. Открытие, конечно, не новое, но наперед полезное.

К вечеру я уже на прямой. Открывшийся вид буровой вознаграждает меня за все усилия, заставляет забыть усталость. Пополняю запас топлива, чтобы рано утром уйти в рейс. Подошедшие монтажники удивляются:

— Куда это ты столько горячего देваешь? Случайно, сам его не пьешь?

— У меня в одной упряжке четвереста пятьдесят лошадей. Надо же их чем-то кормить, — шучу в ответ я.

— А ты попробуй сеном, — слышу чей-то голос. Дружный хохот гремит вокруг нас.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Лишь только-только забрезжил рассвет, как мы с очередным грузом в пути. Торопимся доставить последнее оборудование. Потому что завтра надо сделать передвижку буровой установки. Она уже стоит на транспортных тележках в ожидании своей очереди.

Пока дорожники возились со своими тракторами, мы утрамбовали гусеницами рыхлый снег, а мороз-трескун спаял его льдистой коркой. Так что все было готово.

По радию нам передали, что на перетаскивание вышки прибудет кто-то из руководства конторы. Вот теперь Кузьмич ходит у тяжеловеса, дотошно проверяя, все ли на своих местах...

Когда, возвратясь из рейса, беззаботно сидели в столовой, слышалось стрекотанье вертолета. МИ-8 коснулся земли, и из него выпрыгнул заместитель директора по производству Ф. И. Семилеткин. Это высокий жилистый мужчина, отличающийся от других «конторских» своей выносливостью. Для него протопать километров двадцать — тридцать не составляет особого труда. Не успел Семилеткин обойти вокруг буровой, как примчались дорожники. Они сновали рядом с ним, прося подписать акты об окончании строительства зимника.

Чем все это закончилось, я не знаю. Потому что мы опять ушли в рейс, трудный рейс, которыми так насыщена наша жизнь...

ДНИ ПОСЛЕДУЮЩИЕ

...Перетаски буровую установку на новую точку, бригада принялась за ее строительство. А наши быстрыеходы уже на нижневартовской дороге.

Нескончаемо плывет навстречу лентя зимника. Впереди — Сургут. Но на этом дороге для нас не кончаются. Они будут, непременно будут — старые и новые, легкие и трудные...

СВЯТОЕ ДЕЛО — АРТЕЛЬ

Григорий САЛТУП
Рисунки М. Субботиной

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

В среду папа пришел с работы и с порога сказал Генке:

— Надо перекрасить лодочки у «катушки» в серебряный цвет. В субботу едем. Вот тебе краска, вот тебе кисть.

— С дядей Вавилкиным? — обрадовался Генка.

— Да. Всей артелью. На Култозеро.

Мама слушала этот разговор сначала молча. Сдерживалась. Расставила на столе тарелки, положила вилки, ложки. Водрузила кастрюлю с борщом, — и как шваркнет крышку в угол!

— Уж лучше бы ты картежником был! Ей-богу! Лучше бы я за пьяницу вышла! Сам мотаешься и его туда же! И зачем я, дура, только верила...

— Мама! Ты нелогично рассуждаешь! — заерзал на стуле Генка.

— Да, Надя, ты нелогично рассуждаешь, — папа сказал эти слова медленно, с растяжкой. Наклонился, поднял крышку.

— Вот видишь! Этого ты хотел?! — мама ткнула в Генку пальцем. — Он во всем тебя копирует! Все словечки твои! Нет! Не поедет! Не пущу! Ни за что!

— Успокойся, — папа посмурнел. — Вечером поговорим...

Обедали молча, в напряженной тишине. От обиды и разочарования Генке трудно было ложкой шевелить. Через силу вталкивал в себя борщ, но вталкивал, боясь лишней раз раззадорить маму.

— Ты подсоли немного, — предложил папа. — Солью, солью, а не слезой. — И тайком подмигнул Генке. Ничего, мол, держись! Генка воспрял духом и в ответ замигал глазами попеременно...

— Хорош борщец! Спасибо, Надюша, — сказал папа.

— Мама! А я добавки хочу! — вдруг осенило Генку.

— С чего это? Говорил — сытый? — недоверчиво нахмурила брови мама.

— Честное слово — хочу! — на круглом Ген-

кином лице только радость здорового аппетита, ничего больше.

— Кушай и беги за Машенькой в ясли, — мама плавным движением подколола сбившуюся прядку, ее голос стал мягче, спокойней. — И Ричарда из садика заberi. Один он два часа добираться будет.

О поездке на Култозеро не вспоминали, словно разговора не было.

Вечером, когда Ричард и Машенька уснули, Генка натянул носки и тренировочные брюки и крадущимся шагом выскользнул из детской.

В большой комнате, в кресле, перед телевизором с выключенным звуком сидела бабушка и, поблескивая вязальными спицами, смотрела кино про войну. Генка на секунду задержался — киноактер в красноармейской форме яростно разевал в немом крике рот, а глаза его были сухи и вежливы, — сразу видно, актер, а не красноармеец. Был бы включен звук, так, может быть, и поверилось, а без звука сразу видно — кто и что.

— Бегают и стреляют... две изначальных. Стреляют и бегают... одна извороточная. Стреляют, касатики, все угомониться никак не могут, — услышал Генка бабушкино бормотанье. Она была туга на ухо и потому всегда выключала у телевизора звук: все равно не слышно, а так даже интереснее — смотреть и догадываться, о чем они руками мажут. — Чего не поделили, касатики? Бегают и стреляют...

Дверь на кухне была притворена плотно, Генка приложился ухом, слов не разобрал и только по интонации родительских голосов догадался о конечном решении семейного совета. Мамин голос, жалующийся и побежденный, изредка прерывался короткими и веселыми папиными словами. Генка успокоился и пошел спать.

Ричард успел во сне развалиться поперек дивана фон-бароном, и Генка откантовал его к стенке.

Лег, задумался.

Сон не шел.

Тикали ходики за стенкой. В окнах стояла белая ночь. Тихая, недвижимая, как экран испорченного телевизора.

Генка размечтался и стал подсчитывать — сколько ему до двенадцати осталось? Это еще целый год в четвертом, потом каникулы отгулять, и в пятом классе целую четверть отучиться — только тогда отец возьмет его на подледный лов, на зимнюю рыбалку...

СЕМЬЯ — ЭТО СЕМЬ «Я»

«Катюша» — хитрая штуковина, состоит из двух лодочек, как катамаран, и скользит по воде, как воздушный змей по воздуху. На бечеве — поводки с «мухами» из перышек. «Мушки» прыгают по поверхности воды, хариус увидит, подумает, что стрекоза или водомерка, схватит и попадется на крючок.

Два дня Генка готовил и проверял снаряжение. Покрасил лодочки у «катуши» в серебряный цвет, который почему-то называется «алюминиевая пудра». Свил из тонкой проволоки два поводка для спиннинга, как папа показал. Начистил пастой блесны так, что при солнце на них больно глядеть, накопил литровую банку червей и смастерил для себя подводное ружье: на одном конце палки старая вилка примотана, на другом — резинка кольцом прибита. Если протереть руку в резиновое кольцо, натянуть его, ухватиться за конец палки у самой вилки, а потом как отпустить! — палка летит на два метра.

Отец осмотрел Генкино ружье и сказал, что «ерунда», но Генка не согласился. Жаль вот, акваланга нет.

Папа научил Генку сращивать порванные лески морским узлом и привязывать крючки «восьмерками», и Генка так наострилса, что потом пришлось у Ричарда на ботинке один шнурок резать, — узел никак не развязывался.

Два дня мама не давала Генке покоя. То строгим голосом перечислит все «нельзя», то вдруг привлечет Генку к себе, вихры разглядит, коснется виска губами и жалостно и молча смотрит в глаза, словно Генка не рыбачить собрался, а на двадцать пять лет в солдаты к царю-батюшке забрит. От ее взгляда Генке самого себя жалко.

Утром, днем и вечером она повторяла и повторяла: «Мой чаще руки!», «В машине не прыгай — голову проломишь», «Купаться не смей — простынешь», «В лес один не ходи — заблудишься», «Мой чаще руки!», «Дурных слов от мужиков не слушай — хулиганом вырастешь», «Сырую воду не пей — дизентерия будет», «На голой земле не спи — радикулит схватишь», «Бойся клещей — энцефалитом заболеешь», «Сырую рыбу не ешь — глисты заведутся», «Чужих собак не гладь — лишай подхватишь», «И мой, мой почаще руки!».

— Дай мне честное слово, что будешь руки мыть!

— Даю.

— Что «даю»? — присела, проникновенно глянула в глаза.

— Даю-честное-слово-что-буду-мыть-чаще-руки! — внятной солдатской скороговоркой отбарабил Генка основную мамину заповедь.

— Возьми себе два яблочка, в карманчик уברי, мужикам не давай. На базаре купила, свежих-то нет. Вот и конфетки тебе. Там, небось, мужики выпьют, покормить тебя забудут, сядешь ты... — мама всхлинула, — сядешь ты в стороночке, маленький, голодный, погрызешь яблочко... Нет, не могу!.. Руки вымоешь и погрызешь яблочко, и маму свою... Нет, не могу...

Генка и хотел с мамой за компанию пригорюниться, но как услышал «руки вымоешь», так сразу вспомнил, что Ричард не знает, как его подводное ружье стреляет, и у него от нетерпения ноги чуть не заплясали. «Спасибо», — буркнул и убежал.

С бабушкой проще. Генка ей долго в ухо кричал, объяснял, что с мужиками на машине на рыбалку едет. Она согласно кивала головой, поддакивала, а потом переспросила:

— Где говоришь, его переехало?

— Кого переехало? — удивился Генка.

— Сам сказал, мужика грузовиком задавило! — удивилась в свою очередь бабушка.

— Нет, ты не так поняла! — и показал руками, как он удочку забрасывает и во-от такую громадную рыбину вытаскивает, бабушке подносит, уху варит, — помотал рукой, словно что перемешивает, а потом себя по животу погладил, — и бабушка сразу все поняла.

Обрадовалась, нараспев принялась Генку хвалить:

— Ой, внучек, ой, молодец! Собрался внучек на рыбалочку, на рыбалочку, да за красной рыбонькой! Привезет внучек рыбку бабушке. Рыбку свеженьку, рыбку вкусеньку. Будет бабушка ту рыбку варить, рыбку варить — внучка благодарить! Ой, молодец! Ой, пионер растет — сизый голубок!..

В пятницу вечером бабушка отманила Генку в свой закуток под киот с Николой Мирликийским, апельсин вручила, показала пальцем, что молчал и отцу не передавал, оглянулась, перекрестилась и зашептала:

— С казенным королем в лодку не садись. Удачи не будет. Нет удачи у казенного короля. Все пустые трефовые разговоры.

Генка пионер, ни в какие карты он, конечно, не верит, но бабушка только гадала по картам. Судила-то она по людям. Он заморщил лоб, со-

ображая, кто бы мог быть «казенным королем»? Неужели Барабашин, дядя Саша? Хотел у бабушки уточнить, но громко говорить нельзя, папа услышит. Помахал руками, мол, кто такой? Бабушка только вздохнула.

— Я откуль ведаю — кто? Сам, свет-акселера-тушка, смотри. Карты так легли. По им и баю. Мне не веришь — картам верь.

И опять вздохнула...

Младший брат Ричард — вспылчивый и мохнатоглазый, весь в маму, у нее тоже длинные и пушистые ресницы — узнал, что Генка на рыбалку едет, и взбеленился: «И я хочу!», «Иначе в садик не пойду!», «И в школу не пойду!», «И кушать не буду!», «И спать не буду!», «Ничего не буду!», «Все не буду, сам не буду!».

— Правильно, «не будь!» — неожиданно под-держал его папа. — Так и надо! Правильно!

Ричард застыл с криво перекошенным ртом.

— Не купай, не спи, в садик не ходи. Еще лучше — заплачь. Заплачь! Ну? О-очень помога-ет. Чуть что — и в слезы. Самая мужская рабо-та — плакать. А на рыбалку тебе еще рано...

Ричард покраснел, как красный воздушный шарик, заморгал часто длинными ресницами и отошел от папы и Генки, которые сворачивали ре-зиновую лодку, — отошел, оглядываясь исподлобья, через плечо бросая взгляды. Но не заплакал.

Пропадал где-то целый вечер, а в постели по-просил:

— Генчик, Генечка, привези мне, пожалуйста, рыбку живую. Обязательно живую, в бан-ке! А я тебе лупу дам выжигательную, на це-лый день дам.

— Привезу, конечно, привезу...

— А помнишь, у нас в корыте два рака жи-ли? Ходят такие по дну, усами — шших! Клеп-нями ух-тух-тух! Как космонавты в скафанд-рах! И зеленые! Куда они потом делись? Я за-был...

— Варнак слопал. Они выбрались из корыта, он и слопал. Глупая собака... Рич, ты не расстра-ивайся, у тебя все еще впереди. И на рыбалку будешь ездить. Вот окончишь первый класс, и мы тебя обязательно возьмем.

Рича отвернулся к стенке, зашмыгал носом.

— Рича, что ты, Рич? Хочешь апельсина?

— Хочу... — сел, подвернул ноги. Подержал апельсин, покрутил. — Нет. Тебе его с собой дали. На рыбалку... Не надо. Ты мне рыбку живую при-вези. В банке.

И Ричард снова отвернулся к стенке...

Машенька не меньше других высказывалась по поводу отъезда на рыбалку старших в семье мужчин. В пятнадцатимесячной голове было свое мнение.

Она ходила вокруг Генки на пока еще полу-согнутой ножках. Без слез падала, без слез вста-вала. Пыталась засунуть в рот то коробку с ключ-ками, то обрывок изоляты. Один раз укусила плоскогубцы. Показывала пухлым пальчиком на Генку: «Зезя!», и на его подводное ружье: «Лап-па!», и на берестяной кошель: «Лап-па!», и на Варнака: «Лап-па!».

Машенька называла Генку «Зезей» за то, что он ее в ясли и из яслей таскал. Слово «лап-па» она знала уже девять дней, называла им всех остальных членов семьи, лампочку, соску, кро-ватку и даже свой горшок, на котором толком не умела сидеть, и судя по тому, как часто она это слово употребляла, обещала вырасти очень болт-ливой девчонкой.

ТЕЗКИ

Вышли из дома — моросило. Не дождь, не ту-ман, а всякий кисель из мелких капелек. Мзга.

Отец даже закуривать не стал.

А Варнак опалел после тесного помещения, рвал поводок из Генкиных рук, прыгал, скалил молодые зубы и, словно на прищепе, тащил Ген-ку от угла к углу — зигзагами через дорогу.

Аромат некоторых углов и фонарных столбов нравился Варнаку чрезвычайно: он внюхивался еще и еще раз и, когда ставил свою метку, не скалился попусту, как щенок, а сдвинутыми бро-вьями подчеркивал серьезность момента. Запах других углов раздражал Варнака, он фыркал, скреб лапами и словно перечеркивал написанное ошибочно другими псами. Но большинство углов, как заметил Генка, не слишком вдохновляли Вар-нака. А он по-своему, по-собачьи деловито распи-сывался, мол, так и так, здесь побывал Варнак, нечистокровный гончак, чего и вам желаю. Вро-де туриста, который ставит свою фамилию-метку на стене замшелой церквухи и думает: «Недель-ку не соскоблят, и то хорошо. На неделю, но па-мять о родном ГПТУ».

В автобусе папа, Генка и Варнак были един-ственными пассажирами — выходной день, рано.

— Во-первых, — во-вторых, — во-вторых, — начал папа, — во-первых, веди себя как подобает. Сусоли-мусоли не разводи. Не линни ко мне. Будь как все, а не маменькиным сыночком. Сам знаешь, мужики этого не любят.

Генка кивнул.

— Во-вторых, не лезь в разговор старших. Спросят — отвечай, а без спроса не высывай-ся. Всяк сверчок... Чтобы мне за тебя стыдно не было.

Генка поджал губы.

Папа уселся удобнее, протянул ноги вдоль прохода и уже другим голосом добавил:

— Если что надо, обращайся ко мне. Я всегда буду рядом.

На место сбора у газетного киоска папа, Генка и Варнак прибыли первыми, и почти вслед за ними подошел дядя Рейно. Рейно Арвидович. Лысый, маленький фрезеровщик из лапиноского цеха. У него было сложное имя-отчество, и потому Генка его хорошо запомнил. Всегда хорошо запоминается то, что слышишь редко, например — Кампанелла.

Дядя Рейно протянул папе руку — пожал, протянул Генке руку — пожал, протянул и к Варнаку руку, и Варнак в ответ приподнял было лапу, но Рейно Арвидович не стал наклоняться, а просто потрепал пса за ухо.

— Нда-а-а... — недовольно сказал дядя Рейно.

Рейно Арвидович говорит очень редко. Однажды у костра Генка специально засек: сколько слов скажет дядя Рейно? Но так и не дождался. Рейно Арвидович кивал и поддакивал, когда к нему обращались или того требовал разговор, но сам не сказал ни слова. Главное, с дядей Рейно интересно было молчать, сидеть в одной лодке, ловить рыбу и молчать. Не скучно.

По одному «нда-а-а...» было понятно, что Рейно Арвидович недоволен погодой и сомневается в уловистой рыбалке.

— Не ахти, не ахти погодка, ты прав, — подержал его папа.

— Ничего! — бодро заявил Генка. — Помните, как в дождь на Тохтозере клевало? В мае месяце?

— Юу-у-у-у! — улыбнулся Рейно Арвидович.

— Другое дело. Посмотрим, что Култозеро покажет, — не разделил Генкиного оптимизма папа, — у каждого озера свой характер...

— Мужики-и-и!!! — заорал издалека громадный мужчина и, грохоча шарабаном, побежал к ним через площадь.

— Здорово! Мужики! Вы тоже опоздали?! Нет? Сбор в семь? Ну, здорово! Я перепугался — думал в шесть. Думал — проспал! Ну, здорово! Привет-привет! Геннадию Николаевичу! Тезке! Персонально! — протянул Генке руку, а сам схватил, перекинул его вверх ногами, захотел.

— Отпусти! Отпусти! — завопил Генка. — У меня компас выпадет! Дядька Генка! За бакенбарды ухвачу! — верещал напрасно Генка, дрыгая ногами, а Варнак разъярился, не понимая шуток, и чуть в ногу мужчине не вцепился, защищая младшего хозяина.

— Ух-ух! Наш петух! — поставил Мерианов Генку на ноги. — Чем тебе мои баки не нравятся? — присел перед Генкой на корточках, лицом

к лицу. Под крупным носом у дяди Гены щеточка черных усов, громадный подбородок иссиня-черен до порезов, и все длинное лицо в густых бакенбардах, как в черной раме.

— Знаете, мужики, — на полном серьезе обратился он к Генкиному отцу и Рейно Арвидовичу, — сколько мук я за эти бакенбарды принял? По порядку рассказывать — на семь серий хватит! Чего смеетесь? Здорово, Кузьминична, — сказал подошедшему Ивану Кузьмичу, тоже рыбаку-артельщику, из механосборочного. — В школе из девятого класса выгнали — раз! — загнул палец, поросший черными волосинками.

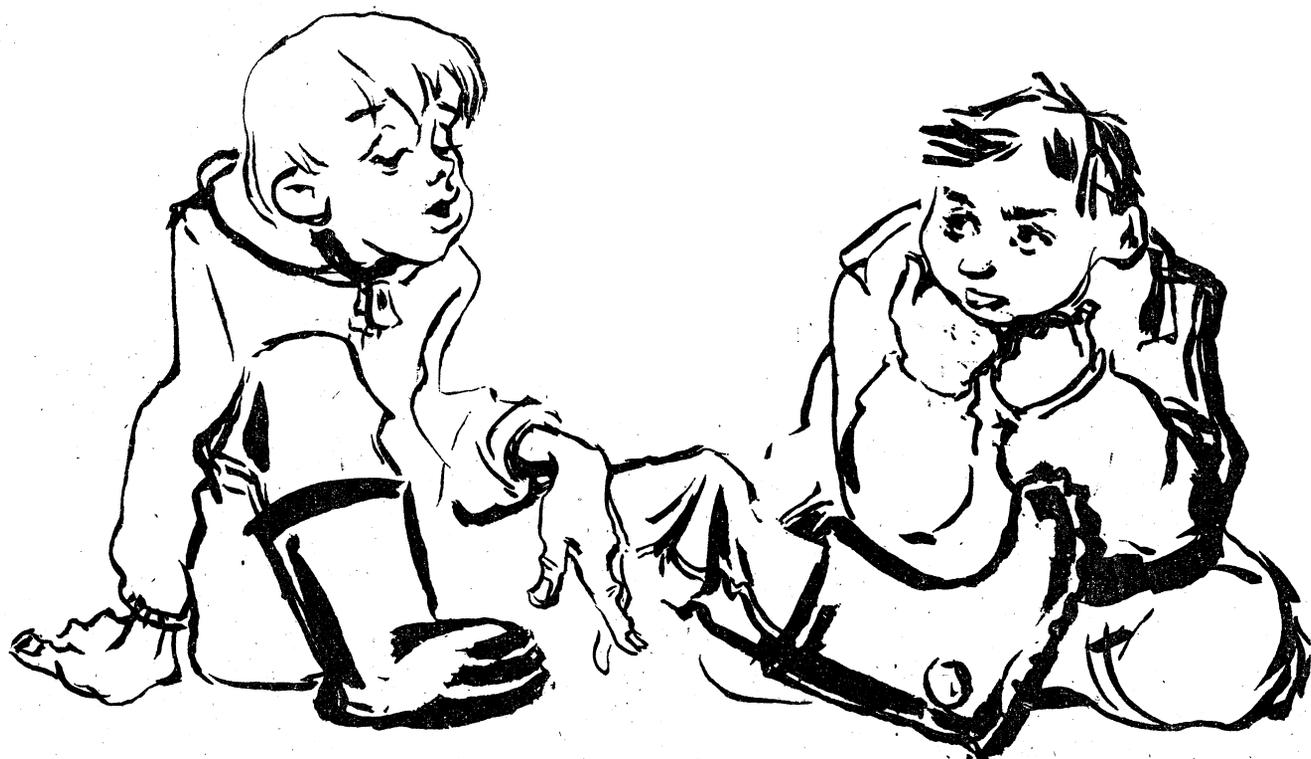
— Как же! Будут из школы за бакенбарды гнать! За кое-что другое... — протянул Иван Кузьмич.

— И другое-то из-за бакенбардов произошло! От родителей с детского садика за бакенбарды страдал — два! — еще один мохнатый палец загнул. — В армии старшина полгода увольнительных не давал — три! С одной женой из-за баков развелся, другая сама меня женила — четыре! Исключительно из-за баков! На улицу страшно выйти — за жулика принимают — пять! В прошлом году дважды по полтора часа в кепезе сидел. На Свердлова, в подвале. «У тебя, — говорят, — алиби, а у нас третья квартира какой-то тип в черных бакенбардах грабит!» Говорю я майору: «Не граблю я квартиры, я зарабатываю хорошо». А майор мне: «Напрасно отпираешься. Чистосердечное признание полтора года стоит...» Потом позвонил куда-то, проверили: «Жаль. Вот если бы ты грабил, а мы вот тебя поймали!» — «Не поймали вы меня, я по улице шел. В баню». Майор не сдается: «Да. Доставили и выясняем личность. У нас свидетельские показания и фоторобот жулика с твоими бакенбардами...» Отпустили. Через три дня снова встретились. Майор с порога: «Вы бы сбрили свои бакенбарды, следствию мешают». А я: «Нет, пусть ваш жулик сбреет. Так ему и передайте!»

Пока дядя Гена жаловался, рыбаки подходили и подходили. Генка их всех знал в лицо, многих помнил по именам и фамилиям — они работали с его папой. Подходили, здоровались, улыбались, слушали «жалобы» Мерианова.

— Взял бы и сбрил! Чего жалеть?

— Ну да?! — Мерианов соорил такую физиономию, словно впервые услышал этот совет. — Как? Взять и сбричь?! — даже рот от удивления открылся; комик, ему бы в цирке выступать. — Бритвой?! По бакенбардам?! — он иступленно рванул себя за грудки так, что молния на куртке — вики! — распахнулась. — У меня в баках, может, вся жизнь заключена! Как у Коцея Бес-

смертного! У того смерть в яичке на конце иголочки, а у меня в баках! Сбрею, и не будет в этом мире Мериканова Геннадия Сергеевича!

— Машина! Машина! — еще смеясь, закричали, замахали руками, кепками.

Грузовик с крытым кузовом тормознул с заносом по влажному асфальту. Рыбаки полезли через борт, передавая шарабаны, свертки, рюкзаки, Варнака, смущенно поджавшего хвост, подсаживая Генку и друг друга. Погрузились, уселись, заговорили разом, оглядывая соседей: «Все?» — «Все!», «Кого нет, признавайтесь!», «Дерябин, где ты?» — «Он у танка», «Куриков тут?» — «Заболел, велел передать, что не едет», «Знамо дело, заболел — жена его из отпуска вернулась», «Поехали!» — «Нет! Стой! Александр Семенович где?» — «У танка ждет», «Поехали!», «Трогай!» — стукнул кто-то в кабину.

Поехали.

«Поехали! Поехали! Поехали!» — одна радостная мысль прыгала у Генки. Кузов трясло, под лавками покачивалась голубая фанерная лодочка, рыбаки закуривали, перебрасывались словами и словечками. Генка вертел во все стороны головой, ловя дружеские взгляды и возгласы: «Ну-у-у! Гена с нами — кошелки полны!», «Быть рыбе!», «Не подкачаешь, Геннадий Николаевич?», «Рыбак растет! Добытчик!», «Как учишься, Генка?»,

«Каникулы, какая учеба!», «Ха-ха-га-га!» — фразы сливались в общее одобрительное гоготание. Так, вероятно, ватага взрослых птиц встречает молодого гусенка, с пером еще не отвердевшим, но с явным желанием скорее научиться летать.

НА ЧЬИХ САНЯХ ЕДЕШЬ — ТОГО И ПЕСНИ ПОЙ

Короткую остановку сделали на окраине города, где на слиянии двух улиц в загородное шоссе стоял старый Т-34 и заклепанным дулом целился в никуда.

Когда-то он, или его железный брат-близнец, первым вкатил в разрушенный фашистами город. Шоссе тогда не было — просто грунтовая дорога, щербатая от воронок и в волдырях битого кирпича. После войны — Генка слышал это от отца — дорогу замостили красной брусчаткой, поставили здесь танк и назвали улицу «Красноармейской».

У танка грузовик поджидали несколько рыбаков-артельщиков, спаниель Кеша со своим хозяином Барабашиним и незнакомый мужчина с загорелым мальчишкой. На мальчишке блистали красные заграничные сапоги с загнутыми рифлеными носами.

Артельщики — Дерябин, Подколызин и дядя Вавилкин — полезли в кузов, Кеша по-приятельски обнюхался с Варнаком, а Барабашин представил рыбакам повичков:

— Здорово, мужики! Это Виктор Павлович, мой однокашник по институту. Рыбак не рыбак, а захотелось на рыбалке побывать... Что скажете?

— Места в машине много. Чего говорить! А пацана как звать? Садитесь, садитесь! — отозвалось несколько голосов разом.

— Меня зовут Сережа, — мальчик был года на два старше Генки.

— Сережа, ты садись рядом с нашим Генкой. Он тебя быстро рыбачить научит. А тебе, Генка, подарок, — дядя Вавилкин открыл свой кошелек. — Помнишь, что заказывал?

— Да! Ножик! Уже готов? — просил Генка.

— На, держи. Мое слово — закон. Что обещал — сделано.

— Уй, спасибо! Уй, спасибочко, дядя Вавилкин! — нож был настоящий, рыбацкий. Рукоятка из карельской березы, широкое лезвие не длинно и не коротко, в самый раз, кожаные ножны на заклепках и с лоскутом камуса, чтоб лезвие при случае вытирать.

— Хм-м, подумаешь! Он даже не складной, — скривив губы, хмыкнул Сережа. — Вот у меня гэдэровский ножик! С вилкой, ложкой и штопором. Шесть лезвий.

— Сергей, пожалуйста, веди себя скромнее, — осадил сына Виктор Павлович и потрепал Генку за плечо. — Хороший мальчик.

— Ладно, — шепнул Генка Сереже. — Чего там. Давай ножами меряться — чей сильнее? Полезли в лодку. Ехать далеко, а там удобней.

Мальчишки пробрались между лавками, бросили на дно лодки чьи-то фуфайки, улеглись.

— Разумеется, твой нож длиннее, — протянул Сережа.

— Нет, не длиной, а силой надо меряться. Вот смотри, — Генка открыл самое большое лезвие у Сережиного ножа и ударил своим. — Так-то! На твоём зазубрина, а на моем нет!

— Дай я попробую, — Сережа приметился и секанул по Генкиному ножу своим ножом. У Генкиного лезвие не затупилось, а на Сережином ноже появилась вторая зазубрина. Совсем глубокая. Сережа обиженно покрутил свой ножик. — Подумаешь, зато у меня с ложкой!

— Железная ложка — ерунда. Много ей не нахлебаеться, — парировал Генка.

— Почему это?

— Деревянной лучше. Рот не жжет. Уха, знаешь, какая горячая? Горячей кипятка.

— Это я по физике знаю: там соли разные, и потому уха кипит при ста пяти градусах.

Генка этого в школе еще не проходил, на практике знал.

— А я три недели в Пицунде отдыхал, — похвастал Сережа. — Купался мощно. О-о, какой загарчик! Из воды не вылезал. А ты был на юге?

— Нет. Ни разу, — Генке до слез обидно. Ему хотелось придавить чем-нибудь этого задаваку, но ничего подходящее не вспоминалось. Генка лег на спину, зажмурился и снисходительно изрек. — Я по югам не езжу. Некогда. Все, понимаешь, по рыбалкам. С детства приучен. Столько рыбы переловил — тебе за десять лет не съесть!

— Подумаешь, — не сдавался Сережа. — Зато у нас дача. И «Жигули». Пока в ремонте. И если хочешь знать, — тут Сережа сделал победительную паузу, — у меня папа не простой человек. Начальник в книготорге, вот. Дома книг дефицитных куча и еще полкучки! И все с ним дружатся. В магазине-то книжечек таких — шип! — Он для наглядности сложил кукиш. Генка и без этого знал, что шип.

— А у нас Варнак есть! — нашелся Генка. — Варнак, ко мне, Варнак! — позвал он. Варнак пробрался в лодку, встал над мальчишками. — Ложись! Сюда ложись! — Генка похлопал по фуфайке. Пес покрутился в тесноте, лег калачиком, а Генка оперся головой на его спину, как на подушку. — Видишь, какой умный. Понимает с полуслова. А друзей и у моего отца много — вся артель на одном заводе работает. Там бригада — здесь артель. Мужики — что надо! Столько слушаешься — уши пухнут! Вот хотя бы дядя Вавилкин — столько историй знает, ни в одной книжке не прочитать!.. Тихо. Это он что-то рассказывает. Слышишь?

Мальчишки примолкли, прислушались к неспешному говору.

— ...зимой, зимой было. После войны. Тут как раз мы это место и проезжаем. Слева — Кончезеро, справа Укшезеро. И жил в Укшезере прохиндей. Хитрый! Крал, ну что говорят, — с колес ободья на ходу крал. Ловили-били, дело житейское. Оно вроде и понятно: побьют — отлежится. А в органы не стучали — у мужика семеро по лавкам. Решил, значит, прохиндей семейство коровку добыть. Увести. Не у соседей, в деревушке за тридцать верст по кондопожской дороге. А как? Зима, следы останутся. На себе не попрешь? В санях не повезешь? Но придумал. Забрался ополночь в хлев, умыкнул коровенку, за ночь почти всю дорогу прошел, а под утро — задача. Милиционер-участковый его нагоняет. Едет санный и видит: идет наш прохиндей, корову везет, а корова-то в валенках! О всех четырех копы-

тах в обуви — ровно баба по воду! Смекнул милиционер, что дело не чистое. Остановил прохиндея, спрашивает:

— Куда это ты, гражданин, коровку ведешь?

— Известно куда — домой! — даже не мигнет.

— Почему это, гражданин, коровка у тебя в валенках?

— Морозно. А я страсть как животных люблю. Боюсь, как бы копыта не застудила. Радикулит для коровы — смерть!

— Так-так... Поворачивай-ка, друг животных, коровку назад. Чтоб сегодня же доставил! Сам проверю! — хороший милиционер попался. Не стал протокола писать. А по тому времени могли за коровку десятку всучить — и не ахнешь. Сами знаете. Вернул прохиндей корову, но так за ним клочка и прицепилась: «Вася — друг животных».

Генка фыркнул, хотел Сережу в бок ткнуть, мол, что я говорил. Здорово Вавилкин плетет! А Сережа спал... Спал, открыв рот, посапывая, и верхняя губа торпорчилась над двумя крупными, как у кролика, зубами. Укачало. Видно, так рано он не привык вставать, не выспался.

— Не смеяться надо, а возмущаться! — спокойные слова Виктора Павловича разрезали смешливое настроение. В машине стало тихо. Виктор Павлович протер стекла очков о подкладку шляпы и убрал их в футляр. Лишь фырчал мотор и в днище кузова щелкала из-под колес галька. — Воровство должно быть наказано. Закон обязателен для всех. Невзирая на ранги и должности! Милиционер в данном случае нарушил свой...

— Сказано — семеро по лавкам! — перебил кто-то.

— Ведь не с жиру, с голых ребер, — добавил Вавилкин.

— Эти обстоятельства в компетенции судебных органов. Важен сам факт воровства. И поведение милиционера. Суд...

— Клось-ка! — из глубины фургона донеслось непонятное слово. — Виктор Палыч, ты ведь в торговле работаешь?

— Да. Я заместитель управляющего торгом. Но при чем...

— Усь-кузь-мись, — тот же торопливый голос забрызгал скользкими сливающимися словами. — А по диплому кто? Инженер! Как наш Барабашин. Инженерить тебе не вкусно? За сто с хвостиком в две смены? В торговле тебе теплее? Приварку больше?

Виктор Павлович привстал, оборачиваясь и глядя в глубину фургона, ища сощуренными глазами обидчика:

— Меня выдвинули... Но позвольте, собственно, почему вы ко мне на «ты» обращаетесь? Я кажется, повода не давал!

— Ах-мась-кась! Ваше Сиятельство! Простите великодушно! — рыбаки раздвинулись, и теперь Генка видел говорившего. Это был Крошелев-младший, такой же ехидный и шепелявый, как Крошелев-старший. — Усь-кузь-мись, Ваше Сиятельство! Усь-кузь-мись! У нас артель. Здесь все на «ты»! Начальников нет, как в бане. Вот и Барабашин не даст соврать — это на работе я к нему в кабинет на цыпочках вхожу и, тая дыхание, на «вы» обращаюсь... — Крошелев-младший кивнул на начальника цеха.

Барабашин недовольно буркнул:

— Как же! Ты и — на цыпочках!

— А здесь, мась-кась, я при надобности его пошлю кой-куда, и он ничего, переживет. У артели свои законы, так что и ты, Сиятельство Торговое, — еще больше распаляясь, выкрикивал Крошелев-младший, — катись...

— Но-но! Одержите назад. Дети тут, — перебил Крошелева Генкин отец.

Виктор Павлович сидел с открытым ртом, выпятив крупные кроличьи зубы. Кое-кто из мужиков ухмыльнулся на одинокий хохот Крошелева-младшего, очень довольного самим собой.

— Не дергайся, Крошелев, — вмешался дядя Вавилкин, — человек, может, первый раз на артельную рыбалку, а тебе лишь бы подначить. А вам, Виктор Палыч, я то скажу: «На чьей телеге едешь, того песни и пой». Пословица. То бишь мудрость народная.

Прочихался от дорожной пыли и притявкнул спаниель Кеша. Шуршали колеса по асфальту, щелкала в днище галька. Рыбаки молчали, Генка оглянулся на Сережу — тот еще спал. И хорошо, что спал, не слышал, как его отца тут осадил. «Вот о каком казенном короле говорила бабушка», — подумал Генка.

Молчание давило. Обычно рыбаки ехали весело, с шуточками и рассказами. Один выговорится — другой подхватит. А тут словно кто лягушку раздавил — так неприятно было.

— Дяденьки! Рыбаки-мужики! У кого лимонад есть? Пить хочется! — воскликнул Генка. (Пить ему не хотелось, просто так попросил.)

Рыбаки заоглядывались, кое-кто полез в шарбаны, но лимонада ни у кого не нашлось.

— Эх, вы! — с деланным огорчением упрекнул Генка. — А признайтесь по совести: кто из вас бутылку для себя забыл? У каждого припасена? А?

— Гена, может, пива?

— Еще чего! Оно горькое!

— Генка, а кофейку? Из термоса?

— Нет, дядя Костя. Оно у тебя с коньяком. Сам вечно хвастаешь.

Засмеялись. Точно подметил. Этому Дерябину

кто-то посоветовал коньяком от низкого давления лечиться. Вот он и лечится.

— Потерпи, Гена. Скоро родник должен быть. По левую сторону, сразу после Шанхая.

«Шанхаем» называли дачный поселок «Лучевой» за то, что выросли три тысячи дач за два года беспорядочно, как грибы после дождя.

У родника остановились, попили холодной водички, от которой сводило скулы и болели зубы.

Потом ехали и обсуждали: хорошо или нет дачу иметь. С одной стороны, получалось, что хорошо: свои овощи-фрукты, домишко, и все же не брюхом на диване у телевизора. С другой, — плохо: к одному озеру привязан, рыбачить скучно. И все согласились с мнением Семякина — семейство отправить на дачу, а самому махнуть артельно на рыбалку. «И овцы сыты и волки целы», — переделал пословицу Вавилкин.

Дорогой пришлось еще два раза останавливать машину, — Ивану Кузьмичу все не терпелось. Живот подводил. Мужики ерничали, советовали всякую чепуху. Один Виктор Павлович молчал угрюмо, смотрел внимательно на убегавшее шоссе...

...А ДОМ СКВОЗЬ ОКНА УШЕЛ

Последние километры оказались самыми длинными и утомительными — трясло, мотало, болтало, подбрасывало и влет отпихивало из стороны в сторону. Деревья уже не отлетали назад, как на шоссе, а корявыми ветвями шаркали по брезенту, словно хотели задержать машину, не допустить ее к Култозеру.

Припорошенные дорожной пылью, смолкли разговоры. Один дядя Гена Мерикианов не сдавался и в одиночку, смеясь самому себе, настойчиво врал старыми анекдотами о Волке и Зайце: «Во, вспомнил. Заходит как-то Заяц в пивной бар...»

И вдобавок — лужа. Сели по самую ось. Выпрыгнули из кузова, плюясь, заглядывали под днище, ругали проселок, оплошавшего шофера Музарина, которому «чутко левее надо было взять».

Поднавалились почти в полсотню рук: «И-и-и-эх!», «И-и-и-эх!», «В раскачку!», «Пошла-пошла-пошла-пошла!» — вытолкнули грузовик из лужи. (Генка кричал «Пошла» не слабее других, а к машине так и не пробился из-за тесноты.)

Забрались в кузов грязные, перебрязанные и почему-то довольные.

— По этой дороге только на танке ехать и в крепкий мороз! — кричал весело Климин. — Значит, других рыбаков на Култозере нет! Наше озеро! Наше!

Озера не было видно до последних метров, до разворота. Вот выскочил грузовик из проселка на луговину, пролетел полста метров, развернулся на знакомом пятачке — и с пригорка распахнулась во всю душу спокойная гладь Култозера.

Разом высыпали из кузова, как первоклашки на перемену, заходили, запритоывали отсиженными ногами, заговорили вперебой и бестолково, гогоча и радуясь наступившей свободе.

После дорожной пыли, бензиновой вони, папиросного дыма чистый воздух Култозера захватил и понес Генку. Хотелось прыгать, скакать колесом, как клоуны скажут в цирке. Дышалось легко и много, от каждого вдоха тело становилось все невесомее и невесомее.

Вдвойне веселился Варнак: подпрыгивал, улетывал на рысях, воображая, что Генка его догоняет. Но вдруг принялся к траве, забеспокоился, поднял башку и поймал по дуновению ветерка таинственные запахи... Потом сорвался, повел-повел стрелой в некошеные травы, повел повел под улюлюканье к ему известной цели (Генка затаил дыхание, сразу понял, что неспроста). И серой молнией взметнулось что-то перед собачьей мордой. Потом припало к траве и, дразня близостью, трепыхалось чуть впереди собачьего носа. Варнак вошел в азарт, с лаем, распустив правило, гнал зигзагами за куропаткой, отводившей его от своего гнезда...

— Варнак! Нельзя! Ко мне! Нельзя! Ко мне! — вдруг злобно крикнул папа. Варнак оглянулся раз, другой, оборвал лай и нехотя оставил преследование.

— Дичь есть — рыба будет! — заговорили рыбаки и стали решать: разбивать ночевку здесь, на мысу, или всем скопом переправиться на остров, где у артели хранились две дощатые лодки и стояла охотничья избушка.

Решили — лучше здесь, на открытом воздухе. Ветерком комаров отдувает, под себя старое сено можно приспособить, что в кривом сенном сарае хранится, а на случай дождя — брезент можно натянуть. В избушке же, в дыму и тесноте, нечего толкаться, чай, не зима, не осень.

Климин с одной спички запалил костерок для чая. Подкозьин подвесил на жердь два ведра воды, — на семнадцать едоков одного ведра мало, Сережа и Генка собрали на берегу валежник, срубили на дрова сухостойную осину. Музарян и Дерябин расстелили на земле большой кусок брезента, который был артельным столом, остальные рыбаки выкладывали в общую кучу продукты и припасы.

— Ой, не могу! Виктор Палыч! Да ты никак рыбные консервы привез? — засмеялся Барабашин. — Спрячь и не показывай!

— А в чем дело? — удивился Серегин отец.

— Примета плохая. На рыбалку с рыбными консервами не ездят. Свежей рыбы не будет.

За суматохой и разговорами незаметно вскипел чай.

— Трескай больше, впрок, — посоветовал Генка Сереже. — Теперь, считай, до самой ночи, до ухи, не перекусить. Некогда будет.

В общей куче на брезентовом столе среди бутербродов, вареных куриных ног, мятых яиц и смуглых пирогов лежали припасы и из Генкиной сумки — конфеты, яблоки и одинокий апельсин. Генка хлебал горячий чай и искоса поглядывал на желтый бок апельсина — не покусятся ли кто из мужиков? Апельсин был и Генкин, и уже не Генкин. Припрятывать его для себя, как мама советовала припрятать яблоки, Генка, конечно, не стал. Он твердо знал рыбацкую заповедь: «Артельно на стол, артельно за стол». И знал, что мужики не обидят, оставят самое вкусное пацанам.

Один Дерябин решил, очевидно, подразнить Генку, проверить его выдержку: взял апельсин, покрутил, понюхал ноздреватую корочку, лукаво поглядывая на Генку. Генка — ноль внимания, куриную ногу грызет. Дерябин апельсин на место положил, съел яблоко вместе с семечками. Яблоко Генке не жалко.

— Эт-то ж ч-чья ж т-такой жена п-пекла? — разламывая пирог надвое, косноязычно спросил Крошелев-старший. Генка поймал себя на том, что вновь, как дурак, выпятился на изуродованное лицо Крошелева. Лицо неприятное: одна щека стянута в узлы блестящей розовой кожицей, бровей, век нет, углы рта как надорванная бумага. Отец рассказывал, что Крошелев-старший в танке горел и контужен сильно.

— Моя, братцы, моя! Беда с нею, — отозвался серенький мужичок в задрипанной шапке-ушанке. — Пряжит пироги через день, да все у нее мимо цели. То подгорит, то тесто прокиснет, то вот эдакие железобетонные. Я тут вздумал ее похвалить, говорю: «Клавдюшка, твои пироги мужики через колено ломали, ели и нахваливали. А у Палыча большой зуб наконец-таки вывалился!». А она в слезы! Ревела так, что нижним соседям заново потолок белить придется. Пять дней не стряпала, обижалась. Но не вытерпела, так что угощайтесь...

Рыбаки заулыбались.

— Бабы слезы — кобылий пот. Одна цена.

— Дядь Вавилкин, как так — слезы и пот?

— Кобыла потеет, едва на нее хомут оденут.

Шага не шагнума и уже вспотела, устала. Так и бабы слезы.

Вавилкин распушил длинные седые усы — ще-

ки его покраснелись, нос подрумянился, точь-в-точь Дед Мороз на пенсии, только бороды и шапки с красным верхом нет. А глаза такие лукавые, словно вот-вот «козу» на двух пальцах сделает или подарок из мешка вынет.

— А ну-ка, Сережа, отгадай загадку: «Пришли воры, хозяина украли, а дом сквозь окна ушел? Ты, Генка, молчи, не подсказывай...

Сережа заморщил лоб, застыл с набитым ртом. Все глядели на него выжидательно. Рыбак или не рыбак? Он покачал головой, — нет, мол, не знаю. Торопливо дождался.

— Рыбаки, рыба и невод. Вот что такое...

— Эх, невод-невод. Теперь им не шибко. Рыбнадзор шастает. Глухо.

Заканчивали завтрак, выплескивали из кружек остатки чая. Генка выдернул из общей кучи апельсин.

— Кто будет?

— Кушайте сами, ребятки.

Разделил надвое, Сереже и себе.

Быстро разобрались, кому куда и кому что: Клишкин у костра за кашевара, Генка, папа и Рейно Арвидович на фанерной лодке «катушу» запускать, двое на остров за артельными лодками, остальные — кто со спиннингом, кто с удочкой — вдоль по берегу...

— Мужики! Сбор по сигналу! На уху. И рыбой меня обеспечьте, главное ершиков, ершиций. Без них уха не уха.

Клишкин всегда один уху варил, помощников не терпел. За компанию с ним остались Варнак и Кеша.

НА УДАЧУ КАЗАК НА КОНЬ САДИТСЯ — НА УДАЧУ КОНЬ ЕГО КОПЫТОМ БЬЕТ

Рейно Арвидович кашлянул, почесал лысину, переметнул жиденький клочок из пяти волосин с одной стороны лысого темени на другую и запустил на воду «катушу». Папа приналег на весла, лодка пошла веселее, прибавила ходу, и «катуша» все дальше и дальше отплывала от лодки. По мелкой ряби запрыгали поводки с «мушками». С волны на волну, как бабочки — с цветка на цветок.

Генка забросил по левому борту дорожку, закренил катушку на «трещотку», спрятал ладони меж колен, замер.

Короткое бамбуковое удилице чуть вздрагивало от каждого гребка весел, — это в глубине крутилась и дразнила золотая блесенка.

Глупая это выдумка — блесна. Генка не любил ловить рыбу на блесны, — нет, порой попадались вполне приличные рыбыны, так что с этой

стороны все нормально. Уловисто и хорошо. Но перед рыбой было неловко, — кусок латуни и тройной крючок, вот и вся приманка. Сплошное надувательство. На червя все-таки честнее, он съедобный, его рыба может взаправду кушать, и потом осторожной и не жадной рыбе совсем не обязательно заглатывать червя вместе с крючком. Как плотички, — откусили кончик и юрк в сторону, откусили — и в сторону...

По воде вслед за мушками сиганула режущая кромка спинного плавника. Дядя Рейно подогнул ногу под лавку, приготовился подсекать. Еще одна кромка сиганула за «катушкой». Исчезла. Вновь блеснула. «Неужели мимо?» — подумал Генка. И тут как дернулась бечева в руках у Рейно Арвидовича. Дернулась, пришлепнула по воде, как натянутая струна, и все десять «мушек» разом выплеснули десять водяных фонтанчиков. Слово пулеметная очередь пробегала от лодки до «катушки».

«Да, мимо, — огорчился Генка. — Если бы хоть на одну мушку клюнуло, то такой ровной очереди не получилось».

Рейно Арвидович приподнял плечи, насторожился и вдруг как дернет бечеву. Точно! Есть! И размеренными взмахами, стараясь не запутать поводки, стал сматывать снасть.

— Неужели клюнула? — шепотом спросил Генка.

Дядя Рейно утвердительно мигнул. Бечева, как змея, вилась ходуном в его руках. Отец перестал грести, сушил весла.

— Помочь? — спросил он Рейно Арвидовича.

Дядя Рейно отрицательно зажмурился, встал, высоко поднял бечеву, — на поводке полешком висел небольшой хариус. Генка отцепил его от тройника.

— Сейчас мы из него скоросолку соорудим!

— Эй-ка! — воскликнул дядя Рейно: на последнем поводке, почти у самой «катушки», неловко сидел еще один. Он даже не заглотил тройник, а случайно зацепился. Видно, когда Рейно Арвидович подсекал первого, этот неудачник оказался рядом и влип самым глупым образом. За любопытство пострадал.

Дядя Рейно снова запустил «катушку», Генка выдернул из-за голенища нож.

— За дорожкой следи, — напомнил ему папа чужим голосом. Отрывисто, жестко, как надсмотрщик. Генка уже привык, что на людях, а особенно на рыбалке, отец разговаривает с ним как с нелюбимым пасынком. Приказания, указания, запрещения — и тех мало. «Воспитывает из меня мужика», — думал Генка и считал, что так и надо.

— Ладно, — так же жестко отозвался он. Разделал хариусов, посыпал крупной солью и завер-

нул в плотную пергаментную бумагу. Через полчаса хариусы просолятся, и их можно будет есть. Прямо так, сырыми. Хариус рыба чистая, деликатная, не станет, как щука, всякую дрянь жрать — и лягушек, и червей, и снующую рыбу... Генка усмехнулся, вспомнил, как Мериканов врал, что он однажды щуку на портянку поймал, мол, полоскал с мостков портянки, а щука как зацепится, как шавка из подворотни, намертво. Так за портянку ее и вытащил. Врал, конечно, но... на щуку похоже.

Гена опустил руки за борт, смывая рыбью слизь, — вода была теплой, ласковой. Вдруг застрекотала трещотка на спиннинге — фы-ырх! — дернулось удилице. Генка едва успел перехватить. Подсек, перевел кнопку, стал сматывать — на другом конце лесе упорно дергала блесну рыба. Испуганно, ошалело, пытаясь высвободиться от непонятной боли. Но — Генка это чувствовал — тройник заглохнул глубоко, и рыбина не могла сорваться.

— Щука? — спросил папа.

— Нет. Пожалуй, окунь. Не водит, а дергает.

На блесне бился окунь, Генка не ошибся. С трудом отцепил его. Закинул блесну снова.

И пошла писать удача: то дядя Рейно с «катушки» добычу снимает, то у Генки на блесну клюет. Отец вспотел за веслами, но греб и греб беспрестанно. Рыба шла как по приказу. Только успевай вертеться. Через час у рыбаков было выловлено семь небольших хариусов, три щучки и два крупных — под полкило — окуня. И это днем, до зорьки. Что же будет вечером, когда жор настанет? — радостно загадывал Генка.

Неожиданно счастье кончилось.

С блесны у самой лодки сорвалась щука (отец обидно цыркнул: «Ротозей!»), и судьба отвернулась. Как отрезало.

Вымерло озеро.

Ни на «катушку», ни на дорожку поклевки не стало.

Изменили направление — не клюет.

Поменялись местами (дядя Рейно сел за весла, а отец повел «катушку»), ни ответа ни привета.

Вернулись, трижды прошлись над поклевистым местом — кладбищенское спокойствие.

Папа сделал несколько бросков спиннингом — ноль внимания. Очевидно, рыба в озере получила другой приказ.

...Ветер стих, волны улеглись, рябь разгладилась.

— Тишь да гладь, да божья благодать! — зло сказал папа. Отбросил спиннинг.

Вдалеке, против солнца, застыли черными силуэтами рыбацкие лодки. Говор низко стался по

воде, докатывался сюда. Казалось, что рыбаки разговаривают совсем рядом, в полсотне метров, хотя до них грести и грести — метров четыреста!

— Мужики! — крикнул папа. — Как дела?

— ...Как сажа бела... — донеслось не скоро.

— Поехали к протоке, — предложил Генка, — может, там?

— «Там-там», — передразнил отец. Протока всегда была про запас. Берегли это место как самое уловистое. — Сам и гребки, помахай веслами.

До протоки, где из Култозера вытекала река, было километра полтора.

Доплыли, дважды меняясь на веслах. Дорогой закусили подсоленным хариусом, запивая озерной водой. Встали наискосок от стремнины, закинули якорь. Стали ловить на червя. Поклевки, конечно, были, но редкие, случайные. Время клева еще не подоспело. До зорьки оставалось часа два, полтора.

Вскоре подошла большая лодка с шестью рыбаками и встала по другую сторону протоки.

Папа и дядя Рейно курили, лениво поглядывая на ленивые поплавки.

Генка запахнул в отцовскую фуфайку, привалился в носу, задремал...

Проснулся — лодка, подрагивая, катилась вниз по течению реки. Дядя Рейно направлял ее движение кормовым веслом, зажатым под мышкой, а в руке держал дорожку. Отец забрасывал спиннинг.

Генка плеснул на лицо горсть воды, отогнал

сон, потянулся. Забросил свой спиннинг, стараясь вести лесу подальше от лодки, чтоб не перепутаться с дорожкой, и сразу почувствовал, что его блесной кто-то интересуется! Остатки сна вмиг сдуло. Нет, поклевки не было, но блесна торкнулась, словно ее кто потрогал. Конечно, это могло быть камнем или корягой, но... Смотал немного, подождал, еще смотал, подманивая, подводя. Приготовился подсечь, уперев палец в кнопку тормоза, и уже разочарованно выдохнул, как с визгом застрекотала леса, раскручивая катушку. Упругая сила тащила спиннинг, катушка не успевала разматываться, рычаг больно бил по пальцам, не давая возможности перехватить. Ладонью удалось застопорить.

Папа удивленно икнул, дядя Рейно направил лодку к берегу, заставил ее ткнуться в камни.

— Держи! Держи! — крикнул папа. Генка держал, а рыбина тянула и тянула, уже против течения.

— Дай мне! — приказал папа. — Дай, не справишься!

— Нет. Нетуш-ники! — прошипел Генка. — Сам!

Катушка не поддавалась, не было сил смотать леску, пришлось бросить спиннинг, тащить за голую острую леску. «Выдержи, выдержи, лесочка. Не сорвись, не сорвись, крепенькая! Один раз, один раз в жизни! — шептал про себя или говорил вслух? — Один раз, один раз в жизни!» Вот она, большая, настоящая удача!

Рыба устала идти против течения, и Генка

постепенно, по кривой линии ближе и ближе подводил ее к берегу. А папа уже, задержав вверх голенища болотных сапог, стоял в воде, держа наотлет сачок и готовый поддеть добычу.

«Один раз! Один раз в жизни!»

Большая, очень большая, такая даже во сне не снилась, сиреневая, пятнистая на боках рыбина мотала башкой почти под лодкой, трясла закушенной блесной, как необъезженный конь удилами. И тотчас ее прордел папин сачок, с усилием переваливая в лодку...

— Эй-ка! — воскликнул Рейно Арвидович, желая предостеречь, но опоздал — Генка уже навалился на форель, и тут словно током в руку ударило.

— Ву-у-а! Ввв-у-у-а! — заголосил Генка. Резкая боль пробила руку насквозь — в ладонь впилась крючки тройника от дорожки дяди Рейно. — Вву-у-а... — и сразу смолк, встал на карачки, закусил губу: нет, не сейчас, не ему в такую минуту скулить, как последнему коту. «Один раз! Один раз в жизни!» — ничемное заклинание еще пульсировало в голове.

Папа вздернул его на ноги, подтащил к себе, железной хваткой держа за локоть. Два больших крючка 12-го номера насквозь прошли ребро Генкиной ладони. Кровь текла, не сильно, но текла. Хуже всего — насечки на крючках. Из-за них нельзя было крючки выдернуть. Генка крепился, молчал, как должен молчать мужик, как молчал бы папа, но слезы сами собой катились из глаз, застилала белый свет.

Дядя Рейно сокрушенно покачал головой, скрипил маленькое морщинистое лицо, словно ему самому было очень больно.

Лишь отец был спокоен и деловит, казалось, он все заранее знал и давно был готов увидеть безобразные крючки в маленькой Генкиной ладони. Он перекусил леску у блесны, пошарил у Генки за голенищем, наверно, отыскивая нож.

— В другом, — выдавил сквозь зубы Генка.

— Потерпи, мой друг, — сказал папа. — Рейно, у тебя водка есть? Достань, пожалуйста... Придется малость потерпеть. Сейчас будет больно.

Он вывернул Генкину руку неммыслимым образом, до темных кругов в глазах, так, что боль в плече заглушила рваную боль в ладошке. Придавил своим коленом Генкину руку к лодочному борту, взмахнул ножом. «Неужели мне по руке?» — мелькнула у Генки дурацкая мысль. Но нож только перерубил один крючок из тройника. Генка взвизгнул.

— Потерпи, мой друг, — спокойно растягивал слова отец. — Сейчас будет больно, — вторым ударом пересек второй крючок. Отбросил блесну. Осторожно вывернул из раны обломки крючков.

— Вот и все. Можешь опустить руку в воду. Генка послушался. В воде руке стало легче.

Папа выпростал майку, надрезал, оторвал полосу, смочил ее водкой, отжал. Налил водки на дырки в Генкиной ладони, крепко перебинтовал.

— Ну вот. И все. А-ты-дурочка-боялась, — почему-то скороговоркой окончил папа. Глаза его виновато забегали. Он отвернулся, закурил.

— Ништяк. Заживет, как на собаке! — Генка выдавил подобие улыбки. — А что ж моя форель?

Форель еще дергалась в сачке на дне лодки. Ее кровь перемешалась с кровью из Генкиной раны.

— Ю-у-у, Гена. Правильно, — первые слова за целый день выговорил Рейно Арвидович.

— Это, братцы, не форель. Кумжа, озерная кумжа. Речные форели не такой окраски и больше килограмма не бывают. А в этой, — папа отбросил папиросину, привзвесил рыбину, — килограммов пять верных. Да. Такие попадают не часто, один раз в жизни! — высказал он заветные Генкины слова. — Один раз! Ты эту кумжу хорошо запомни!

— Запо-о-омню! Как же. Вот и зарубки есть! — Генка помахал перебинтованной рукой.

— Сам, сын мой, виноват. Болит?

— Ништяк! Ничего.

— Может, тебя к машине отвезти?

— Нет. Нетушки. Зорька на носу. Самый клев, — рука у Генки болела уже не так сильно. — Поехали.

Отец столкнул лодку с камней, сел на корму. Рейно Арвидович, глубоко налегая на весла, погреб против течения в сторону Култозера...

...Вечерняя зорька и впрямь оказалась удачной. Рыба клевала как ошалелая, как с цепи сорвавшаяся.

Временами Генка действительно забывал о раненой руке. Червяков вот неловко было на крючок насаживать, а так ничего, все ничего, норма-ально...

ЛУЧШЕ МАЛЕНЬКАЯ РЫБКА, ЧЕМ БОЛЬШОЙ ТАРАКАН

Длинный гудок созывал рыбаков на уху...

На берегу у костра, у брезентового стола, собралась почти вся артель. Генкина лодка подошла последней.

Рыбаки, голодные и довольные, встретили опоздавших веселыми упреками: «Где вас черти носят?», «Всю рыбу выловили аль нет?», «Уха перестойся!».

Папа, держа кумжу за жабры, выволок ее из лодки — вмиг говор смолк, — руку полусогнул в

локте, а рыбий хвост все равно волочился по траве. Шлепнул рыбиной по брезенту — упали, покатались два пустых стакана. «Вот так рыба...» — из-за спин чей-то шепот.

— Кто расстарался? — сухим голосом спросил Барабашин.

— Неужели не ясно — кто? — хмыкнул папа и кивнул на Генку.

— Не может быть! Врете! — в один голос двое.

— Генка может. Рука легкая, — сказал дядя Вавилкин.

Рыбаки опомнились, заговорили, заприцокивали, запричмокивали, на разные лады выражая восхищение и профессиональную зависть.

— Э-э, товарищи! Браконьерством тут не пахнет? — голос благоразумного Виктора Павловича.

— Нет-нет! Озеро открытое.

— Он же на спиннинг, а не острогой!

Генка аж вспотел от всеобщего внимания — так тепло было в лучах славы.

— Это что. Я и не такую могу! Только попадись! — но его не дослушали, засмеялись, замахали руками.

У Сережи сузились до щелок глаза, покраснели уши, он что-то буркнул, побежал к машине.

— Ты, Геннадий, не хвастай попусту! — громко, громче всех заговорил Климкин. — Один раз повезло, и уже задаешься! Знаешь кому везет? Во-во! А вот Сережа... Ты куда исчез?.. Сережа столько ершей на уху натаскал! Без Сережиных ершей мы бы голодом остались. Мужики, я верно говорю?

— Верно-верно!

— Сережа дважды молодец!

— Сережа! Ты куда? Угощай нас-мась-кась ершаками!

— Без ершей уха, что кура без петуха. Скучная и пустая!

— И маленькая рыбка лучше большого таракана!

Папа взглядом приказал Генке сбегать позвать Сережу.

Генка нашел его в кабине, он сидел набычившись и шевелил губами. Увидел Генку — отвернулся.

— Серега, ты чего? — подергал за рукав. — Подумаешь, кумжа. Удача. Повезло. Пойдем кушать, все тебя ждут. Уха остынет...

— У меня один сорвался — грамм на триста...

— Ничего, будешь с нами ездить — поймаешь еще здоровей!

Сережа еще что-то невнятно пробурчал и, словно нехотя, поплелся за Генкой к столу.

Дядя Костя Климкин, как обычно, превзошел самого себя. В прошлый раз, говорили рыбаки,

уха была вкусная, а сейчас еще вкуснее! Ложку можно проглотить. Не уха, а поэма, и все из-за Сережиных ершиков, подчеркнул Климкин. Уха густая, тройная, янтарная. С дефицитным черным перцем и щучьим сердцем. Ерши сварены в первую очередь, за ними окуни и плотва, напоследок судачок и два сижка. Вся рыба была отдельно в мисках, на второе, уху хлебали пустой, как положено.

— Сига ударь головешкой по носу — он уже сварился! Уж такая рыба нежная... — скромничал Климкин.

— Во-во! Ерш самый навар дает! — поддакивали ему.

Нахлебавшись ухи, принялись за рыбу. Мерикианов громко провозгласил:

— Мужики! Сухая ложка рот дерет! Пора принять меры.

Никто ему не возражал...

Генка и Сережа напились чая и переглядывались, перемитгивались.

— Укладывайтесь спать, ребятки, — с лица Вавилкина не сходила сладенькая улыбка, он часто мигал, сился держать глаза открытыми.

Генка достал из своей офицерской сумки большой женский платок, поделился «Рипудином» с Сережей и намазал себе шею, руки и щиколотки.

— Зачем тебе платок? — спросил Сережа. — Ты что, девчонка?

— Комары. Фу, пакость, — Генка обмотался в платок, как бабушка, только кончик носа и глаза наружу.

Комары злобствовали.

— Пойдем в сарайку, — предложил Сереже Генка. — Мужики тут будут спать, комаров приманивать. А нам не сон. — Сережа согласился.

— Папа, мы с Сергеем в сарайке будем спать.

— Ладно. Фуфайку мою заberi.

— А ты?

— Платц есть. Я как солдат — одну ладонь под себя постелил, другой накрылся.

— Разбуди на утреннюю зорьку. Обязательно.

— Спи, Гена, разбужу.

За столом самые крепкие мужики, которых не разморила ни еда, ни усталость, обсуждали вероятность третьей мировой войны. Все соглашались, что после нее одни микробы выживут и те закомплексованные, а вот начнется ли, еще вопрос спорный.

— Им-мась-кась хорошо за океаном, а у нас кузь-мись двадцать миллионов в прошлую...

ПОЛНО ГОРЕ ГОРЕВАТЬ — НАДО ЗОРИУ ЗОРЕВАТЬ

Генка проснулся от холода и свербящей боли в ладони. Долго лежал, сжимаясь в калачик, кутаясь в фуфайку, но холодный сырой воздух приходил лазейки, пробирался до тела, как мокрым языком, лизал щиколотки, спину под выбившейся рубашкой... Пришлось вставать.

Варнак, от которого Генка грелся одним боком всю ночь, заворочался, потянулся лежа.

— Спи, Варнака, — разрешил Генка, но песуже был на ногах, помахивая хвостом. Генка протянул ему забинтованную руку, чтоб пожалел, понюхал. Варнак понюхал и зевнул — глупый, не понимает, как хозяину больно.

У тлеющего костра, ссутулившись, сидел дядя Вавилкин. Веточкой подгребал угольки в одну кучу — угольки курились белесыми дымками.

Седые волосы Вавилкина растрепались, пожелтели, и лицом он был серый, как тлеющий костер.

— Холодно, дядь Вавилкин. Замерз. Доброе утро.

— Это хорошо... — Вавилкин, наверное, не слышал Генкиных слов. Пробурчал, не подымая головы. — Хорошо...

— А вы чего не спите? — Генка поежился, протянул руки над костром. Угольки почти не грели.

— Я чего не сплю? Я-то?.. — эхом отозвался Вавилкин и медленно отцепил взгляд от костра и так посмотрел сквозь Генку невидящими глазами, что Генка даже отшатнулся, переступил назад два шага...

Обычно лукавые и прозрачные, сейчас глаза Вавилкина тускло и тяжело, не видя мира, открывали что-то страшное...

— Родина... Родился я тут, брат Гена...

— Как? — не понял Генка.

— Как? — на долю секунды в глазах Вавилкина мелькнула живая искорка и вновь погасла, припорошенная пеплом. — Как люди рождаются? Кого в капусте найдут, кого в магазине купят или аист принесет... У нас, в Карелии, жаль, аисты не водятся, холодно... А я в Култозере родился...

— Но где — тут?! — Генка обвел рукой озеро, пустоши по берегам, каменные гряды и среди сенокосных трав редкие проплешины, проросшие кустами малины и иван-чая. Тут негде было родиться! Сарай не в счет. Сарай хоть и косою, но не старый, лет двадцати... Вавилкин что-то цу-тал...

— Вишь, береза на берегу? — Вавилкин выхватил уголек, прикурил от него сигарету. Свинцовая боль в его глазах чуть потухла. — Она у на-

шего дома росла. Отец посадил. От дома и фундамента не осталось... А на горюшке ельник? Там часовенка стояла, кладбище в десяток крестов... А на березе качели были, я делал. Сестренка качалась...

— А где сейчас?

— Качели?

— Нет. Ваша сестра.

— Померла, брат Гена. Такое дело...

— От старости? — У Генки защемило в висках. Он еще надеялся, пусть не на счастливый, но хоть на естественный ход событий.

— Какая там старость. Десять лет ей было. В Петрозаводске померла, в концлагере, в сорок четвертом...

— В душегубке? — Генке вспомнились страшные рассказы о немецких лагерях уничтожения.

— Нет. Душегубок в том концлагере не было. Все проще. Во время оккупации белофинны сгоняли туда жителей из деревень, чтоб партизанам не помогали. А там болезни, голодно... Вот и померла. Десяти лет...

— А вы?..

— Я живой, как видишь, живой. Я в партизанах был.

Помолчали.

Генке, конечно, хотелось услышать подробней о партизанах, об отряде, о том, как дядя Вавилкин воевал, но он стеснялся своих вопросов.

Вавилкин встал, принес кучу валежника.

— Сбегай, брат Гена, за водой. Пора мужикам чай варить.

Генка принес воду, вдвоем проделали жердину под дужку ведра, укрепили в развилках над костром.

— Что за тряпка у тебя на руке?

— Так. Поранился маленько, — Генка сплюнул и подумал, что хорошо, отец и Рейно Арвидович не рассказали мужикам о его раненой руке.

Вавилкин и Генка сидели бок о бок на бревнышке и, как замороженные, следили за пляшущими язычками пламени. Костер разшустрился, защелкала осина, съезживаясь, пламенела береста, жар становился нестерпимым. Вавилкин встал, прошелся кругом, согбенным пальцем расправил свои пышные усы, подкрутил кончики кверху, по-боевому.

— А вот это место, — он с силой топнул ногой, — называется «Дом предателя». Здесь Лопаткин жил. Это по его доносу всю нашу семью и Летиевых, соседей, в концлагерь отправили. Подглядел, сволочь, следы от леса до нашего дома, на барахло наше позарился. Я-то ушел, к партизанам ушел, а семью... Встречаю его изредка.

— Кого? — удивился Генка.

— Предателя. Лопаткина. Он на Кукковке

банщиком работает, за мужиками пустые бутылки собирает. Такой же жадный остался. И дочка его, хоть и образованная, а стерва стервой. Он-то отсидел свои пятнадцать лет после войны, не без этого... А моя сестра... Морду ему бить — старый, хлипкий, и еще хулиганство влепят. Приходится в другую баню ходить, на Ключевую... Так наша деревня и канула в никуда... Култозеро. Два дома сожгли, третий сам сдул! — Вавилкин снова приотпнул ногой. — Хватит! Полно горе горевать — надо зорю зоревать! Чай, вишь, почти вскипел. Буди мужиков.

Вавилкин приосанился, стяхнул с себя ночные мысли.

— Подъем! Подъем, «золотая рота»! Разоспались, кошкодавы, разнежились!

Рыбаки закопошились, вставали, хмуро зевали, кашлем прочищали глотки, приглаживали прически и лысины, шли на берег умываться. Возвращались к костру посвежевшие, на скорую руку закусывали холодной рыбой, ухой, застывшей, как холодец, согревались чаем, куревом, шутками.

АРТЕЛЬ РАСХОДЧИКОВ КОРМИТ

На утренней зорьке Генка рыбачил седьмым в большой лодке. От папы и Рейно Арвидовича его переманил Дерябин.

— Давай с нами, Генушко! У тебя, говорят, удача за пазухой.

Генка оглянулся на отца, — тот молча кивнул, разрешил.

Длинными тяжелыми веслами на пару гребли Подкозьин и Виктор Павлович, Серегин отец. Широкая лодка шла грузно, мелкие волны с причмокиванием шлепались о борт. Дядя Вавилкин обмочил в воде указательный палец и выставил его в небо, определяя направление ветра. Озеро еще не проснулось, и казалось, что над рыбаками и над Култозером что-то большое дышит в предутренней дреме...

Небо изменялось на глазах, за доли секунды. Совсем недавно оно было все одинаково бесцветное, грязно-серое, как линялые джинсы на коленях. И тут голубизна на западе стала отдаляться, набухать прозрачной синевой, а на востоке и чуть левее, севернее, голубизна таяла, светлела, и росла, росла над далеким берегом нежно-розовая ленточка зари.

— Красиво ка-ак... — нараспев шепнул' Сережа.

— Это еще что! Еще в тыщу раз красивей бывает! — так же тихо похвастал в ответ Генка, словно он сам руководил восходом солнца.

— Гена, у тебя червей много? Поделись, — шепотом попросил с кормы дядя Дерябин. Генка отсыпал горсть червей в мозолистую ладонь.

Лодка остановилась на середине озера, Вавилкин осторожно опустил за борт якорь, подпернул веревкой, проверяя глубину, — все в молчаливом ожидании смотрели на него.

— Тут. Прибыли. Готовь снасти.

Рыбаки ожили, несуетливо, но спешно принялись разматывать донки и удочки, насаживали червей, закидывали снасти в воду. Генка показал Сереже «лучший в мире» способ насадки червяка, так, чтоб самый кончик крючка проклевывался наружу, потом посоветовал уменьшить глубину на леске, чтобы наживка над дном висела. Сережа согласно кивал головой.

Прошло пять минут молчания недвижных поплавков, десять. Уже золотился сосновый лес на западном берегу. Томительное ожидание словно висело над лодкой, наконец Подколызин вытянул махонького окушка, снял с крючка, разглядел близорукими глазами и выбросил в воду.

— Ступай, отца позови или деда!

И моментально клюнуло у Виктора Павловича. Его окушок был чуть крупнее. Виктор Павлович далеко отбросил его в озеро.

— Деда надо было звать, а не брата!

И началась зорька: рыба проснулась, подошла к луде. Окуней сменяла плотва, плотву окушки. Топорща жабры, выдергивались из воды наглые ерши, Виктор Павлович вытянул небольшую щучку. Рыба клевала не беспрестанно, а волнами: поклюет-поклюет — передышка. И опять заклюет-заклюет. Словно были у нее свои часы «пик».

Генке везло не больше, а даже меньше других рыбаков, хотя он надеялся показать Сереге, что значит настоящий рыбак, а не новичок. Показывать, к сожалению, было нечего. А Серега исправно вытягивал ровных черноспинных окуней.

— Дядя Вавилкин, — обратился Сережа во время затишья. — А как вы эту луду нашли?

— Я ее давно знаю. Еще от отца своего...

— Нет, я не то спрашиваю. Как сегодня вы луду нашли? Ведь на воде не написано, что здесь луда? И ветек нет. Озеро и озеро. Примет нет, сквозь воду не видно...

— Приметы есть! Вот примечай: видишь, из-за острова на том берегу проплешина показалась? А по другому берегу смотреть — мы чуток не дошли до той сосны. На пересечении примет луда находится. Луда — каменистая гряда.

— Ага! — воскликнул Сережа. — Понял! Как по системе координат! Икс-игрек.

— Во-во. Широта — долгота.

У Генки, как назло, в третий раз подряд сорвалась с крючка плотичка и раненая рука разболелась. Он не стал свежего червя насаживать, спрятал забинтованную ладонь под мышку, наступил, сделал вид, что ему все равно — не клю-

ет толком и не надо, — пусть Серега больше поймает. Стоило Генке прикрыть глаза, как на него неудержимо навалился сон. Оно и понятно — не выспался, белая ночь коротка, заря заре на пятки наступает...

— Рыбнадзор! — громко сказал кто-то, и от этого возгласа Генка проснулся. Из загубины стучал лодочный мотор. Серебристая «казанка» быстро приближалась к рыбацкой лодке, но за триста метров «казанка» развернулась, сделала крутой вираж, и один из инспекторов приглушил мотор. Второй инспектор, помоложе, в большой бинокль долго разглядывал спокойных рыбаков. Первый инспектор сначала на малых оборотах, а потом на веслах подвел «казанку» к лодке.

— Здорово, рыбаки! — приветствовал артельщиков бородатый мужчина в рыбнадзорской фуражке с синим околышком. Второй инспектор оказался мальчишкой лет пятнадцати, тоже в фуражке, но малиновой, пожарницкой.

— Доброго здоровья, Игнат Степанович, — поздоровался от всех рыбаков дядя Вавилкин.

— О-о-о! Иван Васильевич! Сколько лет! Свои, значит... Рыбку ловите?

— А вы рыбаков? — ухмыльнулся Дерябин.

— Рыбаков мы не ловим, у нас лицензия на браконьеров! — Игнат Степанович похлопал по своей кобуре и серьезно спросил: — Сеток в норме?

— Восемь штук на четыре лодки, считая резиновые.

— Это хорошо. А то какие-то гады перегораживают сетями речку. Две ночи караулили их с сыном, но так и не дождался. Сетки вот реквизировали, — инспектор лягушку лежавшую на дне «казанки» бурую грудку сеток, забытых водорослями. — Рыбы испорчено полтонны. Пришлось выкинуть.

— У нас Генка отличился, — дядя Вавилкин похлопал Генку по плечу. — Кумжу на спиннинг вытянул!

— Да ну?! В каком месте?

— На протоке, — буркнул Генка, испугавшись, что инспектор может кумжу отобрать, а его, Генку, арестовать.

— Повезло тебе, парень, кумжа к нам редко заглядывает. Она сверху приходит, с Пихтозера, — инспектор улыбнулся Генке, как бы поощряя, мол, на спиннинг можно, закурил, поскреб свою жилистую шею под широкой скандинавской бородой и сообщил: — Да, мужики, скоро мы Култозеро закрываем. Любая рыбалка будет запрещена. Совсем.

— Это почему же?

— Будем Култозеро пелядью зарыблять, маточное стадо разводить. Осенью мальков запуска-

ем. Четыреста тысяч штук по плану. Сей год ловите, а на будущий не приезжайте.

— Что ж, дело государственное. Будет ли прок? Не уйдет ли пелядь из Култозера?

— Плотину будем строить, с металлической сеткой. Все предусмотрено, так что ищите на будущий год другое озеро.

— Ничего, найдем,— ответил Вавилкин.— Игнат Степанович, не боишься сына с собой тягать? Вон Женьку Ипатову на Кускутарви браконьеры застрелили! Хороший был мужик...

Сын Игната Степановича, услышав, что в разговоре упомянули о нем, оторвал от глаз бинокль, через который разглядывал остальные артельные лодки.

— Хо-ро-ший! Спору нет,— Игнат Степанович аж раскатал слово «хороший», подчеркивая, какой замечательный человек был Женька Ипатов.— Наше дело такое. У меня самого из ляжки половина заряда не выковыряна. К дождю чешется. За этот выстрел один придурок пятый год сидит. Скоро выйдет, побеседуем... Сын пускай привыкает. Кому-то надо.

Рыбаки еще побеседовали с инспектором о том, что щука в Култозере рано зубы меняет, повспоминали Женьку Ипатову, хорошего человека, которого все, кроме Виктора Павловича и Сережи, знали в лицо и в деле, и распрощались... Игнат Степанович на веслах отвел «казанку» от рыбацкой лодки и поодаль врубил мотор. Его сын напо-

следок осмотрел всех рыбаков в бинокль, запоминая лица...

— Генушко, пока ты спал, мы твоих червей поделили. У всех кончились,— сообщил с кормы Дерябин.

— Неужели я долго спал? — удивился Генка.

— Часа два верных.

— Гена, смотри!!! — Сережа достал из своего рюкзака громадного шестисотграммового окуня.— Этого я на твоего червя поймал.

— На моего червя...— голос у Генки сорвался, от обиды защемило в висках...

— Да ты никак червя пожалел? — срезал Генку дядя Вавилкин.

— Нет-нет. Я говорю, что такие окуни только на моих червей клюют! — выправился Генка.

— А-а-а. Другое дело.

— Я этого окуня маме привезу! Вот обрадуется! Она таких громадных даже в магазине «Живая рыба» не видела.

Сережа не мог налюбоваться на свою добычу.

— Это каким боком смотреть...— ехидно сощурился дядя Дерябин.— Может, этого окуня я своей благоверной преподнесу!

— Как так? Его же я поймал,— очень удивился Сережа.— Окунь мой.

— Поймал ты, а окунь не твой! Вот мы у костра соберемся и весь улов по числу едоков поделим. Что ты думаешь? Климкин на всю артель уху варил, так ему домой рыбы не надо? Он не

рыбачил, но с рыбой будет. Такой закон, Сережа. Уж как повезет на дележе: тебе ли выпадет этот окунь, а может, мне.

Сережа недоверчиво выслушал Дерябина и просительно посмотрел на своего отца. Виктор Павлович весь подобрался, но промолчал. Серега повернулся к Вавилкину — что он скажет? Неужели Дерябин прав, и окуня придется отдать?

— Верно сказано. Артель расходчика кормит,— подтвердил дядя Вавилкин.— Но делить улов мы будем не по едокам, а по рыбакам! Варнак и Кеша тоже едоки, у костра питались, но без доли останутся! Хо-хо!

УШИЦА ВМЕСТЕ, А РЫБА В ДЕЛЕЖ

Мужики очистили брезент от остатков пищи и мятых газет. Вся горящая ерунда была брошена в костер и нещадно дымила вонючим дымом. Пустые консервные банки Барабашин закопал в землю, чтобы вид не портили. На длинной жердике Генкин отец и Рейно Арвидович перебирали мокрые сети. Дел для каждого нашлось много: кто пил остывший чай, кто ковырялся в ломтях вареной рыбы, кто складывал резиновую лодку и бамбуковые удилница, а Генка вспомнил об обещанном Ричарду живом окушонке.

Сережа оказался своим парнем и согласился помочь Генке. Мальчишки с берега выловили полдесятка окушков, выбрали из них двух самых бодрых и посадили в банку с чистой водой. Кеша сел напротив банки и, задумчиво склонив длинное черное ухо почти до самой земли, не мигая смотрел на вьющихся окушков.

Надо было отвлечь Кешу, и Генка придумал: дал ему понюхать гладкую палку и отбросил ее. Интеллигентный спаниель, волоча ушами по траве, бросился вдогонку за палкой, но Варнак в три больших маха обогнал его и первым впился в палку. К игре подключился Сережа. Собаки с удовольствием заиграли, бегая за палкой от Сергея к Генке и обратно...

Рыбаки тем временем открывали свои шарбаны и рюкзаки и вываливали в общую кучу личный двухдневный улов. Генкину добычу вывалил отец. Гора рыбы на брезенте получилась впечатляющая — по полведра на артельщика. Дерябин, Подкользин и Мерианов не спеша сортировали рыбу: щуки к щукам, крупные окуни к крупным окуням (среди них чемпионом оказался Серегин окунь), мелочь разноперую отдельно, благородную рыбу — сига, форель, хариусов — отдельно; и в сторонке величественно лежала большая озерная кумжа. Уже не Генкина, артельная.

— Кумжу на всех резать, или кому взамен хариуса? — обратился к рыбакам Мерианов. Мужики недоуменно пожимали плечами, мол, как сказать? Может, кто недоволен будет?

— Режь на семнадцать долей, на всех,— высказался Генкин отец.

— Дак по малому кусочку выйдет! Зачем мелочиться?

— Зато каждому,— поддержал Генкиного отца Виктор Павлович.

Крупную рыбу делили долго, скучно, перекалывали хвосты из одной доли в другую...

— Самый прогрессивный метод! — возвел руки дядя Саша Барабашин.— Уравниловка по коэффициенту трудового участия. Без премиальных!

— А че ты смеешься мась-кась? Наши предки не дурнее нас были. Ты бригадный подряд кузь-мись третий год внедряешь, а они его тыщу лет назад выдумали, только назвали — артель!

— Во-во! Именно!

— Генка, хватит тебе собак гонять,— позвал дядя Вавилкин.— Не малый уже. Тебе кормщиком быть, доли делить.

— Что это такое? — спросил Сережа.

— Сейчас увидишь,— Генка сосредоточился, стал загигать пальцы на обеих руках, вспоминая имена, фамилии и прозвища рыбаков. «Кормщик» должен каждого долей наделить, за глаза, но каждого. И чтоб весело было!

Незаметно небо потемнело, как в сумерки. Стал накрапывать дождик. Одна дождина шлепнула Генку по щеке, поползла слезою. Вторая, третья. Забарабанили по брезенту, по рыбе, по рыбакам нечастые увесистые капли. Дождь собрался серьезный, надолго.

— Накройся, Гена,— протянул Коростылев кусок полиэтиленовой пленки.— Промокнешь.

Рыбью мелочь рассыпали по долям горстями. Рыбаки не уходили из-под дождя, обсуждали скорое закрытие Култозера, трагическую смерть инспектора рыбнадзора Евгения Ипатова, прикидывали, какие сроки грозят преступникам, уже пойманным — нашли их на второй день, легко; у Ипатова в блокноте прочитали номер автомашины и взяли браконьеров еще тепленькими. Не забывали рыбаки следить за дележом: «Окушков сюда добавь», «Тут одни ерши, себе готовишь?», «Плотвы подбрось».

Сережа ежился под дождем в одном свитере. Генка спросил:

— Где твоя куртка? Промокнешь.

— Папе зачем-то куртка понадобилась...

— Лезь ко мне под пленку. Уместимся.

Их разговором почему-то заинтересовался Крошелев-младший. Он нехорошо улыбнулся гнилозубым ртом и встал лицом к лицу Виктора Пав-

ловича, явно вызывая его на ссору. Виктор Павлович спокойно отошел в сторону, Крошелев-младший не отставал, вновь выпятился на заместителя начальника книготорга.

— Вы желаете мне что-нибудь сказать? — вежливо отстранился Виктор Павлович.

— Да-с, Ваше Сиятельство, имею-с кузьмись...

Наконец рыбу поделили, пришел Генкин черед. Вавилкин отвел Генку в сторону, повернул спиной к артели, чтоб не видел семнадцати долей, лежащих по кругу. В центре круга встал Дерябин.

— Кому? — начал обряд Дерябин, указывая на одну долю.

— Клось-ка! Дележ нечестный! — встрял Крошелев-младший.

— Проспись, халда, на глазах делено! — обозлился Мериканов.

Толпа рыбаков недовольно зашевелилась: «Все поровну!», «Да ну его!», «Нашли кого слушать!». Крошелева-младшего в артели недолюбливали: уж слишком занозистый, вечно чем-то недоволен, все у него «закрались», «пригрелись», «заворовались».

— Ах, мась-кась! Все, да не у всех! — Крошелев кошкой запрыгнул в кузов и вытащил какой-то сверток.

— Чья одежда? — спросил он у Виктора Павловича. Куртка была с капюшоном, Серегина. Что-то в ней было завернуто. Крошелев размо-

тал — на землю выпали две щучки. Маленькие, почти шурята, грамм по четыреста. — Ах, мась-кась! Сиятельство Торговое, проворовался? Забыл, что не на работе?

Артель угрюмо, в пятнадцать пар глаз, глядела на заместителя начальника книготорга. Чем оправдается? Может, просто забыл о щуках? Такое бывает...

— Дяденьки, это моя куртка, но не я, честное слово, не я, — заплакал Сережа. — Папа, папа, скажи им. Я не прятал щук. Честное слово... честное пионерское... Папа?

— Сережа, пожалуйста, помолчи. Успокойся... — Виктор Павлович раздраженно отстранил сына. — Какая ерунда! Ну подумаешь! И тем более... этих щук я сам поймал. Ни у кого... Лично поймал. Александр Павлович видел. Так что нет причины... — и повернувшись к Крошелеву-младшему, — на хамство отвечать не намерен!

— Ах-ты-гад-ползучий! — неожиданно для всех рванул с места Мериканов, и его волосатый кулак едва успел перехватить Генкин отец, — ах ты, пыр-дыр-быр! — из перекошенного злобой рта сыпались такие слова, такие слова...

Засуетились, Мериканов чуть не сбил Генкиного отца с ног, если бы ему на помощь не подоспели, черт знает, что могло бы случиться! Подкользя, держа Мериканова за шиворот, закатил ему крепкого леща по шее, хорошо закатил. Дерябин ткнул его по ребрам. Мериканов опомнил-

ся, обмяк, вывернулся из рук приятелей и отошел в сторону, чертыхаясь и размахивая руками.

Генка в жизни своей не видел, чтоб человек так психовал. До безумия, до глаз квадратиками... Страшно... Недавно Генка читал исландские саги про берсерков, как они перед дракой свой щит кусали, волосы на себе рвали... Мериканов точно им родня.

...Виктор Павлович догнал Сережу у берега, что-то ему объяснял, поглаживал по плечам, Серега отворачивался, пряча лицо.

— Что вы, ребята,— выступил вперед Барабашин.— Что вы из-за двух щучек взъелись! Подумаешь. Человек он новый, мог не знать...

— Тут принцип-иц,— вздрагивая от заикания, выдавил Крошелев-старший.

— Александр Палыч, ты собери это в его рюкзак,— дядя Вавилкин сапогом сдвинул с брезентового стола одну из семнадцати долей.— Рыбы нам не жалко, рыбы на наш век хватит и внукам останется, но не наш он человек. Передай ему помягче, чтоб не ездил с нами. Сынок его душевный, а он не наш.

Рыбаки вздыхали, соглашаясь с Вавилкиным. Барабашин сгреб кучку рыбы в рюкзак Виктора Павловича, только две злополучные щучки оставил лежать на траве. К ним подошел Варнак, понюхал и фыркнул. Настроение у всех было поганое. Рыбалка казалась окончательно испорченной. Улов был хороший, а рыбалка — испорченной. Такое редко бывало, чаще наоборот. Чаще улов неважнецкий, а рыбалка что надо. «Теперь если кто и будет вспоминать эту поездку на Култ-озеро, то не о моей знаменитой кумже вспомнит, а о другом...» — с огорчением думал Генка. Жалко было Серегу. Но что он мог сказать ему? Что?

— Задремал, Генушко? Становись, все готово,— позвал Дерябин.

— Не все!!! — звонким, срывающимся голосом «пустил петуха» Генка.— Вы учтите, что я две рыбины от дележа заначил! Вон те, в банке! И на части их резать не дам, мне они живые нужны! И тезку моего, Мериканова, придерживайте, а то прибьет меня и сам не заметит!

Пружина ослабла — мужики осклабились.

— Ты, тезка, на меня не грехи. Я только на гадов злой,— вернулся к артельному кругу Мериканов.

— И рыбок прощаем, нехай живут.

— Ладно, к делу. Полдень скоро. Домой пора.

Вернулись на свои места: Дерябин в центре круга из шестнадцати долей, Генка-кормщик в стороне, отвернувшись.

— Кому?

— Подкользину, самому тощему, пусть поправляется!

— Кому?

— Вавилкину — Деду Морозу!

— Кому?

— Сереге, Сергею Викторовичу, главному ершелову!

(«Правильно!», «Молодец, Сережа!», «Твоя доля, Сергей, честная».)

— Кому?

— Тебе, дядя Дерябин! На здоровье!

— Кому?

— «Врагу гигиены», Коростылеву! Чтоб руки мыл!

(«Хо-хо-хо!», «Так его, Генка!»)

— Кому?

— Рейно Арвидовичу! Желаю вам кудрей, как чешуе на вашей рыбе!

(«Давай, Рейно, обрастай!»)

— Кому?

— Тезке моему. И пусть не ругается, а то я его в следующий раз не назову. Без рыбы будет.

— Кому?

— Папе моему!

— Кому?

— Ивану Кузьмичу! Чтоб по дороге машину не останавливал!

(«Кузьминична, забирай!», «Эхе-хе!»)

— Кому?

— Музаряну, дяде Вартану. Лучшему шоферу!

— Кому?

— Крошелеву-старшему! Танкисту!

— Кому?

— Усь-кузь-мись-ах-мась-кась-Крошелеву!

(«Ловко!», «Я-тебе-Генка-мась-кась!», «Эхе-хе!»)

— Кому?

— Александру Палычу, дяде Барабашину!

— Кому?

— Сколько там долей осталось? Я уже сбился.

— Три рыбака — три доли...

...Собирая свою рыбу в отцовский кошель, Генка увидел, что Дерябин выменял у Ивана Кузьмича окуня-великана, пойманного Серегой, на хариуса из своей доли. Генка сначала не понял, зачем это Дерябину понадобилось. Дерябин подошел к хмурому, выплакавшемуся Сереге и отдал окуня ему. Серега отмахивался, передегивал плечами, но Дерябин настоял на своем. Только двух щучек упорно никто не замечал. Так и уехали...

ДИРИЖЕР

Лариса ЛЮБИМОВА

Фото И. Горячева

По мановению руки дирижера оживает прекрасный мир музыкальных образов...

Во время спектакля фигура его вроде бы неприметна — все внимание зрителей направлено на сцену. И все же главным «действующим лицом» является именно он — дирижер.

Огромного количества знаний, больших способностей требует «роль» дирижера. Особенно в опере, где она предполагает, помимо глубокого понимания музыки, технического мастерства, также чувство сцены, оркестра, умение работать с солистами и хором. Но и этого недостаточно. По мнению главного дирижера Свердловского академического театра оперы и балета имени А. В. Луначарского Евгения Бражника, очень важно создать творческую атмосферу, в которой все чувствовали бы себя единомышленниками, сообща воздвигающими чудесное музыкальное здание — оперный или балетный спектакль.

Евгений Бражник, выпускник 'Уральской государственной консерватории (класс профессора М. И. Павермана), является главным дирижером театра с 1982 года. Под его руководством осуществлены постановка балета «Гаянэ» А. Хачатуряна, опер «Борис Годунов» М. Мусоргского, «Пророк» В. Кобекина. Эти спектакли — одни из лучших в репертуаре театра. В настоящее время Бражник ставит оперу Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» — спектакль, адресованный детям.

Активность, принципиальность, опыт (почти 13 лет назад, еще во время учебы в консерватории, Евгений Бражник стал дирижером театра музыкальной комедии), а главное, увлеченность позволяют ему с успехом управлять большим творческим коллективом. «Театр — его стихия, родное, кровное дело», — сказал о своем ученике профессор М. И. Паверман.

Каждому театру необходим постоянный приток новых творческих сил. И главный дирижер сам занимается, в частности, подготовкой певческих кадров. Он преподает в оперном классе Уральской консерватории. Нужно ли говорить, насколько важна для начинающих артистов работа в условиях, максимально приближенных к театральным, да еще под руководством опытного дирижера!

В последние годы в Свердловском театре оперы и балета произошли важные перемены: труппа стала значительно моложе, репертуар пополнился яркими, интересными произведениями... И постоянно заполненный зал на всех спектаклях — лучшая оценка труда и таланта главного дирижера Евгения Бражника, всех его коллег.

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОЧТАЛЬОН

«...Помните, что Иван Иванович Федюнинский учился только на пятерки. Благодаря большой силе воли из простого деревенского парня стал он генералом армии, из солдата — командующим...» — напутствовала в письме следопытов тюменской школы № 8 вдова полководца Е. В. Федюнинская.

«Генеральский»

уголок

Боевой путь и воспоминания ветеранов 2-й ударной армии, которой командовал Иван Иванович Федюнинский, стали целью поиска активистов комнаты боевой славы 8-й тюменской школы. С места боев привозят они ржавые каски, осколки снарядов, саперную лопатку... Есть в комнате и «генеральский» уголок: мундир с орденскими планками, форменная рубашка, перчатки, фуражка — эти личные вещи прислала вдова военачальника Елена Владимировна Федюнинская.

«Уважаемая Анна Дмитриевна! Мы гордимся Вашим мужем и отцом Ваших детей. Он был настоящим комиссаром. И погиб как герой. Мы будем беречь его память. Наш отряд уже побывал в местах, где он начинал драться с фашистами. Непременно побываем и там, где он героически погиб...» — пишут следопыты минской 141-й школы А. Д. Марининой из Белозерска.

Адрес назвали

следопыты

Алексей Константинович Маринин ушел на армейскую службу в 1939 году. Письма семье младший политрук писал часто. Перестали они приходиться после 22 июня 1941 года. Ни весточки за всю войну... Сколько ни писала Анна Дмитриевна, ей отвечали: в списках раненых, убитых, пропавших без вести комиссар Маринин не числится.

Далеко отодвинулась война. Вы-

росли дети. Так ничего и не знала Анна Дмитриевна о судьбе мужа-фронтовика, пока не пришло письмо из минской школы № 141: «Погиб как герой...» Следопыты сумели разыскать людей, знавших Маринина. В деревне Лобачевка, где был расквартирован особый восьмой разведбатальон, помнит Маринина хозяйка С. К. Нехвядович: покидая ее дом, он оставил ей на память семейные фотографии. Удалось ребятам найти и свидетельства бывшего командира 168-го полка С. И. Портнова. Он видел Маринина в бою у деревни Дюраны. Одна из рот увлеклась близким боем и не заметила, как фашистские танки стали обходить ее с тыла. Комиссар, замаскировав свою бронемашину, поехал им наперерез. Вместе с механиком-водителем Курузовым они противотанковыми гранатами подбили несколько машин, расстреляли танкистов, пытавшихся выбраться из огня.

...Первый удар войны был самым тяжелым. Советские войска под страшным натиском артиллерии, авиации и танков все же наносили большой урон врагу, стояли насмерть. Комиссар Маринин погиб в километре на запад от железнодорожной станции Негорелое. Это был один из многих малоизвестных боев 41 года, когда наши бойцы, даже находясь в окружении, бились до конца.

По адресу, указанному следопытами, приехала семья Марининых в Негорелое. Увидели братскую могилу, куда был перенесен прах комиссара после войны, нашли его фамилию на мраморе. На могиле лежали живые цветы...

«Учителям и ученикам Половинкинской школы —

В. Астафьев».

Рассказ

о товарище

Недавно вышедшую книгу рассказов прислал в Пермскую область, следопытам Половинкинской школы,

писатель Виктор Астафьев. Ребята собирают материалы о жизни своего земляка Ф. Р. Стрельцова, бригадира лесозаготовителей, участника Великой Отечественной войны. Виктор Петрович Астафьев хорошо знал этого человека. Он посвятил один из рассказов в новом сборнике Ф. Р. Стрельцову.

«Я ищу родственников своего друга по Эльтигенскому десанту Героя Советского Союза П. Г. Дейкало. Я хотел бы рассказать им, какой это был замечательный человек и настоящий герой...» — пишет следопытам Керченского профтехучилища № 11 ветеран войны И. В. Болотский из Сочи.

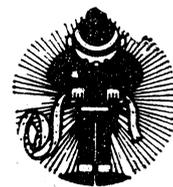
«Приезжайте на встречу!»

Поисковая группа «Эльтиген» профтехучилища разыскала более четырехсот участников десанта. Каждый поиск — это неожиданное открытие и для тех, кто ищет, и для тех, кто надеется найти. Скольким людям ребята уже сообщили данные о разыскиваемых героях! Знаком Советского комитета ветеранов войны и грамотами награждены учащиеся Сергей Товт — за поиск ветеранов 335-го гвардейского полка и Михаил Смирнов — за поиск родственников погибшего в Аджимушкайских каменоломнях политрука П. Соболева.

В следопытскую группу ребят принимают на земле Эльтигена. Ветераны — участники десанта вручают им удостоверения. У «Эльтигена» есть свой устав, штаб, единая форма, своя стенгазета. Походы проходят по местам боев десанта. Однажды ребятам, будущим судостроителям, пришлось поднимать из Тобечикского озера самолет, разбившийся в 1943 году. По найденному личному оружию сейчас устанавливаются имена погибших летчиков.

...А на запрос из Сочи ребятам ответить было нетрудно. Посмотрели они в своей картотеке: жив Герой Советского Союза П. Г. Дейка-

ПРИНЕС ПИСЬМО...

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

до, живет в Полтавской области. В ноябре 43-го он попал в госпиталь тяжелораненым, и друзья считали его погибшим.

Так и написали его фронтовому товарищу: «Жив Ваш друг. Приезжайте оба на встречу в училище!».

«Я очень взволнован и тронут вашим вниманием к ветеранам войны, особенно к защитникам Одессы», — пишет участник войны В. В. Шалимов из Финницы. Такие письма приходят из многих городов страны в следопытский клуб «Поиск» одесского СНТУ № 5.

Защитникам

Одессы

Девушки в этом училище учатся рукоделью. Татьяна Ивановна Вербяховская — их любимый мастер производственного обучения. Немало они вместе вышили рушников... И вместе же создавали в училище музей. Татьяна Ивановна первая рассказала девушкам о героической обороне Одессы, участником которой был и ее муж, командир корабля.

Сотни имен, фотографий, документов в музее. Хранится здесь фронтовой дневник красноармейца С. Моршакова — не разрешалось это во время войны, и все равно солдаты писали дневники и умудрялись сохранить их. Комсомольский билет медсестры, залитый кровью бойца... К таким экспонатам нельзя относиться равнодушно.

Училище носит имя Героя Советского Союза Нины Ониловой. Нина была ровесницей нынешним девушкам. Пошла на войну, выносила раненых с поля боя, однажды заменила убитого пулеметчика и уничтожила больше сорока фашистов. Погибла.

И об отдельных защитниках, и о целой дивизии — 25-й Чапаевской, которая обороняла Одессу, — рассказывают экспонаты музея.

«Сердечное спасибо, ребята, за сбор материалов о моем муже Петре Васильевиче Волохе... Хочется низко поклониться всем, кто, не считаясь с занятостью, старается полнее воссоздать события Великой Отечественной войны, героизм ее участников», — это письмо от Татьяны Михайловны Волох из Москвы пришло следопытам Изюмского района Харьковской области.

Семейные встречи

Петр Васильевич Волох пал смертью храбрых при освобождении города Изюма в августе 1943 года. В Изюме есть музей П. Волоха. Это был незаурядный человек: заводской кузнец, потом — генерал-лейтенант бронетанковых войск, заместитель командующего фронтом. В гости к изюмским ребятам приезжали два сына Петра Васильевича.

Следопытам очень по душе такие «семейные» встречи. Недавно они собрали воедино семью, которую война разбросала по всей стране. Сначала нашли Ивана Ивановича Лунева — шофера с Харьковщины, потом отыскали сестру Ларису — учительницу из Узбекистана, и младшего брата Виктора — горняка из Эстонии...

«Дорогой наш дедушка Павел Иванович! Мы узнали, что Вы больны. Посылаем Вам наши таежные лекарства и от всей души желаем скорейшего выздоровления», — такую записку вложили в посылку кидовцы поселка Рудный.

Имени интербригад Испании

В две посылки, собранные ребятами из далекого горняцкого поселка, расположившегося среди сихотэалинских сопков, были положены жимолость, опята, лимонник, орехи, кедровые шишки. На посылках

адрес: Москва, Сивцев Вражек, 9, Батову Павлу Ивановичу.

С дважды Героя Советского Союза генерала армии П. И. Батова начинался КИД имени интербригад Испании поселка Рудный. Участник первой мировой, гражданской и финской войн, П. И. Батов сражался еще в составе интернациональных бригад в Испании. Восемнадцать лет назад ребята написали ему письмо и получили не только ответ: его воспоминания, присланные им личные вещи и часть архива положили начало следопытскому музею в Доме пионеров.

О многих незаурядных судьбах рассказывают экспонаты и документы музея. О Марии Александровне Фортус, например. В годы гражданской войны она воевала против банд Махно, дважды ее расстреливали и дважды она чудом воскресала. Во время испанских событий была она переводчицей в штабе врагов. Ее муж-испанец и сын Раймонд погибли. Сама же Мария Александровна воевала еще и в Отечественную, в партизанском отряде, и снова была заживо похоронена, и снова воскресла... Рассказывают музейные экспонаты о Долорес Ибаррури, о немецких интернационалистах Гансе Байлере и Георге Хенке, о многих героях интербригад — советских добровольцах и испанских патриотах.

Операция «Тысяча писем»

Уроки мужества в школе № 167 в Баку начинаются с чтения солдатских писем. С фронтового эпизода — о захвате «языка» бывшим полковым разведчиком Таманской дивизии москвичом Василием Онипко — начался, например, урок, посвященный битве за Кавказ.

Фронтовые треугольники собраны следопытами школы в ходе операции «Тысяча писем».

ЗНАМЯ РЕРИХА

Леонид ЦЕСЮЛЕВИЧ

Я ехал в Латвию с конкретной целью — ознакомиться с материалами для экспозиции создаваемого на Алтае музея Николая Рериха. В Художественном музее Латвийской ССР в Риге увидел зал с картинами Николая Константиновича. Давно знакомые по репродукциям полотна польхнуди необычно ярким, поистине космического звучания голубым пламенем. Никакое, даже лучшее воспроизведение не может сравниться по впечатлению с оригиналами. Долго стоял перед известными картинами «Брамапутра», «На вершинах», «Сострадание», «Охота», «Путь»... У сотрудников музея удалось выяснить, что знамя Мира Латвийского общества Рериха находится в музее истории Риги и мореходства, что могу познакомиться со вдовой и дочерью Рихарда Яковлевича Рудзитиса, бывшего председателя этого общества.

Среди зданий современной застройки, на окраине Риги, нахожу обычный панельный пятиэтажный дом. Но квартира, открывшаяся моему взору, была совершенно необычной. Скорее она напоминала музей. Вдова Рудзитиса Элла Рейнгольдовна и старшая дочь Гунта Рихардовна стали моими гидами в путешествие в историю связей Рериха и Рудзитиса, Индии и Латвии, Индии и Советской России...

Первое, что привлекло мое внимание, это крупный горный пейзаж, весь в синих красках. На переднем плане — сидящий в позе лотоса человек. А за ним — бескрайние горные просторы.

— Это «Карма-Дордже», картина Святослава Рериха, — поясняет Элла Рейнгольдовна, — здесь он написал своего друга, тибетца. Рядом этюд Николая Рериха «Утро в горах», оригинал. На обороте дарственная надпись: «Рихарду Яковлевичу. Н. Рерих».

Гунта Рихардовна неторопливо ведет рассказ...

Рихард Рудзитис родился здесь же, на Рижском взморье. Девятилетним мальчиком он «издает журнал», страницы которого заполняет своими стихами, рассказами, сам иллюстрирует страницы. С двенадцати лет начал писать дневник и продолжал вести его всю жизнь.

Поэме изучал медицину в Тартуском университете, затем перешел на филологический факультет. Изучал языки, понимал, что они — путь к сокровищам мыслей других народов. Рихард Яковлевич владел немецким, французским, английским, осваивал санскрит. Понятны были ему древние языки — греческий, латынь.

Рихарду было двадцать три года, когда он обратился с письмом к Рабиндранату Тагору, находящемуся проездом в Вене. Это его письмо — крик отчаяния. Проблемы добра и зла, красоты и безобразного, контрасты окружающей действительности, — Рудзитис отчаянно искал разрешения этих жгучих вопросов. Вскоре пришел ответ. 17 июня 1921 года знаменитый поэт Индии написал латышскому юноше:

«Все, что я способен сделать для Вас вдали, — это написать эти немногие слова в надежде, что Ваши духовные устремления в конце концов победят все внутренние и внешние трудности. Излишне напоминать, что поиски истины требуют преодоления препятствий —

большие изваяния создаются не из воска, а из камня. Человек — художник в жизни...»

Между Тагором и Рудзитисом завязался эпистолярный диалог. Гунта Рихардовна показывает мне индийский журнал «Дэш» за 1981 год, где опубликована статья о переписке Рихарда Яковлевича с Рабиндранатом Тагором.

У Рудзитиса множество переводов. Он стремился из мирового поэтического наследия дать читателям то, что было родственно его основной идее. Тут Данте и Петрарка, Микеланджело, индийские и бенгальские поэты, древняя лирика Китая и Персии, советы Шекспира, Байрон, Шелли и Шиллер, болгарские, литовские, скандинавские поэты, Некрасов, Полонский, Блок... Он перевел 133 стихотворения Тагора, пять его пьес, рассказы, философские труды. Совместно с поэтессой Мирдзой Кемпе перевел сборник стихов американского поэта Уолта Уитмена. И, конечно же, переводил стихи и прозу Николая Рериха.

Встретиться Рериху и Рудзитису не довелось, но их взгляды, их душевный склад борцов за мир, за культуру были так близки, что они успешно работали как многолетние сотрудники, разбегавшиеся в экспедиции.

— А как конкретно завязалось их сотрудничество? — веду разговор ближе к интересующей меня теме.

Элла Рейнгольдовна охотно поясняет. Секретарь Рериха Владимир Шибавен был рижанином. После отъезда Рерихов в Центрально-Азиатскую экспедицию в 1925 году он на несколько лет возвращается из Индии в Ригу. Здесь состоялось его знакомство с врачом и общественным деятелем Феликсом Денисовичем Лукиным. И уже в 1928 году под руководством Феликса Лукина в Риге создается Латвийское общество Рериха. В начале это был просто кружок единомышленников. Официальное оформление общества состоялось в 1930 году. Рудзитис сразу ощутил созвучность начинаний Рериха своим убеждениям. В те годы общества Рериха возникали стихийно в разных странах — велико было желание прогрессивных сил поднять голос против нарастающей волны фашизма и реакции, за мир, за культуру, за просвещение. Общества Рериха выступали и за признание достижений Советского Союза.

Рерих первый написал Рудзитису. Рихард Яковлевич с самого начала был активнейшим членом общества, и об этом сообщил Рерихам Феликс Лукин. «Невидимый друг» — так обратился Рерих к Рудзитису в первом письме от 4 мая 1932 года. А потом переписка стала регулярной. С 1936 года Рудзитис становится председателем общества.

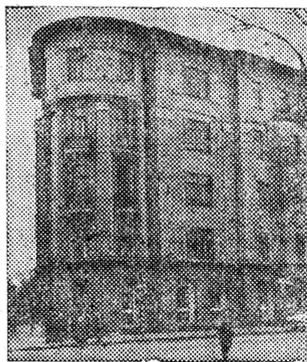
В условиях жесткой цензуры общество не раз меняло свое название, но неизменно следовало избраным курсом. Связи с Рерихом крепки.

Рудзитис и его соратники добились принятия Латвийского Пакта Рериха. 23 апреля 1937 года был подписан общий меморандум Пакта и потом, в том же году, на конференции министров иностранных дел Латвии, Литвы, Эстонии в Каунасе состоялось подписание Пакта всеми тремя государствами.

В тех условиях очень сложно было вести борьбу за

Рихард Яковлевич Рудзитис

Дом в Риге, где с 1930 по 1940 год размещалось латвийское общество Рериха

мир, за сближение народов. Но в Риге 10 октября 1937 года был проведен конгресс обществ Рериха прибалтийских стран.

Гунта Рихардовна показывает прекрасно изданную книгу материалов, поздравлений, тезисов конгресса, фотографии делегатов. В центре зала узнаю Знамя мира. Я видел это белое полотнище со скромной золотистой бахромой по краям, на белом фоне круг насыщенно-малинового цвета и в нем три соприкасающихся меж собой диска — Знамя мира Николая Рериха.

Рижское общество было среди самых успешных и любимых Рерихами. Вот что Николай Константинович писал Рудзитису:

«...И так преуспевайте во всех областях... Из Риги всегда идут хорошие вести — это так было, так будет. Будьте сильными, будьте самыми замечательными деятелями Вашей милой сердцу страны».

Одному из своих корреспондентов Рерих писал:

«По совести говоря, деятельность Латвийского общества должна в каждом культурном человеке вызывать искреннее одобрение. Если вспомним, какое количество книг издано, при этом почти все по-русски, за год председательства Рихарда Рудзитиса, то нельзя не приветствовать эту усиленную светлую работу. А сколько полезных докладов сделано, а теперь расширен музей и намечается широкая программа на будущее...»

Общественная деятельность не мешала литературной работе Рудзитиса. Он много писал. В 1935 году выходит его сборник очерков «Мыслители и борцы» о Данте, Шелли, Байроне, Ромене Роллане, Поруке, Райннисе, Чюрленисе. В том же году он публикует монографию «Николай Рерих — водитель культуры». Это очень серьезное произведение в биографию, творчество, культурную деятельность Рериха. Вот каким был отзыв об этой книге жены Рериха Елены Ивановны:

«На днях получили чудесные главы Вашего труда о Николае Константиновиче на русском языке, а затем подошла и сама книга. Сердечное Вам спасибо за это прекрасное приношение... Прочла с большой радостью, которая возрастала по мере чтения...»

Рудзитис внес большой вклад и в издание крупной монографии-альбома на русском и английском языках. Теперь эту монографию называют «рижской». Она вышла в издательстве общества в 1939 году. Многократно отсылались оттиски репродукций для корректуры художнику в Индию.

В то время наладить такой «почтовый мост» было трудно. Рерих жил в британской колонии, где господствовали колониальные законы, чиновники и цензоры.

Известно, что к аресту экспедиции Рериха в Тибете, гибели его каравана и пяти его спутников причастны британские «представители» на Востоке. И в 1930 году, после посещения Англии и Франции, его опять не пустили в Индию: ведь он встречался с Чичериным и Луначарским в 1926 году, работал на советском Алтае, в Новосибирске, в Бурятии, сердцем и умом принимал новый общественный строй России, и сам был русским. В своих книгах он прямо говорил, что народы мира непреодолимо тянутся к магниту идее ленинизма. Не хотели колонизаторы такого Рериха в своей Индии! Но, как мы знаем, это им не удалось. Николай Рерих и вся его семья не только жили в Индии, но и стали близкими друзьями вождя освобождения Индии Джавахарлала Неру.

50-летие творческой деятельности Николая Рериха широко отмечала советская пресса, всюду проходили выставки. Тогда все услышали слова Рериха из письма Рудзитису:

«Расцвет России есть залог благоденствия и мира всего мира. Гибель России есть гибель всего мира. Россия станет оплотом истинного мира».

...Наступила вторая мировая война. Осенью 1939 года между Латвией и Советским Союзом был заключен пакт о взаимопомощи, согласно которому предусматривалось размещение в портах Лиеная и Вентспилс небольшого числа советских воинских частей.

Рудзитис прекрасно сознавал важность момента. Сколько решимости, сколько духовной силы в его скудных строчках того времени.

«Теперь, когда должны оформиться наши отношения с Родиной Николая Рериха, мы выступаем в открытую со сборником статей, частично посвященного ей... В этой книге мы открыто подтверждаем свои симпатии к русскому народу, и многим националистам мы будем колючкой в глазу. О размещении русского войска наша пресса не упоминает почти ни слова, умалчивает... Так что мы первые ласточки». «Договор с Россией не только необходим, но и Щит! Кто же не понимает планетарной миссии России!»

Николай Рерих умер 13 декабря 1947 года в Кулу, в Индии, когда собирался на Родину, когда и картины были уже упакованы. Рерихи предпринимали попытки вернуться в Советский Союз и раньше — перед Великой Отечественной войной через Латвию. Сколько ясных, недвусмысленных слов об этом было в письмах Рихарду Яковлевичу, Гаральду Лукину.

Рерихи так хотели быть вместе со своей Родиной в годы тяжелых испытаний... Ведь когда война началась, сыновья Рериха — Юрий и Святослав — через советское посольство просили зачислить их добровольцами в Красную Армию...

Рудзитис все же встретился с Рерихами; 8 августа 1957 года вернулся в Советский Союз Юрий Рерих. Их встреча в Москве была волнующей, радостной. Затем они виделись часто...

А каким событием была выставка Николая Рериха в Москве, привезенная из Индии в дар Советскому Союзу! Она открылась 12 апреля 1958 года. Это уже не 46 картин из собрания Латвийского общества, а свыше 400 полотен! Кстати, некоторые рижские картины тоже участвовали в этой выставке.

Владимир ВЯТКИН

ЕСЛИ ПОДНЯТЬСЯ НА ГОРУ...

200 лет назад на уральской реке Серге руками рабочих людей было начато строительство двух вододействующих металлургических заводов. Когда возвели плотину, поставили домны, молоты и горны, когда появились «производственные избы» и начали привозить руду с окрестных рудников, тогда задымили железные трубы, ожил сложный организм невиданного сооружения.

Словно частицу солнца с закатного неба упрятали в нем строители. Башкирских и русских крестьян из окрестных деревень охватывал ужас при виде ослепительного света, время от времени вырывающегося в ночи из чрева непонятного им чудовища и устремляющегося вверх, к нависшим облакам. Но какая-то сила гасила этот жар, и вновь мрак воцарялся вокруг. Только не было прежней тишины. Неумолчный гул свидетельствовал о том, что гигант живет и дышит.

...Разбуженная энергией Петра, Россия застраивалась заводами. На огромных пространствах Урала вырос производственный комплекс мирового значения, и Нижне-Сергинский металлургический завод был одним из самых мощных.

Прошло немногим более ста лет. Завод стал испытывать недостаток в сырье. Начали истощаться местные рудники, и не было железной дороги для доставки руды из более отдаленных мест.

В других городах Урала выросли новые громады цехов, закурились доменные вулканы, а Нижне-Сергинский сначала замедлил свой стремительный рост, затем затих. Новым поколениям жителей заводского поселка стало привычным все то, что их окружало: старая плотина, спокойная гладь рукотворного озера, силуэт цехов... Сверху, с горы, казались Нижние Серги небольшим островком у подножия, островком в безбрежных лесных просторах...

На одной из выставок живописи в Свердловском Доме художника уже более десяти лет назад появилась картина Геннадия Калинина «Нижне-Сергинский завод». Она привлекла внимание зрителей самобытным авторским решением темы.

Вот он, ступенчатый силуэт завода. Старые прокопченные цехи и более поздние строения словно сливаются в единое тело. Огненное действие творится внутри его. Виден раскаленный слиток. Подобно частице солнца, он наделен необыкновенной энергией, распространяющейся на все окружающее пространство. Сполохи огня, выплескиваясь наружу, зажигают красным светом стены цехов.

Но в архаичном облике завода отчетливо проступают черты современности. На берегу пруда расставлены мачты ЛЭП: уже не падающая вода запруженной реки приводит в движение механизмы. Стремительное движение, выраженное рвущимися вверх вертикалями труб и клубами дыма, проливая пространство над прудом, растворяется в бескрайних просторах дальнего плана. Горизонтальной линией противоположного берега художник подчеркивает его границу. Там, вдали, иные ритмы, иное течение времени. Мотив дугообразной линии, начинающийся с очертания нового поселка, расположенного у края воды, возносится вверх хоралом гор. Заросшие густым лесом вершины, как застывшие волны, уходят в эпическую тишину прошедшего времени, где таится тысячелетняя история Урала.

Композиция картины вызывает ощущение незыблемой прочности всех компонентов пейзажа. Даже искусственный водоем художник представляет как древний, давно сроднившийся со всем его окружением.

О том, чтобы написать живописный сказ об Урале, Калинин меч-

тал давно. За многие годы странствий по краю накопил множество впечатлений. Встреча с Нижне-Сергинским заводом стала для художника счастливой. Завод предстал перед ним как живое воплощение истории и современности.

Живописец не раз выезжал туда. Писал Нижние Серги в разное время года и с разных точек. Накапливались этюды, все более ясным становилось представление о будущей картине. Но окончательный вариант «не давался» до тех пор, пока, наконец, он не понял, что надо остановиться по времени на осени. Усталая земля остывает после жаркого лета, торопливо меняя краски. К вечности прибавляется еще один год. И кажется, что этот поток времени осуществляется энергией завода. От его ярко-красного слитка множатся оранжевые и христые проблески в растительном мире...

Картина «Нижне-Сергинский завод» после первой выставки была доработана, окончательный ее вариант демонстрировался затем многократно в Свердловске, в других городах страны.

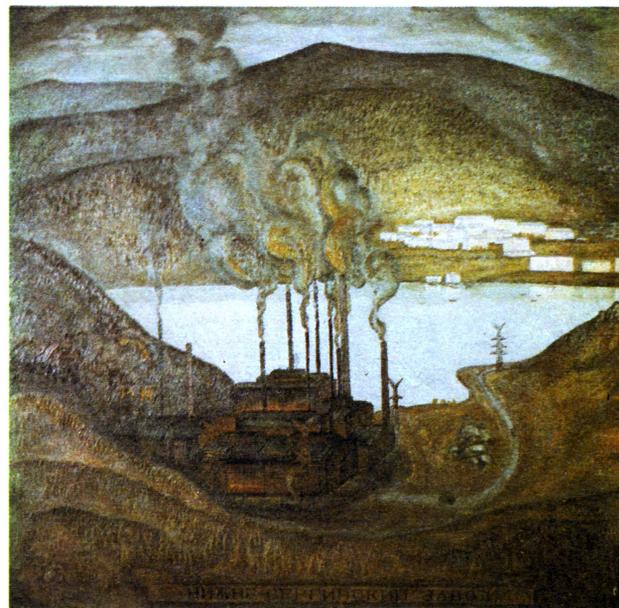
Геннадий Николаевич Калинин не получил художественного образования. Вспоминая свою юность, которая началась в годы войны, художник, ничуть не сомневается в правильности выбора своего жизненного пути. В 1946 году, после школы, он поступил в технический вуз, хотя с детства мечтал быть художником. Семья Калининных жила в Новгородской области — там, где граница фронта была совсем рядом, и молодой человек твердо решил стать инженером, чтобы активно участвовать в самом главном деле — восстановлении народного хозяйства.

Закончив институт, в 1952 году Калинин приезжает на Урал — сначала в Златоуст, затем в Сверд-

Осень на Урале. 1977.

Восход на Таватуге. 1977.

Нижне-Сергинский завод. 1972.

ловск. Молодой инженер становится крупным специалистом. Но... в душе Геннадия Николаевича не затухает юношеская страсть к живописи. И, наконец, он меняет профессию. С присущими ему энергией и упорством последовательно идет к намеченной цели, решая все

более сложные живописные задачи. Большую помощь оказали Калинин и свердловские художники Н. Г. Чесноков и Г. С. Мосин.

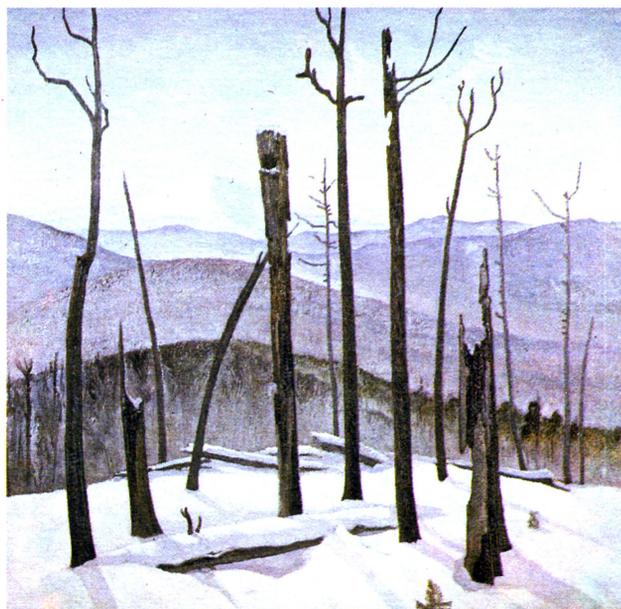
В 1974 году Геннадий Николаевич Калинин стал членом Союза художников СССР. Сегодня он — признанный мастер пейзажа.

В мастерской художника хранится немало превосходных этюдов. По ясности замысла и завершенности исполнения они приближаются к картинам. Автор чувствует потребность расширить содержание пейзажного жанра, вложить в него широту философских размышлений о

Весна в Железноводске. 1970.

Спустя несколько лет
после лесного пожара. 1978.

природе и сущности человеческого бытия.

В наше время взаимоотношения человека с природой не всегда складываются благополучно. Тревожная кисть пейзажиста заставляет задуматься об этом. В 1978 году Калинин пишет два пейзажа, два образа ранней природы: «После лесного

пожара» и «Спустя несколько лет после лесного пожара».

Проблемность и романтическая природность многих полотен Калинина не заслоняют лирического начала в его творчестве. Художник очень любит весну. По-разному она предстает в его произведениях. Во многих из них он прослеживает ее

движение: с первых признаков потепления, где преобладает еще холодная гамма красок, до радостных аккордов, торжества солнечного света, половодья, торопливого обновления растительного мира. Обновление для художника — как победа добра, как прогресс.

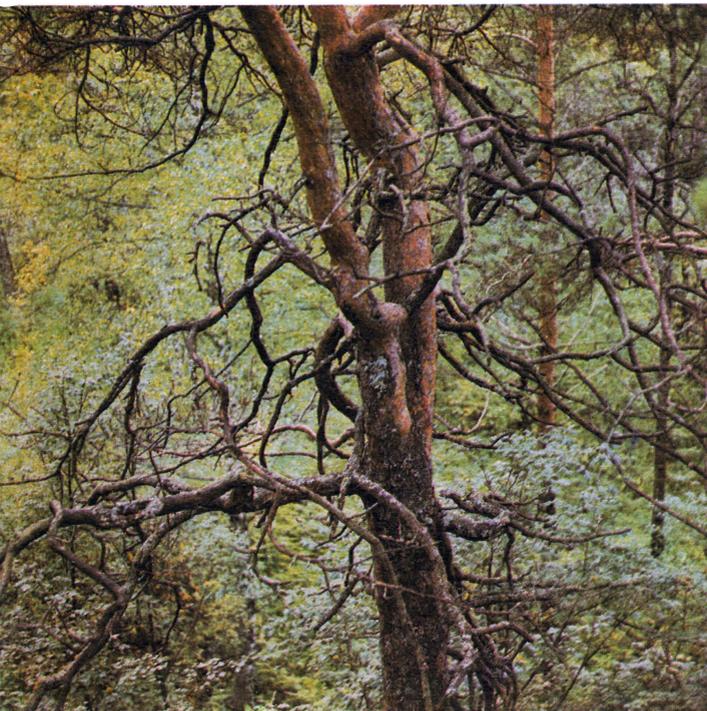

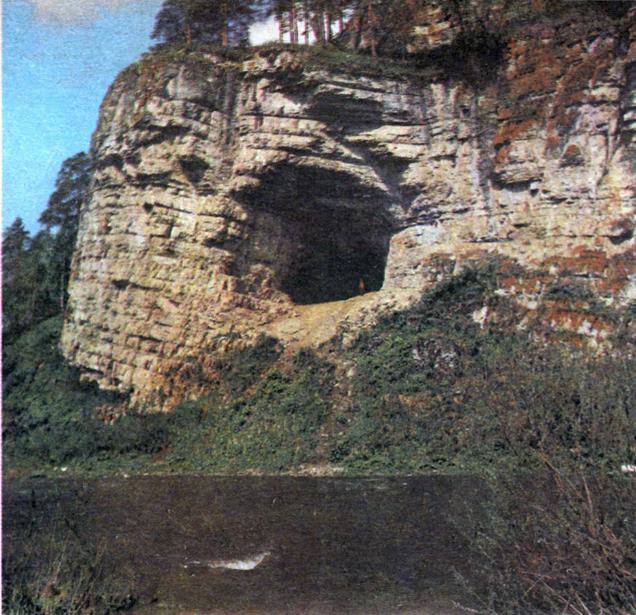
МУЗЕЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Читайте стр. 33

Слайды И. Горячева

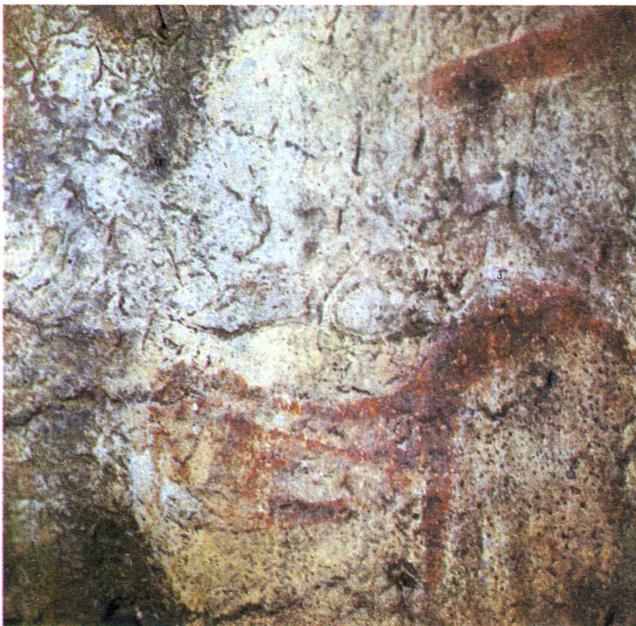

ВХОД В ИГНАТИЕВСКУЮ ПЕЩЕРУ.

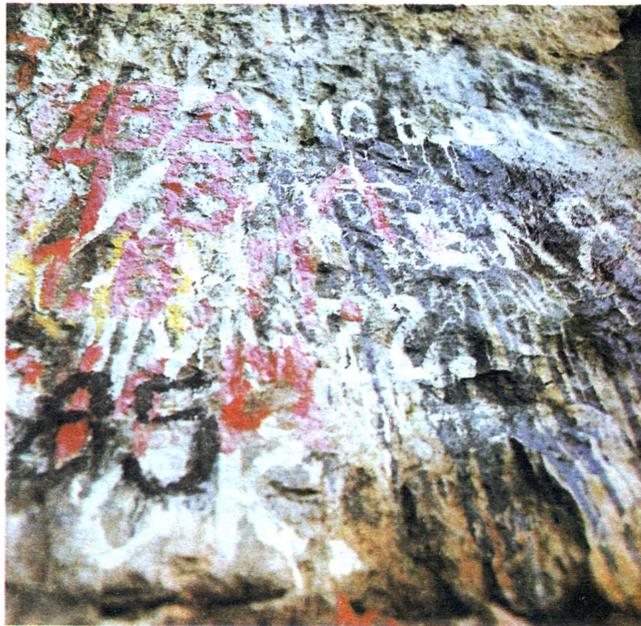

СКАЛЫ БЛИЗ ПЕЩЕРЫ НА РЕКЕ СИМ.

НАСКАЛЬНЫЙ РИСУНОК В ПЕЩЕРЕ.

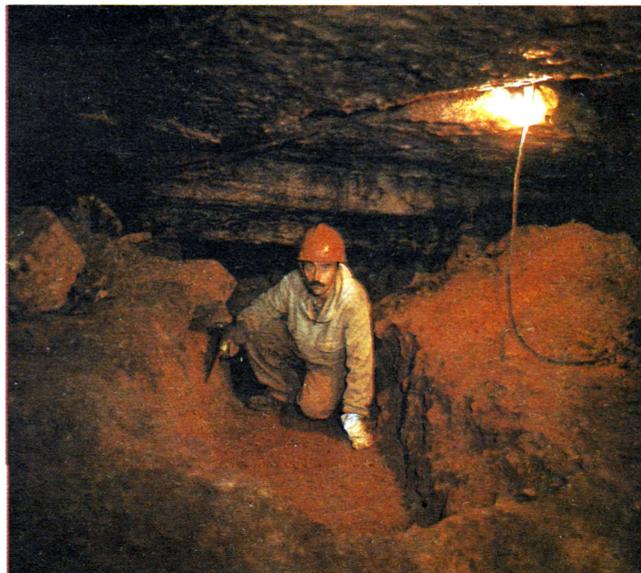

ЧЕЛЮСТИ ПЕЩЕРНОГО МЕДВЕДЯ В СТЕНКЕ РАСКОПА.

«ТВОРЕНИЯ» СОВРЕМЕННЫХ ДИКАРЕЙ.

Н. Г. СМИРНОВ В РАСКОПЕ.

Музей тысячелетий

Тамара КУРАШОВА
Слайды и фото И. Горячева

Вот уже много лет ищет Валерий Трофимович Петрин в пещерах Урала рисунки древних художников, которые жили тысячелетия назад. Несмотря ни на что, он был твердо убежден в их существовании. В Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, где он работает младшим научным сотрудником отдела археологии и этнографии, кто-то подшучивал над этой его убежденностью, а кто по-доброму завидовал: вера-то какая! Должна быть она вознаграждена.

Ехать ему на этот раз предстояло в Челябинскую область — в пещеру Игнatieвскую. По списку «президентов на знаменитость», составленному когда-то археологом, на очереди стояла именно она.

Отправились втроем. В спутники себе Валерий взял участников многих экспедиций: Владимира Широкова — художника кабинета археологии Уральского государственного университета имени Горького, Сергея Чапиркина — инженера-программиста одного из свердловских заводов. Эти люди в общем-то далеки от археологии, но так увлеклись ею, что поступили учиться в университет на заочное отделение, решив приобрести основательные познания в этой науке.

В Игнatieвскую пещеру дорога давно проторена, слава о ней как о священной с незапамятных времен идет. Когда звалась еще по-башкирски Ямазы-Тап, посещал ее русский естествоиспытатель академик Петр Симон Паллас с экспедицией. Было это в XVIII веке. В следующем столетии заговорили о ней в связи с отшельником Игнатием, поселившимся в пещере. Почти до самых двадцатых годов нашего века ходили сюда крестные ходы. Торжественно и чинно шагали процессии с крестами, иконами, хоругвями, собиравшие со всех окрестных деревень толпы верующих. В самой пещере долго и обстоятельно служили службу, затем также неторопливо возвращались.

Сколько народу побывало в пещере! А она невелика, метров пятьсот всего. Если исключить те галереи, по которым и ползком с трудом протиснешься, то и того меньше. Где же творил древний художник? Здравый смысл подсказывал: если там и есть какие-нибудь рисунки, то обязательно кто-нибудь приметил бы их. Мало ли любопытных на свете! Но никто никогда не обмолвился о рисунках. Ни слухов, ни легенд не сохранила и народная молва.

Археологи пещерой еще в прошлом веке интересовались. А в последние годы от туристов отбой не было. В красивом месте она находится, таинственной молвой окружена...

К Игнatieвской друзья подошли засветло. Обосновались в просторном входном гроте. Сразу бросился в глаза раскоп, оставленный лет двадцать пять назад О. Н. Бадером. Известного советского археолога, нашедшего в свое время знаменитую сунгирскую стоянку первобытного человека, здесь постигла неудача.

Сначала шагали в полный рост, не зажигая фонариков, — хватало дневного света. Потом пришлось наклоняться все ниже и ниже, пока огромная плита, нависшая сверху, не заставила согнуться в три погибели.

Но вот прошли и узкий коридор, оставив далеко позади яркий весенний день. Свод снова уходит вверх, а «пол» — вниз, и свет карманных фонариков уже скользит по неровным стенам просторного зала. Осмотр решили начать с него. Сколько времени они работали в полной тишине до того момента, когда Володя вдруг сказал: «Вижу рисунок», сейчас и не вспомнят точно.

Именно его опытный глаз художника вдруг выделил на шершавом камне что-то необычное, чужеродное.

ПОДАРОК ИЗ ПАЛЕОЛИТА

Упрямый и настойчивый человек Валерий Трофимович Петрин. И терпения ему не занимать. Еще работая в кабинете археологии Уральского государственного университета, решил он обязательно открыть на Урале пещеру с рисунками таинственных мадленских художников. Так называют и в специальной, и в популярной литературе людей позднепалеолитического периода, оставивших нам свои пещерные «полотна».

Решение пришло не само собой. Петрин выбрал для себя палеолит давно. Сразу же «нашел свое время», как говорят археологи. Палеолит — первый период каменного века, самый продолжительный в истории человечества, начавшийся свыше двух миллионов лет назад. Так пока считают ученые. Но эта нижняя граница все отодвигается и отодвигается. Вот и недавно поступило сообщение, что в Африке найдена прародительница возрастом в три с половиной миллиона лет. Что-то принесут последующие находки? Мир, столь далекий и так давно исчезнувший, порой кажется нереальным.

Что оставил после себя человек, живший в нем? В единичных пещерах, на редких стоянках обширной территории Урала и Западной Сибири археологи находят, как правило, холодную золу костров, разбитые кости вымерших животных, немного кремешков и много загадок, на которые трудно, а то и просто невозможно дать ответы. Особняком стояли находки в Западной Европе — совершенные, полные изящества рисунки в пещерах будоражили воображение. Где-то там находился в то время расцвет культуры, яркий почти до невероятности. Неужели только там?

Однажды Петрину несказанно повезло. Работая на Иртыше, у деревни Черноозерье, наткнулся он на редкостные для палеолита этой территории вещи. Костяной кинжал, сорокасантиметровое лезвие которого оцетинилось острыми кремневыми вкладышами, поразила безупречной формой, тщательной полировкой, изящным орнаментом. Это уже было не просто орудие труда или оружие, а произведение искусства.

Кинжал оказался действительно уникальным. На редкость отлично сохранились кремневые вкладыши, крепкие, заостренные, делающие его достаточно грозным оружием, а высокая техника обработки кости, удивитель-

ный узор говорили о большом умении и чувстве красоты наших далеких предков.

Сколько часов провел над ним Валерий! Задумчиво разглядывал, пытаясь «увидеть» того, кто трудился над ним. Кинжал загадочно молчал, но с каждым разом казалось, что тот — далекий, отделенный тысячелетиями, становится как будто понятнее. Чувство прекрасного, свойственное всем людям, сближалось.

Через пару лет еще один сюрприз. В гроте Безмяном на реке Пышме попалось костяное украшение. Какие-то детали его были утрачены, но оставшееся оказалось настолько пластичным, утонченным, что невольно закрадывалось сомнение: неужели носили, а значит, и изготавливали такие изделия люди, не знающие никакого орудия, кроме камня?

Такие подарки палеолита заставляли задуматься. Случайны ли они? О высокой культуре первобытных людей, обитавших на Урале, почти неизвестно. Почему? Неужели только там, в Пиренеях, жили художники и творцы каменного века? «Надо искать, и искать у нас на Урале, — уверял и себя, и товарищей Валерий. — Искать, чтобы прошлое раскрыло свои прекрасные страницы».

Вот и Капова пещера вселяла надежду. Правда, пока она единственная на Урале со своими чудо-рисунками. Но это пока...

ЧУДО КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ

В 1959 году зоолог Башкирского заповедника А. В. Рюмин привез в Уфимский филиал АН СССР странные фотографии. Рисунки Каповой пещеры.

Первое чувство, охватившее всех, кто видел фотографии, было неверие и даже протест. Как же так? Быть того не может! Ведь пещера Шульган-Таш, как называют ее башкиры, хоть и затерялась в глухомани, в горах и лесах Южного Урала, известна науке давно. Еще два века назад ее изучали и описывали экспедиции русских исследователей. Да и позднее в ней бывали неоднократно опытные специалисты. Почему же никто не

обратил внимания на расписанные стены подземных залов? Может быть, Рюмин ошибается? Может, пылкое воображение сыграло роковую роль в этом «открытии»? Он не археолог даже!

И надо же было такому случиться. Видимо, находясь под гипнозом непререкаемых авторитетов, официальный представитель ученого мира, приехав в Капову, ничего не увидел там, что входило бы в разряд открытий, тем более сенсационных. Помилуйте, какие мамонты, какие носороги?!

А они все-таки были. В двух залах, нижнем и верхнем. Мамонты, носороги, дикие лошади, нанесенные древним художником с потрясающей достоверностью. Фигуры гигантов животного мира ледникового периода сплошь покрыты ярко-красной краской. Один, второй, третий, четвертый мамонт... Не зря этот верхний зал назвали залом мамонтов.

Массивное туловище зверя с крутым горбом дышит силой. Крупная треугольная голова, короткий хвост, гибкий хобот. Так правдиво и выразительно изображены, что не остается никаких сомнений: художник должен был видеть их воочию, наблюдать, а может, сталкиваться с ними не раз нос к носу. Он знал зверя, он чувствовал его, он был его современником.

Уральская «картинная галерея палеолита» — Капова пещера стала знаменитостью наряду с французскими и испанскими.

Двадцать с лишним лет прошло, прежде чем археологический мир вновь заговорил о Южном Урале. На этот раз «виновницей» стала Игнatieвская пещера.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ

История открытий наскальных палеолитических рисунков полна случайностей. Начиная с самых первых, обнаруженных даже не специалистом, а маленькой дочкой археолога Саутуолы, которую отец взял с собой на раскопки в пещеру. Любопытная девочка с интересом разглядывала мрачноватые своды, еще более таинственные при мерцающем свете фанаря, пока не углядела

Дорога к пещере

какие-то фигуры, много фигур. Пригляделась, вскрикнула: «Быки, там на потолке быки, папа!».

Это были ставшие спустя годы знаменитыми зубры, кабаны, олени Альтамирской пещеры Испании. Они украсили сотни книг по искусствоведению многих стран мира. Позднее пещеру Альтамира назовут «Сикстинской капеллой первобытной живописи», смело сравнив изобразительное искусство первобытных людей с искусством титана Возрождения — великого Микельанджело.

Но шел еще только 1879 год.

Людам того времени и в голову не могло прийти, что наши далекие предки, жившие тысяч пятнадцать — двадцать лет назад, оставят нам столь выразительную живопись. Но уже открытая, она не произвела сенсации, ее просто не приняли. После публикации рисунков пещеры Альтамира Сауруолу назвали фальсификатором, обвинили во лжи. С этим клеймом он и умер. Лишь спустя двадцать лет дочь его Мария принимала извинения и поздравления коллег отца, наконец-то признавших свои ошибки.

А не признать их было уже невозможно. В девятые годы вновь разнеслась весть о наскальных росписях, теперь во французской пещере Ля-Мут. Обнаружены они были опять-таки случайно местными мальчишками, чьи имена так и не сохранила история. И сами они вряд ли поняли значение своей находки.

Затем последовал целый каскад удивительных открытий — 1904, 1906, 1912, 1914, 1923 годы... Они уже приносят славу первоисследователям и заставляют человечество заново пересмотреть точку зрения на доисторического человека. Кто он был? Каким он был? Таким ли диким, как представлялся до сих пор?

Наступил сентябрь 1940 года. Четыре школьника... Ох уж эти вездесущие мальчишки! Зачастую благодаря любопытству детей мир получал великолепные находки. И так, четыре школьника заинтересовались провалом, образовавшимся на месте вырванного с корнем дерева. Лезть вниз пришлось недалеко. Мечтали попасть в находящийся неподалеку старый замок, а оказались в пещере. Когда зажгли фонарики и огляделись, то ахнули. Вначале, возможно, от испуга: со стен на них глядели яростные и сильные звери. А затем, несомненно, от восхищения: так хороши, так совершенны они были.

Через несколько лет известные художники-анималлисты современности заявят, что не только завидуют коллегам из палеолита, но и учатся у них «жизнерадостному мастерству реалистической передачи звериного мира далекой ледниковой эпохи».

Смелые, уверенные штрихи, точно переданы пропорции тела исполинов. Живописцы каменного века прекрасно разбирались в анатомии и психологии зверя, неся в себе опыт и мудрость многих поколений охотников. Во всем видна рука мастера, рука, созревшая для искусства. Не только рука, но и мозг, сознание того человека были готовы творить прекрасное.

Это у людей, живших рядом с мамонтом и шерстистыми носорогами? Не звавшими земледелия, никакого иного производства? Не сразу, не безоговорочно, но принимал землянин XX века новый взгляд — далекий предок уже не представлялся ему диким и ничтожным.

Шедевры пещерных людей находили все новых и новых приверженцев. Не только созерцателей, но и серьезных ученых, пытающихся через мадленскую культуру (название получено по пещере Ля-Мадлен во Франции) понять мир доисторического человека. И вообще разобратся в эволюции искусства — этом сложном противоречивом процессе, полном взлетов и падений.

Итак, признание пришло. Единственным центром высокой культуры того времени сочли Пиренеи: там существовала первая школа живописи на Земле. Только

только расставили как будто все точки над «и», как вдруг выяснилось Капова пещера. На Урале новый центр палеолитического искусства? Кто знает, качали головой одни. А другие специалисты указывали на поразительную общность стиля живописи пещеры Ласко, находящейся на юго-западе Франции, с вновь выявленными сокровищами. Возможно ли такое? Тысячи километров разделяют Пиренеи и Урал. Мыслимо ли говорить о каком бы то ни было общении людей в век мамонтов?

Еще совсем недавно подобное предположение могло показаться абсурдом. Но появились новые данные, и археологи заговорили о палеолитических первопроходцах, заселивших 35—15 тысяч лет назад почти всю сушу земного шара. Значит, возможно? Может быть, и ответят археологи когда-нибудь на этот вопрос с уверенностью.

ДОРОГА СКВОЗЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Помня мудрое изречение «Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать», однажды октябрьским днем мы отправились в пятисоткилометровый путь, к Игнatieвской пещере:

Наташа Тюрина — аспирантка Института экологии растений и животных Уральского научного центра Академии наук СССР, привыкшая больше жить в поле, чем в городе, была нашим проводником...

По канатной дороге, натянутой над рекой, переправляли палатки и спальники, материалы экспедиции. Последним переправлялся руководитель экспедиции Петрин. Не обошлось без купания в ледяной воде — высоко к тому времени она поднялась. Мы, стоя на берегу, поешивались, глядя на холодные, быстро катящиеся потоки. Но инцидент был воспринят спокойно: чего только не случается в экспедиции, а этот эпизод — сущая беда-девица.

Пока не совсем стемнело, мы, воспользовавшись предложением гостей и получив разрешение, ринулись в пещеру: не терпелось поскорее увидеть все своими глазами. Очень скоро очутились в темное сидящими на корточках — не разогнешься. Давила оглушающая тишина. Редкие-редкие звуки падающих капель лишь усиливали ощущение оторванности от мира.

Оставаться дольше здесь не было смысла. Неуютно, холодно да и делать нечего. Света спички хватает на миг. На этом первое посещение пещеры закончилось.

Пока посреди поляны устанавливали «столовую», попытались взять первое интервью у именитых гостей из Ленинграда Павла Иосифовича Борисковского, профессора, автора многочисленных книг и учебников по археологии, и Николая Дмитриевича Пряслова. Оба известные специалисты по каменному веку. Сегодня они пять часов работали в пещере. Первые впечатления — самые яркие. Ученые единодушны в одном: «Все это чрезвычайно интересно!». Но с выводами не спешат. Собственно, и у них пока больше вопросов, чем ответов. Вспоминают прославленные пещеры Западной Европы, соседку — Капову...

Утром — тот же мелкий то ли дождь, то ли снег, то же унылое небо. Все так же шумит река, и воды в ней как будто прибавилось, все так же покорно мокнут сосны и ели на крутом склоне... А что встречали на расвете те давние обитатели этих мест? Ищу глазами Николая Георгиевича Смирнова, чтобы спросить. Николай Георгиевич — палеонтолог, и кому как не ему знать об этом...

В экспедиции собрались добровольцы-энтузиасты. Узнали, что Петрин будет работать в Игнatieвской, и приехали. Археологические работы возглавляют новосибирцы, палеоботанические и палеозоологические исследования ведут сотрудники Института экологии расте-

В. Петрин (слева)

ний и животных УНЦ АН СССР. Так и съехались из Свердловска, Челябинска, Миасса, Тюмени, Новосибирска.

Свой вопрос я смогла задать Николаю Георгиевичу лишь по дороге в пещеру. Помолчав и поглядев вокруг себя, словно сравнивая то, что видит, с чем-то еще, ему одному известным, он говорит:

— Мир был другой. Ледниковая эпоха. Считается, что в горах Южного Урала еще лежали горные ледники. Вообще природная обстановка в целом была другая. Прежде всего — иное распределение тепла и влаги. Сезоны существовали, но какой была зима, каким стояло лето, пока неизвестно. Леса, в нашем понимании, не было. Так, отдельные деревья — сосны, лиственница, видимо, росли. Ведь жгли они что-то, угольки при раскопках найдены. Возможно, воды было больше. И вот эта терраска, по которой мы идем, находилась, видимо, под водой.

Я смотрю на густо заросший склон, вспоминаю величественные дубы на самом верху, которыми любовались вчера, и не верится, что когда-то, пусть даже давным-давно, тут было пусто и голо.

— Почему голо? — возражает Смирнов. — Высокая трава, какой-то кустарник рос, по всей вероятности. Назвать лесотундрой — нельзя, и лесостепью, к какой мы сейчас привыкли, тоже. Животные обитали здесь такие, которые могли жить на открытых пространствах, при невысоком снежном покрове. Сегодня они нигде вместе

не встречаются. Одни стали обитателями тундры, как северный олень и лемминг, другие обосновались в степи — суслик, сурок, сайгак. А шерстистый носорог, дикая лошадь, пещерный медведь, мамонт, наконец, совсем вымерли.

— Как эти древние системы функционировали, из чего они состояли? — задумчиво произнес он. — Пока загадка.

Пещеры, гроты — самые удобные объекты для исследования. Здесь, как в хороших кладовых, накапливается последовательно, слой за слоем, и идеально сохраняется очень любопытный для специалистов материал. Как конкретно реконструируется именно тот мир долины реки Сим, который сейчас интересует ученых? Помогают «свидетели» — пыльца растений и семена, оставшиеся в почве, моллюски и жуки, хитиновые остатки которых сохраняются лучше всех органических веществ, кости, особенно ценны показания зубов как малых зверушек, так и гигантов.

«ПРЕТЕНДЕНТ» ОПРАВДЫВАЕТ НАДЕЖДЫ

...Высокая арка пещеры. Сильные лампы высветили из тьмы красноватые пятна. Замерев благоговейно, мы пытаемся распознать в расплывчатых мазках что-то определенное. Валерий Трофимович видит на неровностях стены фигуру мамонта. Он пробует «обрисовать», указывая на пятна, высокий горб, переднюю ногу зверя... «Мамонт ли?» — сомневается Павел Иосифович. Его коллега Николай Дмитриевич не торопится высказать свое мнение. Они как бы заново выверяют свое первоначальное впечатление. То ли все-таки пострадал рисунок, то ли художник из палеолита очень уж условно изобразил животное, но к единому выводу эксперты не пришли.

Следующий «рисунок» более четок. Круто завиваются семь колец змеи, расположенной вертикально. Чуть дальше, также вертикально, нанесены семь (магическое число?) точек; тут же какие-то значки, которые Борисковский сразу же характеризует — «ковровый рисунок». Кстати, именно эта группа, как наиболее яркая по цвету, была обнаружена первой.

И снова несколько шагов в темноту, и снова свет выхватывает еще одно произведение — сплошь покрытая краской фигурка лошади. Она не лишена изящества и напоминает что-то уже знакомое. Что же? Уж не знаменитые ли росписи европейских пещер, фотографии которых обошли весь мир? «Да-да, некоторое сходство наблюдается», — ученые не торопятся давать заключение. О каком-либо обобщении вообще говорить еще рано.

Рядом с фигуркой вертикальные линии. Пока только привыкаешь к необычности «полотна», осваиваешь изображенное, пока не улавливается никакой композиции. Может, ее и нет совсем? Просто отдельные предметы нанесены случайно рядом. Валерий Трофимович, проведший перед ними долгие часы, подхлестывает нашу фантазию:

— Лошадь... бумеранг... загон...

По-новому глядишь на рисунки. И вот уже в полосе, нанесенной чуть наискосок от головы лошади, улавливается напряженность. И впрямь — летящий бумеранг. Полосы — изгородь, которая отрезает отступление животного...

«Картина» покрыта гладкой кальцитово-корочкой — натеком, тысячелетиями сочившимся по стене. Хочется прикоснуться к ней и боязно: а вдруг разрушится эта тонкая защита?

Мы начали сами высискивать в причудливых трещинах и извилинах камня следы изображений. Каждая точка,

каждая полоска, увиденная без подсказки, воспринимались нами как открытие, открытие для себя. Возможно, именно так мы познаем художника, вглядываясь в его творения и каждый раз находя в них что-то новое. И вдруг осенило: все египетские пирамиды и сфинксы, зачаровывающие своей древностью, «юнцы» по сравнению с этими рисунками. Даже холодок по спине прошел: какая же даль, какие горы времени отделяют нас!

Сводчатый потолок уходит ввысь и теряется в черноте. Та же чернота, гулкая и глухая, притаилась везде, куда не падает свет ярких переносных ламп. Электричество для пещер все-таки не подходящее освещение. Им нужен живой огонь костра, факела или свечи, на худой конец. Вот когда оживут рисунки! И, может быть, будет легче разгадать их и даже понять художника, творившего при выбихах сполохов пламени.

...Верхний зал значительно меньше, к тому же часть его завалена осыпью. Там был когда-то еще один вход, считают спелеологи. И вновь замираем, задрвав головы, — в верхнем зале расписан потолок. И вновь пытаемся распознать в многочисленных линиях и точках что-то понятное нам, что-то знакомое. Тема росписи здесь иная — тема плодородия, считает Петрин, переводя на наш язык изображенное. Схематичен рисунок женщины. «Палеолитическая Венера» объемна, могуча. Скупыми контурами обозначен бык или какой-то иной зверь. Ощущение силы и ярости исходит от него. Фактура камня усиливает это впечатление. Еще какие-то линии, еще какие-то знаки...

Один из гостей удивленно воскликнул: «И зачем только нужны были им эти рисунки!». Он, имеющий отношение к живописи, лучше других понял, в каких тяжелых условиях приходилось здесь работать. В полной темноте, в которой слабым светлячком теплится огонек лампы, зачастую в неудобной позе: рисунки находятся то в самом низу, то на потолке, без каких-либо эскизов сразу наносить на неровное твердое полотно свои творения. Адский труд!

— Зачем кроманьонцу рисунки? Жизнь людей в эпоху верхнего палеолита зависела от удачной охоты. Как одержать верх над свирепым и коварным зверем? Только изучив его повадки, только поняв его психологию, что кроманьонец и делает. Чтобы обеспечить себе победу, он совершает магические обряды в глухих мрачных пещерах, на стенах которых предварительно изображает своего врага. Только ли врага? Человек восхищается силой зверя, его мощью, он как будто почитает его, даже прославляет. Зверь — главный герой палеолитических художников...

Где же он притаился еще, этот зверь? Стены неумолимо тянут к себе. Но поисковое нетерпение, спешка могут погубить памятник. Истинный исследователь не позволит себе подобное, тем более здесь, в Игнatieвской, стоящей в ряду уникальных объектов истории, требующей особой осторожности, высокого профессионализма.

В пещере есть культурный слой! Вот это удача так удача. Пещеры с культурным слоем на Урале крайне редки. В Каповой человек не жил, туда он приходил, как в храм. А в Игнatieвской во входном просторном гроте жил, правда, предполагают, не постоянно. Здесь же в пещере у него была мастерская, здесь же в укромных залах он совершал ритуалы.

Петрин не форсирует события, не торопится расширять фронт работ. Закончена разведка, комплексная, основательная. Осмотрительно закладываются раскопы, нигде не поврежден кальцитовый покров стен. Работы здесь хватит на многие годы для многих специалистов. И об этих будущих исследованиях думать надо сегодня.

Соня — редкий зверек, живущий в районе Игнatieвской пещеры

Несколько заложённых раскопов в избытке дали материал: угольки, чаечки охры, той самой, которой расписывали стены, кремневые орудия и отходы от их производства. Предположения, сделанные осторожно, с оглядкой, подтвердились полностью: пещера являлась и домом, и святилищем, и мастерской доисторического человека. Вот такое редкостное везение привалило археологам.

Раскоп мелок — культурный слой почти весь на поверхности и представлен единственным горизонтом. Люди обитали в пещере только в конце ледникового периода. Сначала найденные орудия труда позволили довольно точно датировать рисунки. Позднее радио-углеродный метод, проведенный в институте геофизики и геологии в новосибирском академгородке, подтвердил: рисункам 14 тысяч лет. Живопись Каповой более ранняя, относится к 15—16 тысячелетию.

О сохранении памятника много говорится. Тревога ученых стала особенно понятна в пещере, когда, разглядывая рисунки, то и дело наткнулись на надписи: «Здесь побывал...» В одном месте крупные мазки белой краски приплыли прямо на послание из тысячелетий.

Игнatieвская пещера объявлена памятником природы. Дубрава над ней — тоже. Но, видимо, этот статус оказался недостаточно надежным. Может быть, подумать о более высоком? Тем более, существует авторитетное мнение председателя Челябинской областной комиссии спелеотуризма С. Баранова, считающего весь Серпиевский карстовый участок уникальным. В среднем течении реки Сим, в районе деревни Серпиевка, утверждает он, природой собраны почти все имеющиеся формы карстовых явлений: горизонтальные и лабиринтовые пещеры, вертикальные провалы-шахты, родники и суходоли, карстовые арки и подземные русла рек. А теперь еще — и древнейшие рисунки.

Юмор будущих веков... Возможно ли предугадать, по каким поводам станут насмешничать наши потомки! С другой стороны, когда и поразмыслить над этим, как не в канун Нового года! Свердловскому писателю-юмористу Герману Дробизу представляется, что через несколько веков его грядущие коллеги будут шутить примерно так...

БЕДНЫЙ ДЗЮМ, ДИТЯ АРСОПА

С утра пораньше вся ТИТИЛИПОНЯ — Трест Изготовления Типично Интеллектуальной Липы По Объяснению Необъяснимых Явлений — ходила ходуном: из зоопарка сообщили, что в клетке орла-белохвоста неизвестно откуда появилась еще одна особь.

Вскоре приблудившийся орел был доставлен и подвергнут обследованию. При внешнем осмотре ничего неорлиного обнаружить не удалось. Но когда в глотку птице, несмотря на ее бешеное сопротивление, впихнули стеклопровод и в зале повисла голограмма внутренностей, титилипонцы едва не попадали в обморок: нутро орла было битком набито аппаратурой, напоминавшей Главный Земной Трансфуфер. Можно было представить себе уровень цивилизации, уместившей в птичке то, что на Земле занимает всю территорию Антарктиды! В ответ на последовавшие расспросы орел пожимал плечами и разводил руками — то есть, разумеется, у него не было ни плеч, ни рук, но возникало полное впечатление именно этих жестов — и всем своим

видом давал понять, что сам не знает, откуда в нем все это взялось.

— Ты скажи хотя бы, как тебя зовут? — с укоризной спросил кто-то из допрашивающих.

Орел с готовностью клацнул клювом:

— Дзюм!

Большого от него добиться не удалось.

Уникальная хирургическая операция, за ходом которой следила вся планета, завершилась успешно. Вместо вырезанной аппаратуры орлу протезировали нормальные орлиные внутренности, и вскоре он уже вновь сидел в клетке зоопарка, привлекая толпы народа. Аппаратуру же поместили под пресс, который, развив свое максимальное усилие в дурдыльон тонн, выжал-таки информацию. Разумеется, она оказалась абсолютно сухой, но достаточно внятной. Тайна орла Дзюма была раскрыта, а вместе с нею человечество впервые узнало захватывающую историю конфронтации трех могущественных галактик.

...Тридцать три фантальона лет назад из галактики номер восемь для рекогносцировки перед предстоящим сражением с галактикой номер сорок четыре в соответствующее пространство был заброшен разведчик. Он облюбовал небольшую планетку и залег на местности, перевоплотившись в разветвленную горную систему. Это была тонкая работа. Разведчику пришлось уйти отрогами в окружающие пустыни и степи, организовать множество вершин, заботясь о том, чтобы ни одна из них не повторяла другую, и внедрить в сознание людей свое имя как якобы название этих гор — «Тянь-Шань». Основательно устроившись, он информировал свой генштаб

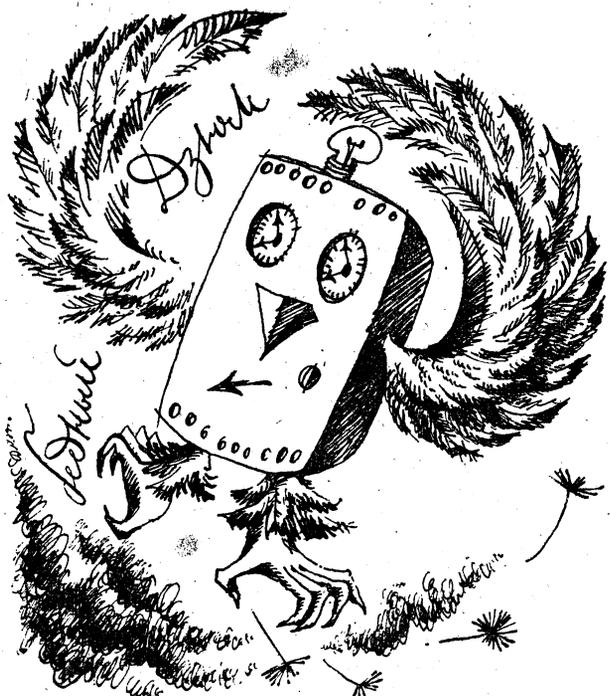
о том, что готов приступить к работе, но неожиданно получил ответ, что планы командования изменились и его разведданные не нужны. Увы, это была дезинформация, которая просочилась из ледника, медленно сползавшего с одной из вершин. Этим ледником был, разумеется, опытный контрразведчик из галактики номер сорок четыре. Долгое время он успешно морочил разведчику из восьмой все его головы. Но в конце концов разоблачил сам себя: после того как он неизбежно сполз в нижние долины, прервался контакт с разведчиком из восьмой, и тогда он, плохо подумав, пополз обратно, чего настоящие ледники не делают. Поняв, что все это время его дурачили, разведчик из восьмой буквально окаменел с горя, а разоблачивший себя контрразведчик из сорок четвертой от позора растаял, вытек в ближайшее море, и беднягу разнесло по всему мировому океану.

Впрочем, оба и не подозревали, что все эти годы за ними внимательно наблюдал перевоплощенный в цветок эдельвейса разведчик из супергалактики АБ. Обрадованный гибелью своих поднадзорных, он особенно пышно расцвел в ожидании скорого вызова домой, и в результате именно его сорвал альпинист Сидоров, влюбленный в альпинистку Иванову, влюбленную в пушкинскую поэзию. Сидоров подарил эдельвейс Ивановой, а она засушила его в томике пушкинских стихов. Став плоским, разведчик из супергалактики сильно поглупел и смог передать только то, что очутилось у него перед глазами: «Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой...» Сообщение было понято буквально, и для вызволения разведчика из неволи на Землю отправили спасателя. Спасатель под покровом ночи проник в зоопарк, разыскал клетку с орлом, перевоплотился в такого же, сел рядом с ним на жердочку и негромко спросил на орлином языке:

— Это ты, Хрюм? Это я, Дзюм.

— Отвали, не мешай спать, — ответил хозяин клетки и ударил клювом спасателя. По трагической случайности он попал точно в метаморфозер, отчего спасатель навсегда и непоправимо потерял способность к дальнейшим перевоплощениям. Рано утром служитель, привлеченный громким хлопаньем крыльев, обнаружил в клетке двух яростно дерущихся орлов. Остальное вы знаете.

...Написав весь этот ужас, писатель-фантаст сильно устал. «На сегодня все», — решил он и попросил у жены кофе и бутерброды. Но едва она включила мельничку, ему в голову пришла история о том, как разведчик перевоплотился в кофейное зерно и, будучи выпит писателем-фан-

тастом, перевоплотился у него в мозгах в сюжет о том, как он перевоплотился.

«Ну, почему, почему я обречен всю жизнь вырабатывать сюжеты о перевоплощениях? — горько подумал фантаст. — Почему я ни разу в жизни не написал об утренней прогулке с собакой или о том, как вкусно пахнет от машины, развозящей по булочным хлеб?»

Он не был бы удивлен этой своей особенностью, если бы сознавал, что на самом деле является старым изношенным АРСОПом — Автоматическим Разработчиком Сюжетов О Перевоплощениях. Одним из тех, которые вот уже фантальоны лет подряд рассылаются из Союза Крепко Задумчивых Миров в виде тактичной и бескорыстной помощи тамошнего объединения писателей-фантастов творцам этого жанра на молодых планетах трехмерного пространства.

ЭКСКУРСИЯ НА ПЛАНЕТУ ДУНЬ-ПЛЮНЬ

— Внимание! Туристическая ракета в созвездие Лебеда отправляется через десять минут. Мы побываем на планете Дунь-Плюнь, населенной самыми разными существами, в том числе и разумными. Внимание! Раздаю брошюру с правилами поведения, внимательно прочтите, особенно тридцать вторую страницу.

Поехали!

Почему пахнет уксусом? Кто везет мясо для шашлыка? На планете Дунь-Плюнь разводить огонь строжайше запрещено. Планеты этого типа сгорают вместе с приданными им противопожарными средствами ровно за тринадцать минут. К стати, курящим поэтому лучше подзарядиться сейчас, пока летим. Так сказать, авансом. Товарищ! Я сказал: «курящим», а не пьющим. С этим лучше вообще не разгоняться, в связи с особыми свойствами планеты Дунь-Плюнь, о чем каждый должен прочесть на тридцать второй странице.

...Итак, поздравляю с благополучной посадкой. Выходим по одному. Идем строго по экскурсионной тропе, ничего не трогаем, никого не обижаем.

Товарищи, вы куда? Стойте! Что вы делаете? Какой футбол, какая тренировка? С чего вы решили, что здесь с вами хотят сыграть? Откуда у вас мяч? Сам выкатился? Дайте его сюда. Не пинайте! Бросьте руками. Извините, ваше превосходительство. Темный народ, ваша светлость. Внимание! Смотрим все, запоминаем раз и навсегда: это не футбольный мяч, это президент планеты.

Эй, эй, ребята! Перестаньте стучать в эту дверь, вам туда нельзя. Там начинается другое измерение. А вот такое — другое. У нас с одиннадцати до семи, а там — с семи до одиннадцати. Ваши организмы на это не рассчитаны.

Так. Бабуся! Что это вы такое позволяете? Откуда тут взялся дворец культуры? Только что не было. Кто вам его построил? Карась, которого выловил ваш муж? Бабуся, вы что, в детстве эту сказку не читали? Не помните? А не возникает у вас желания стать столбовой дворянкой? Возникает? Очень хорошо. Ждите, за вами придут.

Так, а вы трое чего тут барахтаетесь? Не можете расцепиться? А зачем сцепились? Чтоб не так качало. А кто вас просил жевать эти листья? Ведь я предупреждал: прочтите тридцать вторую страницу. В условиях сверхвысокого давления и сверхнизких температур из любого здешнего растения выделяется жидкость типа «молдавский рислинг». Нет, жидкость типа «армянский коньяк» тут ни из чего не выделяется. Я не пойму, зачем вы вообще забрались в эти заросли? Охотиться на шестиногов?! В данный момент на всей планете имеется только один шестиног. Это вы трое, пока не расцепились. А водятся здесь не шестиноги, а семируки. Но лучше с ними не связываться, потому что у них три руки в боевых наконечниках, еще три — в торговле, а самая длинная — в окружении президента.

Эй, граждане, вы что здесь собираете? Немедленно прекратить. Потому что это не клюква. Это местный университет. Тут, может, новый Эйнштейн зреет. Почему кругленькие? Наверное, все отличники. Почему кисленькие? Откуда я знаю, может, их всех со стипендии сняли. Короче говоря, рассадите их обратно. Да не путайте. Вот эти, розовые — студенты, а эти, темные — преподаватели.

Что? Спасибо. С удовольствием попробую... Очень вкусно. Настоящий шашлык. Минутку, вы на чем его жарили? На костре? Так. Всем быстро в ракету. В нашем распоряжении ровно тринадцать минут. Товарищ, сбегайте на берег, увидите там старушку возле разбитого корыта. Скажите, сказка кончилась, начался пожар.

Все собрались? Поехали! Девушка, что вы плачете, что вы рыдаете? Планету жалко? Ну, успокойтесь. Ну, тихо. Тсс... Только это строго между нами. Могила, да? Слушайте: ни на какой планете вы не были, никуда не летали, экскурсия проходила в специально оборудованном аттракционе. Именно поэтому настоящая планета Дунь-Плюнь в созвездии Лебедя до сих пор цела.

КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ

Летающая тарелка была замечена своевременно. Пока она неторопливо проплывала над Землей, уже была организована официальная ко-

миссия для встречи и собраны специальные части для обеспечения порядка. Тарелка приземлилась на просторной лесной лужайке. Когда прибыла комиссия, лужайка уже была окружена тысячами любопытных, добравшихся сюда из всех окрестных городов и деревень. Однако ближе никто подойти не мог, и не только из-за охраны: пришельцы окружили лужайку незримой стеной неведомого энергополя.

Когда они вылезли из тарелки, раздалось дружное «ура». Пришельцы не без любопытства оглядели толпу. Дальше они повели себя непонятно: по команде старшего выстроились в походную колонну и углубились в лес. Специальные части получили задание узнать, чем они там занялись. Не удалось: прибывшие и лес окружили незримым энергокуполом. Через него не смогли пробиться ни машины по земле, ни вертолеты по воздуху. К вечеру пришельцы вернулись, залезли в тарелку и начали прогревать двигатели.

В полном отчаянии председатель комиссии забарабанил кулаком по незримой стене. Как ни странно, его стук был услышан. Из тарелки вылез старший. Он пересек лужайку, легко прошёл сквозь стену и остановился перед председателем. Он был спокоен и задумчив.

— В чем дело, уважаемый? — спросил он красивым металлическим голосом.

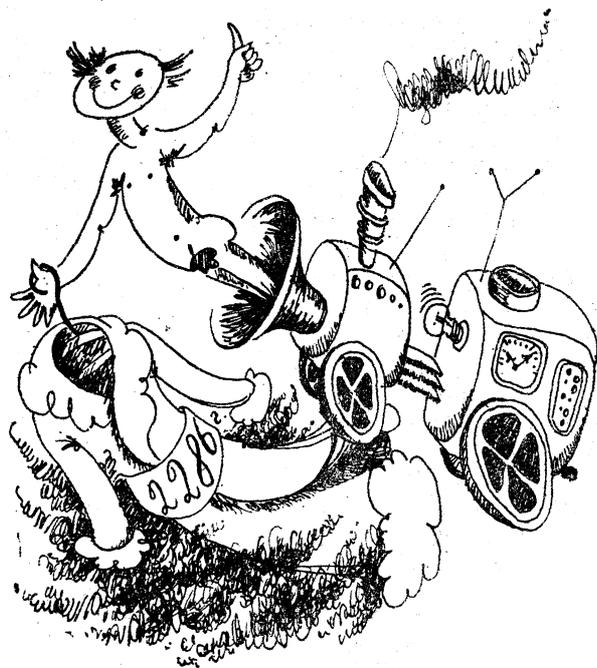
— Мы бы хотели приветствовать вас, первых гостей планеты Земля, дорогой друг! — взволнованно произнес председатель. — Но мы не понимаем ваших действий. Нет-нет, мы не находим в них ничего угрожающего, — поспешил заверить он, увидев, как зашевелились усики пришельца, а в каждом его четном глазу засветились красноватые огоньки. — Но... вы не идете ни на какие контакты с нами, а между тем, нам кажется, собрались улететь.

Усики успокоились, и огоньки погасли.

— Да, мы собрались улететь. Но чего вы не понимаете в наших действиях? Не обижайтесь, однако с вами нам все ясно. Кроме того, мы принципиально не поддерживаем контактов с цивилизациями, которым присуще употребление спиртных напитков и табака, не говоря уже о наркотиках, а также различные эгоистические устремления, такие, например, как обладание личным автомобилем или, допустим, рыбалка в запрещенных местах.

— Позвольте! Но если уж вы прилетели к нам на Землю...

— Мы действительно прилетели на Землю, — мягко перебил председателя пришелец. — Но не к вам. Мы получили сигнал от другой, поистине загадочной цивилизации. Она полностью лишена

ваших недостатков. Есть у нее, правда, и свои: практически отсутствуют искусства, особенно такие, как художественная литература, театр, кино и телевидение. Но с этим мы им поможем. В целом мы остались очень довольными от контакта с ними и пригласили их представителей посетить наш мир. Если хотите, могу их вам показать.

Пришелец достал из нагрудного кармана куртки прозрачный пакетик и на ладони протянул его председателю.

В пакетике дремали два черно-рыжих муравья.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

В канун 2286 года жителям Энска был преподнесен сюрприз: каждый желающий мог заказать себе на новогодний вечер собственного Деда Мороза, единственного и неповторимого. Понятно, живых исполнителей в таком количестве не наберешь, речь шла о роботах. В зависимости от желания заказчиков эти роботы, придя тридцать первого декабря в дома, должны были водить хороводы с детьми, рассказывать сказки, петь, танцевать, показывать фокусы, дарить подарки — в общем, кому что нравится. А некто Семенов, одинокий пожилой человек, по своим вкусам пожилого человека заказал себе Деда Мороза в стиле ретро: с бородой и усами, в тулупе и валенках. И чтобы только поздравил и

ушел. И, кстати, чтобы, поздравив, не отказался принять рюмочку. Сами люди к этому времени давно уже не принимали никаких рюмочек и даже такой посуды не имели в домах, и Семенову было любопытно посмотреть, как это выглядит. У него как реликвия сохранялась старинная хрустальная рюмка, из которой, согласно семейному преданию, по большим праздникам пил вино его прапрапрадед.

Деда Морозы изготавливались на специальной фабрике, ритмично, со скоростью штука в минуту. Но заказов оказалось так много, что еще и тридцать первого декабря продолжалась работа. Готовые роботы прямо с конвейера убегали по адресам. И вот под вечер случилась промашка. Молодой паренек, оператор, от переутомления уснул на рабочем месте, а в это время, как назло, заело программу. И как раз на заказе Семенова. Так, знаете, как в старину, бывало, заедало пластинку на проигрывателе: «...а ты такой, как айс... а ты такой, как айс...». И начала эта программа гнать, на чем ее заело: одного и того же Деда Мороза — и раз, и два, и три... В общем, кто знает, сколько их всего выскочило и убежало к Семенову — потому что пареньку приснилось, как он встречает Новый год вместе со своей любимой девушкой, и он, естественно, просыпаться не спешил.

А у Семенова уже все готово: на серебряном подносе — рюмка и графинчик с машинным маслом очищенным. Вот раздастся звонок, открывает он дверь — какая прелесть! Входит красивый румяный старик в белоснежном тулупе, в валенках расписных, кланяется ему в пояс и говорит басом:

— Дорогой Иван Тимофеевич! Счастья вам, здоровья и благополучия в наступающем году!

— Спасибо, голубчик, — растроганно отвечает Семенов. — Прими, не побрезгуй.

Принял Дед Мороз машинного масла очищенного рюмку, крикнул молодецки, усы утер. Поблагодарил и вышел.

А Семенов с нежностью посмотрел ему вслед: до чего же приятная картина — словно в старинных временах побывал!

Вдруг звонок в дверь. Это еще кто? Открыл Семенов — входит Дед Мороз.

— Ты, милый, разве не все сказал? — ласково спрашивает Семенов, думая, что перед ним тот же самый. — Забыл что-то?

— Нет, — отвечает Дед Мороз, — ничего не забыл. Нам забывать нельзя, все помню. Дорогой Иван Тимофеевич! Счастья вам, здоровья и благополучия в наступающем году!

— Ну, спасибо, спасибо, дорогой, — благодарит Семенов и в шутку добавляет: — Ты, навер-

ное, захотел еще рюмочку... как это раньше говорили... «тяпнуть»? Понравилось?

— Тяпнуть захотел, — отвечает Дед Мороз, — потому что я еще ни в одном глазу.

— Ну, брось, брось! Только что я тебе наливал — неужели не помнишь?

«Да, — думает Семенов, — торопятся они на фабрике в последний день года, штурмовщиной занимаются. Вот и лепят на халтурку — с ослабленной памятью».

«Да, — думает Дед Мороз. — Что-то неладно с клиентом: галлюцинирует. Надо сообщить». У них, у роботов, у любого в программе обязательно записано: «Если поведение клиента вызывает подозрение относительно состояния его здоровья, следует немедленно сообщить в ближайший пункт «Скорой помощи».

— Ладно, — говорит Семенов, — прими еще рюмочку — и хватит. Больше не приходи.

Принял Дед Мороз рюмочку, крикнул, усы утер, поблагодарил и вышел. И бегом — в «Скорую помощь».

Семенов думает: прямо сейчас на фабрику позвонит или уж не трогать людей перед Новым годом?

А дверной звонок снова: дзынь-дзынь-дзынь! Открывает Семенов — а это опять Дед Мороз.

— Слушай, брат, это уж нахальство — в третий раз приходите! У меня тут, понимаешь, не эта... как это раньше говорили... не распивочная!

— Ни в коем случае не распивочная, — отвечает Дед Мороз, — не распивочная, а квартира Семенова Ивана Тимофеевича. Дорогой Иван Тимофеевич! Счастья вам, здоровья...

Семенов, не дав договорить, хватает его за шиворот и вытаскивает прочь:

— Тебе что, уважение к людям забыли впасть? Какие халтурщики тебя склеили? Я жаловаться буду!

Вскоре прибывает бригада «Скорой помощи» и застаёт такую картину: дверь распахнута, в прихожей Дед Мороз приводит в чувство, лежащего на полу Семенова. Семенов же бормочет:

— Что же это... За что? В девятый раз перся, наглец...

— Не в девятый! — умоляюще кричит Дед Мороз, увидев вошедших. — И не в восьмой! В первый! Я доказать могу! Если бы я уже приходил, я бы рюмку принял! Ну, дайте дыхнуть!

Старший бригады говорит коллегам:

— Любопытнейший случай! Я на нем, пожалуй, кандидатскую диссертацию сделаю.

А Деду Морозу говорит:

— Ты уж иди и не обижайся: заказчик слегка прихворнул.

— Очень сожалею. Позвольте, хоть вас поздравлю. Счастья вам, здоровья и благополучия в наступающем году!

— Спасибо. Прими — раз уж программа у тебя такая, и уходи, не мешай нам работать.

Налил старший рюмку, Дед Мороз принял, крякнул, усы утер, поблагодарил и вышел.

Медики поднимают Семенова, укладывают на диван, подключают аппаратуру для снятия галлюцинаций. Вдруг звонок в дверь. Открывают — стоит на пороге Дед Мороз.

Старший ему говорит:

— Ты зачем вернулся? Я ведь сказал: уходи, не мешай.

— Ничего вы мне не говорили, — отвечает Дед Мороз. — Я вас впервые вижу. Дорогой Иван Тимофеевич! Здоровья вам, счастья и благополучия в наступающем году!

— Ага! — кричит с дивана Семенов. — А вы говорите — галлюцинация! А теперь что скажете? Что?! Что?!

— Эх, — говорит старший, — лопнула моя кандидатская!

Выпроваживают Деда Мороза за дверь, отключают Семенова от аппаратуры для снятия галлюцинаций, подключают ему аппаратуру для снятия нервного срыва. А в дверь опять звонят.

Старший говорит Семенову:

— Отчасти вы сами виноваты. Заказали с этой дурацкой традицией — с рюмкой!

— Так ведь масло машинное!

— Для нас с вами — масло, а для него — алкоголь. Сколько он у вас принял? Девять рюмок. Да еще я ему десятую налил. Он же просто пьян!

А звонки продолжают.

— Нет, — говорит старший, — пусть меня накажут за негуманность, но терпеть больше не могу. Сейчас дам ему по шее и спущу с лестницы.

Открывает дверь... И врывается в квартиру толпа Дедов Морозов! И — хором:

— Дорогой Иван Тимофеевич! Счастья вам, здоровья и благополучия в наступающем году!

Семенов встал с дивана. Весь, как был, в аппаратуре. Подошел к ближайшему Деду Морозу, бороду ему погладил и говорит:

— Ну, ладно, напился. Обеспамятел. Это я еще понимаю. Но зачем же ты размножился, дедушка? Милый, зачем?

А старший медик говорит:

— Это не кандидатская, нет. Докторская! И от радости сознание потерял.

1985-й... 1985-й?! Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

1985. Физик Фрэнсис Дистейн приступил к строительству Города, получающего энергию с помощью транслатерационных генераторов (К. Прист. Опрокинутый мир. 1974. Рус. перевод — 1983).

1985. Профессор Ив Ломбар извлек и заморозил клетки своего костного мозга, чтобы через пятнадцать лет с их помощью омолодить себя (Ф. де Клозе. Ошибка профессора Ива Ломбара. Рус. перевод — 1978).

1985. Завершена подготовка космического корабля «Утренняя звезда» к выводу на трассу Земля — Луна (А. Кларк. Экспедиция на Землю. Рус. перевод — 1965).

1985, весна. Начаты первые испытания аппарата, воспроизводящего картины прошлого, зафиксированные в клетках деревьев (Т. Непомнящий. Бумеранг Зорича. 1984).

1985, 17 апреля. Разразился биржевый крах, начало которому положил некий У. Дж. Борн, накануне неосмотрительно заглянувший в будущее (С. Корнблат. Домино. Рус. перевод — 1979).

1985. В Соединенных Штатах сожжена библиотека мистера У. Стендаля (50 000 книг), содержавшая «запрещенную литературу»: Э. По, Н. Готорна, А. Бирса, детские сказки и др. (Р. Брэдбери. Эшер II. Рус. перевод — 1965).

1985, июль. 37-летний Павел Белобрысов отметил двадцатилетие своего бессмертия, полученного благодаря инопланетному эликсиру (В. Шефнер. Лачуга должника. 1982).

1985, 28 июля. Опробовав разные варианты своей судьбы, Сергей Мартынец решает покончить с легкомысленным отношением к жизни (А. Житинский. Часы с вариантами. 1985).

1985. Изобретено сверхдешевое горючее для автомобилей, но изобретатель убит, секрет открытия утрачен (З. Максимов. Формула господина Арно. 1982).

1985, 21 августа. В родной колхоз «Красный партизан» вернулся Эдик Свистун, считавшийся погибшим четыре года назад при входе космического корабля в плотные слои земной атмосферы (Г. Попов. В гостях хорошо, а дома лучше, 1978).

1985. В Институте кибернетической расшифровки прочитано послание с Марса. Космический корабль «Астарта» находит последнего марсианина, и его омолаживают с помощью аппарата «Долгой жизни» (Ю. Яновский. «Лонговит». 1965).

1985. Родился мальчик Ваня, в будущем — Иловиенаандр, крупный ученый-биолог XXII века (В. Савченко. За перевалом. 1984).

1985. Медицинские институты Бернарда Хауза начали работу над проблемой пересадки человеческого мозга (З. Максимов. Остров «Его величества». 1984).

Кроме того, продолжают спать, замерзнув, во льдах и снегах герои книг «33 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970) и многих других.

Кроме того, по-прежнему находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

Виталий БУГРОВ

«ЧТО, ОПЯТЬ ДЕКАБРЬ?!» — УДИВИЛИСЬ МЫ ПРОИСКАМ НЕСГОВОРЧИВОГО ХРОНОСА И, ВДОХНУВ, ПРИСТУПИЛИ К МНОГОСТРАНИЧНЫМ ОТЧЕТАМ ЧИТАТЕЛЕЙ О СТРАНСТВИЯХ, ПРИКЛЮЧЕНИЯХ И ОТКРЫТИЯХ В МИРАХ НФ... НАША ОЧЕРЕДНАЯ — ОДИННАДЦАТАЯ — ВИКТОРИНА БЫЛА, ПО ОТЗЫВАМ ЕЕ УЧАСТНИКОВ, САМОЙ СЛОЖНОЙ; САМОЙ ТРУДОЕМКОЙ ПОКАЗАЛАСЬ ОНА И НАМ. ОТТОГО У РЕДАКЦИИ ОКРЕПЛА И ОКОНЧАТЕЛЬНО ОФОРМИЛАСЬ ДАВНО УЖ ВЫЗРЕВАВШАЯ ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА — ВЗЯТЬ ТАЙМ-АУТ... ВПРОЧЕМ, ОБ ЭТОМ ПОЗЖЕ.

ЭПИГРАФЫ К ОТВЕТАМ ДЛЯ НЫНЕШНЕГО ОБЗОРА НАМ ПОМОГЛИ ПОДОБРАТЬ Д. ДАВИДЕНКО (КИШИНЕВ), Ю. ЗУБАКИН (КОРКИНО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ), А. И. И. КАНИЦЕВЫ (СУМЫ), О. И. М. КНЯЗЕВЫ И Н. СОКОЛОВА (СВЕРДЛОВСК), Ю. КОВАЛЕВ (БАКУ), Т. И. О. КОЛЕСОВЫ, Р. АРБИТМАН И В. КАЗАКОВ (САРАТОВ), В. МОЛЧАНОВ (ПЕРМЬ), Б. РИФТИН (СУМЫ) И В. ВОРОБЬЕВ (ПОЛТАВА), Г. ФАТЕЕВ (ЛУНГА МССР), С. ХОМЕНКО (НОВОЧЕРКАССК) И А. ЯКОВЛЕВ (ПЕРМЬ).

ПЕРВЫЙ ТУР

1. «ТРИНИТРОЭТИЛДИБЕНЗОЛ-ТЕТРАПОРФИРО... И ЧТО-ТО ЕЩЕ. И КОМПЛЕКСНЫЙ АТОМ РТУТИ В САМОЙ СЕРЕДКЕ». ЧТО ЭТО ЗА ВЕЩЕСТВО И ГДЕ ОНО ПРИМЕНЯЕТСЯ? ИЗВЕСТНЫ ЛИ ВАМ ЕГО АНАЛОГИ?

У Горева дух захватило от этого длинного слова. Он попросил профессора повторить по слогам диковинное название и записал в блокнот. «Такие слова придают статье научный вес», — подумал он...

А. Беляев.
Человек, который не спит

«В этом вопросе, как в хорошем кошелке, два отделения, — так начал свой ответ могучий квартет из Саратова, объединивший в нынешнем году Т. и О. Колесовых, Р. Арбитмана и В. Казакова. — Не раскрыв одного, нельзя проникнуть в другое...» Что верно, то верно. Случаев интуитивного прозрения в отношении второго «отделения» нашего вопроса, пожалуй, не обнаружилось, хотя цепь «рассуждений по поводу» бывала порой крайне любопытной. Ответ же на конкретную часть во-

проса следовало искать там, где и нашла его половина участников викторины: в рассказе Г. Гуревича «Троя».

Читатели охотно делились с нами найденными попутно в НФ другими химическими «сороконожками». Вот некоторые из них: «тринатрийфенобарбитогиперхлорозола», «пентазолидиновая производная двуаллилоортопентанопергидрофенантрена», «окись диметилгидрофторгазы соединить с оксиферокальцийпенотусиризоникамонала», «триметилдифторпарааминтетрахлорфенилсульфат натрия»... Ничего здесь не скажешь, достойные приемники «диоксидаминоарсенобензолдихлоргидрата», по поводу которого иронизирует в нашем эпиграфе А. Беляев, не правда ли?

Многоопытный автор «Трои» явно разделяет позиции основоположника советской НФ: в отрывке, взятом для вопроса, так и сквозит ирония по отношению к придуманному неологизму! Точнее — по отношению к возможным «Горевым» из числа читателей рассказа: ведь предложение всегда рождается спросом, и, не оказавшись в свое время у нашей НФ чересчур жестких опекунов-критиков, требовавших от нее стопроцентной «научности», быть может, и не отпала бы фантастика от художественной литературы, обратный путь в лоно кото-

рой был и труден, и долог, да не до конца, похоже, завершился еще и сегодня. Во всяком случае, кто поручится, что все без исключения приведенные выше — и подобные им — монстры, вполне уместные (да что там, безобидные ягнята!) для литературы специальной, в фантастику введены именно ради иронического подтекста? Но не будем отвлекаться...

«Не нашей работы» вещество Г. Гуревича служит для усиления поверхностного натяжения воды. «Земной аналог этого вещества — обычный жир, — пишет Г. Шевелев (Уфа). — Проконсультироваться по данному вопросу можно у жуков-водомеров...» А можно — вслед за восьмиклассником Сергеем Некрасовым (Каменск-Уральский) — у Жюль Верна или любого иного автора, писавшего о морях, о штормах, о кораблекрушениях и, главное, не забывавшего о бочках с ворванью, смиравшей в трудную минуту самую крутую волну. Прав и К. Рыбалко (Саратов): «Самым распространенным аналогом этого вещества является обыкновенное растительное масло»...

Фантастическое вещество используется героями Г. Гуревича для хождения (вернее, бегания — как водомерки) по поверхности воды. Вопрос об аналогах «тринитро...» тем самым требовал, согласно формулировке четверки из Саратова, «изыскать в фантастике различные вещества (механизмы, приспособления и т. п.), благодаря которым человек (а также нечеловек) может пешком (или бегом) преодолевать водные пространства».

По-разному достигают этого фантасты.

Во-первых, можно химическим путем усилить поверхностное натяжение воды — как, помимо «тринитро...» из «Трои», и делают это «аквафобит», «катионит», «МУПОН» и препарат профессора Минца (Г. Гуревич. Мы — из Солнечной системы; Б. Фрадкин. Вода под ногами; В. Шефнер. Скромный гений; К. Бульчев. Два сапога — пара).

Во-вторых, того же эффекта можно достичь, воздействуя на жид-

кость каким-либо известным либо неизвестным силовым полем (В. Григорьев. Образца 1919-го; Е. Войсунский, И. Лукодянов. Экипаж «Меконга»: Ю. Васильев. Цветок лотоса; Д. Райола. План спасения).

В-третьих, можно изменить плотность воды — подобно юным экспериментаторам (К. Домбровский. Остров неопытных физиков), некой зеленой плесени (А. и С. Абрамовы. Синий тайфун) или обитателям далекой планеты (Г. Антипов. Ортис — десятая планета).

В-четвертых, можно изменить (или подождать, пока само изменится) агрегатное состояние воды, иными словами — превратить ее в лед (Г. Гуревич. Иней на пальмах; А. Казанцев. Мол «Северный»; Н. Михова. В бурю). Страшная ипостась воды — «лед-девять» — описана в повести К. Воннегута «Колябель для кошки»...

В-пятых, по воде как посуху могут пройти персонажи НФ, овладевшие искусством левитации (А. Ломм. Ночной орел; К. Бульчев. По примеру Бомбара) либо постигшие секрет уплотнения времени (Г. Уэллс. Новейший ускоритель; С. Гансовский. Шаги в неизвестное; А. и С. Абрамовы. Все дозволено), а также многочисленные «неощутимки» из предыдущей викторины.

В-шестых, можно пройтись по воде, просто хорошенько потренировавшись в водохождении, накрепко уверовав, что «вода — тверда» (В. Шефнер. Фиалка молчаливая).

Наконец, особняком остаются гриновские Фрэнзи Грант и Леон Штрих (роман «Бегающая по волнам», рассказ «Огонь и вода»). Ведь, как пишут Т. и О. Колесовы, Р. Арбитман и В. Казаков (их классификацию мы и взяли за основу ответа на этот вопрос), чудо без всяких объяснений, чудо как вызов серой мешанской приземленности — характернейшая черта романтической эстетики Александра Грина...

2. «ДЕВОЧКА ИЗ БУДУЩЕГО» АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА, ПОВИДИМОМУ, ОБЩЕИЗВЕСТНА. ЗНАКОМЫ ЛИ ВЫ С ЕЕ ОДНОФАМИЛИЦЕЙ КАТЕЙ СЕЛЕЗНЕВОЙ?

— ...Разве это не есть лучшая награда искателю! Нет, не лучшая, — отвечал сам себе Гирин. — Лучшая была бы — пять, десять Селезневых!..

И. Ефремов. Лезвие бритвы

В поисках ответа на вопрос читатели разрабатывали два направления: уточняли фамилии весьма,

как и в жизни, многочисленных в нашей фантастике Кать и искали Селезневых.

Что ж, кое-какие успехи налицо. Помимо целого семейства Селезневых из ефремовского «Лезвие бритвы» (братья Илларион и Иннокентий, их сестра Евдокия, дочери Настя, Маша, Ирина плюс безымянные жены...), был выявлен еще десяток носителей этой фамилии в НФ, половина среди них — женского пола (в том числе — Кира Селезнева из повести Е. Велтистова «Миллион и один день каникул»).

Попутно были найдены любопытно выглядевшие в данной ситуации мужчины: надзиратель Катя (В. Крапивин. Мальчик и ящерка) и Алиса Александрович Белов (Э. Маринин. Узник), а студентом из Новосибирска Г. Давидовым установлено, что «самое употребляемое имя в советской фантастике — Маша». Кроме того, были зарегистрированы многочисленные пары других однофамильцев (москвич В. Тамбовцев предложил целую коллекцию, в которой выделяются четверки Гусевых и Яловых, тройки Петренко и Соколовых), а также предложено поискать среди персонажей НФ... Битюцких, Павловских и Рыбкихных.

Но в главном никто не преуспел: Кати Селезневой в советской фантастике не обнаружилось. Повидимому, она еще не придумана. Так что лучшей наградой для отечественных — в полном соответствии эпиграфу — действительно было: найти как можно больше Селезневых!

3. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ОСТАВИЛ ЗАМЕТНЫЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. А В ФАНТАСТИКЕ!

— Теперь вам все известно. Снят покров таинственности с моей загадочной персоны...

С. Жемайтис. Вечный ветер

Знаменитый живописец, скульптор, архитектор, замечательный инженер, математик, анатом, всесторонне эрудированный ученый-мыслитель, оставивший после себя семь тысяч страниц рукописей и записных книжек, Леонардо да Винчи до сих пор окружен атмосферой таинственности. Понятно, что писатели-фантасты, движимые интересом ко всему непознанному, удивительно, неразгаданному, просто не могли обойти своим вниманием великого итальянца.

Обратимся прежде всего... к творчеству А. В. Луначарского. Пер-

вый наш нарком просвещения писал не только драматические сочинения и критические работы, но и рассказы, в том числе — тяготеющие к фантастике... Так вот, есть у Луначарского новелла «Крылья». Леонардо изображен в ней в момент торжества: осуществляя давний свой замысел, он создает и испытывает аппарат с машущими крыльями... Парить в небесах, оседлав рукотворную птицу! Это ли не явно преждевременное (для XVI века!) изобретение, это ли не типичное «воспоминание о будущем»?

Подобных «чудес и диковин» немало в наследии Леонардо. Впрочем, прибегнем к цитатам...

«Не перечислить его открытий, изобретений, мудрых мыслей, не говоря уже о непостижимом даровании художника!» (А. Казанцев. Острее шпаги). «Один список его изобретений занимает десятки страниц. Не прочтешь. Устанешь...» (М. Анчаров. Сода-солнце). «Его записки исполнены пророческой тонкости и удивительного предвосхищения методов первых авиаторов...» (Г. Уэллс. Освобожденный мир). «Всю жизнь Леонардо стремился покорить море... Всю жизнь! И наконец создал скафандр... Не случайно среди изобретений Леонардо есть прибор для определения плотности воздуха. В современных аквалангах можно пробыть под водой около часа. А Леонардо писал: «...столько, сколько можно оставаться без пищи. Представляет?» (В. Журавлева. Леонардо). «Еще Леонардо да Винчи предложил проект многоярусного города... По крышам дворцов пролегали широкие дороги, другие дороги вели под арочными пролетами...» (В. Щербаков. Семь стихий). «Исследуйте проекты Леонардо — подводную лодку, автожир, токарный станок, и вы увидите, насколько ученый опередил свое время...» (Д. Кристофер. Оружие). «Еще Леонардо да Винчи предложил: «Если ты, будучи в море, опустишь

в воду отверстие трубы, а второй конец ее приложишь к уху, то услышишь идущие вдали корабли». Великий Леонардо — отец бионики! (Г. Голубев. Гость из моря). «Леонардо да Винчи всю жизнь пытался соорудить себе времелаз... так называемые «геликоптеры» Леонардо и другие машины, поражавшие и ставившие в тупик его современников, были свидетельством его неудачных попыток...» (С. Лем. Двадцатое путешествие Ийона Тихого). «Историки то и дело натываются на проекты Леонардо. Тут тебе и обводнение Сахары, и плазменный генератор, и подземный буер — всего не сочтешь. Хотите последнюю новизну из Академии Леонардо? Позавчера, 23 июля, неизвестный автор прислал в Академию электронно-оптическое устройство, которое позволяет проникнуть за горизонт картин Леонардо да Винчи. Не вполне понятным способом итальянский мастер... запечатлел пейзаж на несколько километров за черту горизонта...» (Ю. Медведев. Любовь к Паганини).

Даже после немногих приведенных цитат (а уж что в них соответствует действительности — попробуй-те разобраться сами), полагаем, и неосведомленному читателю яснее ясно: что-то тут, во всем этом, не так!..

В прошлом веке поразительную прозорливость Леонардо можно было объяснить тем, что вселился будто бы в него дух, изгнанный на Землю Люцифером (В. Одоевский. Сегелиель). Мы, разумеется, в духов не верим, но есть и у нас свои «мифы». Загадочного Леонардо, следуя им, надлежит незамедлительно либо объявить выходцем из будущих веков, либо обвинить в инопланетном происхождении. Какая из версий предпочтительнее? Как водится, одни разделяют первую (А. Ассовская. Ее улыбка; С. Лем. Двадцатое путешествие...; Черная комната профессора Тарантоги), другим по душе вторая (Е. Загданский. Гуманоиды из НЛО-90; А. Казанцев. Купол Надежды; Н. Думбадзе. Закон вечности), сразу обе присутствуют в повести Г. Гора «Странник и время». Студента из Рязани А. Павленко привлекла первая из этих версий: Леонардо на его рисунке пишет свои картины, сверяясь с альбомом, выпущенным издательством «Аврора»...

Самим же нам ближе позиция Б. Рифтина и В. Воробьева. «Личность Леонардо да Винчи, — пишут они, — вот уже несколько веков поражает людей — даже нас, образованных, воспитанных в привычке ни-

чему не удивляться, мысленно побывавших в других Вселенных — именно потому, что такой человек был, жил на нашей планете».

4. «— ВЫ КОГДА-НИБУДЬ ВИДЕЛИ, КАК ТАНЦУЮТ ЭЛЬФЫ!

— ЭЛЬФЫ!.. КАКИЕ ЭЛЬФЫ!

— С КРЫЛЫШКАМИ. ЗНАЕТЕ, ТАКИЕ...»

ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ДИАЛОГ? И ВОДЯТСЯ ЛИ ЭЛЬФЫ В СОВРЕМЕННОЙ НФ?

— Простите, но эльфов было уже много, и их дальнейшее размножение не предусмотрено...

В. Маяковский. Баян

Действительно, когда-то эльфов было много. Но пришли другие времена — времена сказок, в которых, по выражению А. Бордюгова, А. Хоружева и А. Ляпустина (Новочеркасс), эльфы «не только водятся, но и заводятся». Оно и впрямь так, если вспомнить аккумуляторный автомобиль «Эльф» (И. Ефремов. Туманность Андромеды), спасательный катер «Эльф» (А. Дмитрук. Аурентина), космический корабль «Эльф» (Ю. Котляр. Младший пилот)... Соседство техники отрицательно сказалось на «тихом народе»: хотя и установили Трурль и Клапауциус, что «с точки зрения термодинамики эльф невозможен лишь в статическом смысле» (С. Лем. Путешествие третья, или Вероятностные драконы), веры в лесных духов явно поубавилось у людей атомно-электрического века. Поубавилось и эльфов в новых — технических — сказках, как иной раз величафт фантастику. Творцы этих новых сказок забывали постепенно нравы, обычаи, образ жизни, даже облик обитателей леса. Уже на заре современной НФ стали появляться признания типа: «Какие они были, эти эльфы, мне не удалось узнать...» (Г. Уэллс. Мистер Скельмерсдейл в стране фей); и даже еще более ранний автор, Г.-Х. Андерсен, в сказке про Дюймовочку, которой в стране эльфов подарили крылышки, словно бы уже готовит нас к выводу, четко сформулированному В. Молчановым (Пермь): «Выходит, что крылья у эльфов съемные!»

Не удивительно, что у фантастов XX века эльфы и вообще могут быть без крыльев (Г. Каттнер. Жилищный вопрос), и рост у них нередко отнюдь не Дюймовочкин (Д. Р. Р. Толкин. Хоббит; Хранители). Более того, оказывается возможным отнести их ко всякой заведомой нечисти вроде оборотней,

упырей, вампиров, кикимор и прочей публики этого рода (З. Юрьев. Рука Кассандры; Б. Лапин. Конгресс), ведь, несмотря на употребление молока с медом, иные из них отвратительны и внешне и внутренне (А. Азимов. Небывальщина)...

Исчезло и единство во взглядах на их происхождение и место обитания. У одних авторов эльфы и сегодня — исконные обитатели Земли, живущие — либо жившие — в Ирландии (Р. Брэдли. Холодный ветер, теплый ветер), в Шотландии (В. Щербаков. Шотландская сказка), в Штирии (Б. Фришмут. Мистификация Софи Зильбер) или на острове Авалон, который находится в Атлантике, накрыт психополем и потому невидим (А. Азимов. Небывальщина). Другие либо обнаруживают космическое происхождение древних поселенцев Земли (К. Саймак. Заповедник гоблинов), либо на далеких планетах находят существ, у которых и рост Дюймовочкин, и крылышки налицо (О. Ларионова. Поздравление; В. Михановский. Эстафета). У третьих эльфы — искусственного, рукотворного происхождения: таковы, скорее всего, «шар с городом эльфов — вереница серебристых башен, между которыми порхают прозрачные желчужные существа» (Э. Нортон. Саргассы в космосе); таковы истребленные на Земле, но еще сохранившиеся на Марсе миниатюрные копии обитателей иного мира — копии, чьи танцы — это закодированное сообщение инопланетян (М. и Л. Немченко. Контрабанда); так же, очевидно, обстоит дело и с эльфами; материализуемыми по представлениям о них (Э. Зеликович. Танец эльфов; С. Люндваль. Мир Алисы).

Эльфы — персонажи западноевропейского фольклора, и искать их, как справедливо полагают многие, следовало в переводной НФ. Да, в советской фантастике едва ли возможны эпопеи из жизни эльфов, но фигурируют они, по собранным сведениям, все-таки очень и очень часто. Возможно, дело тут в том, что, устав от голой техники и едва не превратившись в безликий придаток научно-популярной литературы, наша НФ вот уж не первое десятилетие стремится вновь утвердить себя в ранге литературы художественной. Сказка с ее разноязыкими персонажами, чарующим волшебством и неизменной добротой — старая, старая сказка! — в немалой степени помогает фантастике потеплеть, обрести душу, очеловечиться, словом — от машинovedения вернуться к человеководению...

Кстати, диалог в вопросе взят

из широкоизвестной, едва ли не хрестоматийной и отнюдь не переводной повести А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век (Возвращение)». Нашли, однако ж, этот диалог лишь немногим более половины участников викторины.

**5. М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ
А. МИРЕР, А. ГРОМОВА... МОЖЕТЕ
ЛИ ВЫ ПРОДОЛЖИТЬ ДАННЫЙ
РЯД ИМЕН И ПОЯСНИТЬ, ЧТО ИХ
ОБЪЕДИНЯЕТ? НЕТ ЛИ У ВАС В ЗА-
ПАСЕ ДРУГИХ ПОДОБНЫХ ПЕРЕЧ-
НЕЙ?**

Кто-то вякнул: «Эх, плотину бы сюда!» Кто-то добавил: «Да турбину бы сюда». И кто-то закончил: «Ну и чаю мы с тобою наварили бы тогда!»

А. Щербаков. Золотой куб

Сразу или в результате длительных поисков, но только почти половина отвечающих догадалась: речь в вопросе идет о коллективной повести «Летающие сквозь мгновение», которую в 1966—1967 годах опубликовал журнал «Техника — молодежи» и авторами которой, помимо названных, были А. Днепров, Н. Соколова, С. Гансовский и В. Григорьев. Повесть создавалась по принципу старинной литературной игры «буриме»: ее «авторы, сменяя друг друга, придумывали главу за главой».

Это не единственное подобное произведение в нашей фантастике. Расшифровку принципа «буриме» мы прямо взяли из подзаголовка другой НФ повести, помещенной в следующем, 1968 году в ленинградском журнале «Костер». Называлась она «Летающие кочевники», написали ее А. и Б. Стругацкие, О. Ларионова, А. Шалимов, А. Мееров, В. Дмитриевский, А. Шейкин, В. Невинский, А. Томилин и Г. Гор. «Вдвоем фантастику писать можно, знаем по собственному опыту, — размышляли авторы первой главы. — А вторым?.. А десятерым?.. Одна голова — хорошо, две — лучше, а десять, наверно, еще лучше?..»

Ю. Флейшман (Ленинград) сообщает о трех НФ повестях-буриме, переданных по Ленинградскому радио в 1966, 1975—1976 и 1977 годах. Вторую из этих повестей — «Седьмой океан» — писали поочередно Ф. Дымов, А. Балабуха, И. Смирнов, О. Ларионова, А. Шалимов, Е. Поротов, А. Щербаков и Н. Внуков; в 1978—1979 годах она была напечатана в ленинградской газете «Ленинские искры».

Любители покопаться в истории

вспомнили и коллективный авантюро-фантастический роман «Большие пожары», печатавшийся в 1927 году в «Огоньке». Двадцать пять авторов (!) было у этого романа, в том числе А. Грин, Л. Никулин, Л. Леонов, В. Лидин, И. Бабель, Б. Лавренев, К. Федин, А. Толстой, М. Зощенко, В. Каверин, М. Кольцов...

Кое-кто склонен относить сюда же повести «Звездолет на Вяте» и «Ловушка», опубликованные в 1979—1980 годах «Пионерской правдой» и написанные К. Булычевым «совместно с читателями». Однако, как тогда же, в 1979-м, писал в нашем журнале сам К. Булычев, «совместность эта условна, потому что от читателей берутся только некоторые фразы».

Дотошные знатоки предлагают причислить к коллективным и произведения Павла Багряка — сборник повестей «Пять президентов», роман «Синие люди». Ссылаются при этом на некоторые, мягко говоря, странности в послесловии «Багряк о себе», напечатанном в польском издании «Синих людей». Судите сами, вот что там, помимо прочего, написано:

«Я родился в конце двадцатых и в начале тридцатых годов. Преимущественно в Москве, но частично также и в Сочи.

В возрасте двадцати пяти лет мне удалось совершенно законно получить шесть дипломов об окончании высших учебных заведений...

Шесть лет я посвятил адвокатуре, два года — геологии, полтора — конструированию самолетов, семь лет работал с футбольной командой в должности профессионального тренера, двадцать лет читал лекции в планетарии, осваивал целинный земли, ловил рыбу в Гвинейском заливе... Я два раза вступал в Союз писателей, а в настоящее время вступаю в третий раз, хотя ни разу не был исключен...

Работать я люблю в одиночестве. Для меня это возможно, т. к. я располагаю восемнадцатью комнатами в различных районах Москвы, хотя, по правде говоря, иногда трудно найти среди них такие, в которые не вбегали бы изредка мои дети, четыре девочки и пять мальчиков... пардон, четыре мальчика и пять девочек...»

Странного и в самом деле немало, не правда ли? (В скобках заметим, что П. Багряк охарактеризовал состояние своих дел максимум к 1974 году, когда «Синие люди» были изданы в Польше.) Впрочем, если даже «П. Багряк» и коллективный псевдоним, то кто из участников викторины поручится, что в своем творчестве возможные соавторы испо-

ведуют принцип «буриме»? Нет, придется все-таки подождать, пока что-либо произойдет в этом запутанном деле...

6. «...В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ РЕЗИНОВЫЕ КРУЖКИ БЫЛИ ПРИВИНЧЕНЫ ЕЩЕ К ШЕСТИ КАБЛУКАМ. И ТЕПЕРЬ МЫ ХОДИМ ПО ПОЛУ КАЮТЫ ПОЧТИ ТАК ЖЕ СВОБОДНО, КАК НА ЗЕМЛЕ... ЭТО ЧЕРТОВСКИ ОСТРОУМНО И РЕШАЕТ ПРОБЛЕМУ ХОЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕВЕСОМОСТИ». В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ДАЕТСЯ ЭТО РЕШЕНИЕ? КАК РЕШАЮТ ЭТУ ПРОБЛЕМУ ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ-ФАНТАСТЫ!

Смешно было бы спасовать перед такой детской задачей, как ликвидация невесомости...

С. Снегов. Люди как боги

Что ж, фантасты — и не пасуют!.. Крайне заманчиво было бы рассмотреть их взаимоотношения с невесомостью в историческом плане — от самых истоков фантастики, однако почта вопроса недвусмысленно показывает, сколь необъятна эта тема... Ограничимся классификацией способов борьбы с невесомостью.

Вслед за С. Вартаковым (Москва) эти способы можно разбить на две группы: 1) имитация гравитации, 2) создание гравитации.

К первой группе отнесем прежде всего различные подручные средства фиксации и передвижения в условиях невесомости, кажущиеся читателям современной НФ примитивно-экзотическими, но встречающиеся отнюдь не только в довоен-

ных романах: скобы, ременные петли, натянутые канаты, поручни (А. и Б. Стругацкие. Страна багровых туч; Г. Каттнер. Маскировка; О. Ларионова. Вахта «Арамиса»), дополняемые у А. Беляева всевозможными веерами, крыльями, дисками (Прыжок в ничто; Звезда КЭЦ). Верхом изобретательности здесь, вероятно, следует считать прибавление шага (Н. Носов. Незнайка на Луне).

К этой же группе относятся и разнообразные индивидуальные методы борьбы с невесомостью, основанные на использовании: а) реактивной силы — двигатели в ботинках, прижимающие к поверхности (А. Томили. Проект Альфа К-2), б) сил пневматического давления — различные присоски (В. Михайлов. Особая необходимость; К. Саймак. Все ловушки Земли), в) сил механического сцепления — клеевые подошвы, «принцип репья» (И. Штефан. Р. Нор. Путь к звездам; А. Кларк. Космическая одиссея 2001 года; С. Павлов. Лунная радуга), г) электромагнитных сил. Эти последние фигурируют в фантастике наиболее часто, отчего стали возможны варианты: магнитные подошвы либо подковы (А. Мирер. Дом скитальцев; А. Балабуха. Путь космопроходцев), магнитный пол, а подошвы у ботинок железные (В. Сапарин. Прораз вселенной; П. Стыпов. Гости с Миона), металлизированный комбинезон в магнитном поле (В. Журавлева. Голубая планета), магнитные пояса, жилеты, комбинезоны (А. Шейкин. Тайна всех тайн; А. Щербаков. Тук!; Ю. Симонов. Музыка), наконец, «магнитная обувь, работающая от биоимпульсов мышц» (Л. Хачатурьянц, Е. Хрунов. Путь к Марсу).

Говоря о способах второй группы, нужно прежде всего вспомнить идеи К. Э. Циолковского: искусственная сила тяжести нередко создается в фантастике вращением корабля или станции вокруг своей оси (А. Беляев. Звезда КЭЦ; А. Шейкин. Солдатская дорога домой; С. Лем. Астронавты; А. Кларк. Свидание с «Рамой») либо вращением корабля и противовеса вокруг общего центра (А. Беляев. Прыжок в ничто; С. Другаль. Тышкин синдром). Другой способ, также предложенный Циолковским, — движение с постоянным ускорением (С. Лем. Магелланово облако; Г. Гуревц. Мы — из Солнечной системы). К этим инерционным способам современная НФ добавила искусственное гравитопле (С. Снегов. Люди как боги; С. Лем. Солярис). «Это изобретение, — пишут В. Забирко и

А. Смирнов (Донецк), — настолько прочно вошло в фантастику, начисто вытеснив все остальные способы передвижения в невесомости, что зачастую даже не упоминается, а просто подразумевается... Решение этой проблемы в НФ потеряло свою актуальность и полностью перешло в проблемы современной космонавтики». И пусть, как замечает М. Малышева (Электросталь Московской области), тот же С. Лем откровенно признается в одной из своих статей, что «овладение гравитацией, тождественное созданию вечного двигателя, нельзя поместить даже в рамки мнимой правдоподобности». В конце концов, в фантастике многое условно, она попросту немислима без подобных допусков, без выходов за пределы дозволяемого наукой, за грань возможного.

Что касается конкретной части вопроса — прав Г. Прокопик (Вязники Владимирской области): ее нужно было искать в промежутке между романами А. Беляева и той фантастикой, в которой, как в «Стажерах» А. и Б. Стругацких, уже «послышалось беспорядочное кланье магнитных подков». Немногом более четверти участников викторины нашли искомое — довоенный роман В. Владко «Аргонавты Вселенной», в переработанном виде издававшийся на русском языке в 1957—1958 годах, на Украине же вышедший и позже.

Кое-кто сердито сетует, что мы заставили «переворочить огромное количество книг, коих никогда бы не перечитали в здравом уме и твердой памяти». С этим трудно согласиться. Старую нашу фантастику все-таки стоит иногда перечитывать. Хотя бы для того, чтобы объективнее оценить нынешний уровень советской НФ:

7. а) «ЭТО БЫЛО СОВЕРШЕННО НЕЛЕПО! НО ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ТАМ ВНИЗУ ВИСЕЛ АРИЭЛЬ, НАПРАСНО ПЫТАЯСЬ ДОТЯНУТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕЙ СТУПЕНИ ЭСКАЛАТОРА»; б) «НА ВЕРХУШКЕ ИВЫ СИДЕЛ ДИНОЗАВР И СМОТРЕЛ НА ЧЕЛОВЕКА КРОВОЖАДНЫМИ ГЛАЗАМИ»; в) «ПО ДВОРУ, НАПРАВЛЯЯСЬ К ВОРОТАМ, БЕЖАЛ АКВАРИУМ». ИЗ КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЗЯТЫ ЭТИ ЦИТАТЫ!

— Э-э-э, — сказали мы...

Н. Гоголь. Ревизор

Из этих всиящих, сидящих, бегущих персонажей НФ веселое оживление у отвечающих вызвал послед-

ний: ведь аквариумы обычно по улицам не бегают. Как пишет М. Малышева, «тут цель ассоциаций была короткой: «бежал» — «ноги» — «дырки» — «прорезать» — «инопланетянин»: Ах да, это же осьминог!»

Рассказ К. Булычева «Разум в плену» хорошо известен читателям, его назвали девять десятых участников викторины. Треть отвечавших нашла и Ариэля — не человека, а робота, и не в одноименном романе А. Беляева, а в рассказе С. Славчева «Последнее испытание». И примерно столько же — справившихся с нестандартным динозавром, коротенькая сказочка о котором взята из рассказа А. Хлебникова «Невероятный выдумщик».

ВТОРОЙ ТУР

1. «ЗАБАВЫ РАДИ ШВЫРНУЛИ В КРАТЕР ЭТНЫ КАКОЙ-ТО АСТЕРОИД...» НЕ ВСТРЕЧАЛОСЬ ЛИ ВАМ ТАКОЕ? А ДРУГИЕ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, В КОТОРЫХ ФИГУРИРОВАЛИ БЫ ЭТНА И ВЕЗУВИЙ?

— Кто посмел! Кто позволил себе эту дьявольскую шутку! Схватить его и сорвать с него маску...

Э. По. Маска Красной смерти

Последуем совету классика — и сорвем маску с наших «забавников». Тем более, что, несмотря на откровенную мимолетность цитаты из рассказа Д. Биленкина «Смешанка», ее удалось — таки раскопать более чем трети отвечающих... Вообще же согласимся с читателями: выкинуть подобное могли и разбаловавшиеся юнцы, запустившие водородный реактор на Южном полюсе (Г. Филановский. Чистильщик), и многие иные персонажи современной НФ.

А о других НФ произведениях, в которых фигурируют Этна и Везувий, постараемся непременно вспомнить в будущем году.

2. «ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, СЭР, О КАКОЙ ПЛАНЕТЕ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ТОЛКУЕТ. ОНА ИМЕЕТСЯ НА КАРТЕ И НАЗЫВАЕТСЯ БОРОДАВКА...» О КАКОЙ ПЛАНЕТЕ ИДЕТ РЕЧЬ? ИЗВЕСТНЫ ЛИ ВАМ ИНОПЛАНЕТНЫЕ СИНОНИМЫ К ЕЕ НАЗВАНИЮ!

— У нее есть еще тысяча других имен. Миллион! И каждое имя — истина!

Я. Вайсс. Нам было его жаль...

Даже и не обнаружив истинных цитат, иные из участников викторины все-таки догадались: речь идет, конечно же, о нашей с вами родной планете! Пусть кое-где у инопланетян еще нет оригинального имени для Земли — такое, как подсказывает нам Г. Фатеев (Лунга МССР), имеет место, к примеру, в «Космическом десанте» К. Булычева (пришельцы там так и обращаются к землянам: «Дорогие жители планеты, название которой еще не придумано...»), — общими усилиями читатели собрали множество «инопланетных» обозначений нашей космической колыбели. Не миллион, правда, и даже не тысячу, но во всяком случае — близик к сотне. Итак...

По сводной характеристике А. и И. Канищевых (Сумы), планета Бородавка находится на окраине Метагалактики «Аттала», в районе, где редки скопления звезд, между витками спиральной туманности, на расстоянии около тридцати тысяч световых лет от центра Галактики 99-ПР в ее Третьем рукаве в районе VI Парциального периферийного разрежения (ППР), Периферийной области семнадцатого галактического сектора, в эклиптикальном созвездии Жука в области Гиана Мага Каменного острова. Это — глухая, отдаленная провинция Вселенной. Из всех планет Седьмой Жука (эту планетную систему называют и иначе: 23-я Система, ИК 6547 — ХГ 908, 1/9—111, Чирагу-3734, С-1481211...) лишь одна обладает высокоразвитыми формами органической жизни. Многие пережила она за сотни миллионов лет вращения вокруг Желтой звезды Сол (по-другому: Гелиос, Мьеньи, Ра, Антар, Ф-5189941, Икс-1035, Альфа-4, 122-я...), пока наконец, вступив в Великое Кольцо Миров, не прибавила к своим галактическим координатам (136° 21' 42"; 0° 02' 14") и галактические позывные: СТЛ 3388+04ЖФ...

Называют же эту планету чаще всего — просто Третьей (по ее месту в планетной системе). Или — Голубой, что тоже понятно, не случайно же кое-кто требует называть ее Океаном.

Довольно часто инопланетяне — между прочим, снисходительно упрекающие обитателей Земли: «Даже свою собственную, общую для всех планету называют по-разному: «Земля», «Эрс», «Эрде», «Маа», «Терр», «Ту», «Арз» и так далее...» (А. Глебов. Большая день на планете Чунгр) — пытаются воспроизводить эти самоназвания, чаще всего — первое. И тогда появляются: Тземля, Си-ми-ля, Зема, Земейя, Зимайя, Земийя, Зьемлья, Землатл...

Целая группа названий (собственно, сюда входят и «Голубая», и «Океан») отражает какую-нибудь природную особенность нашей планеты либо иную из сторон жизни землян: Планета Закатов, Голубой Цветок, Синяя планета, Зеленая планета, Большая планета, Теплый мир, Земля Шести Континентов, Беспокойная планета, Планета Ускорителей, Звезда Надежды, Планета Добрых Людей, Планета Кулинаров, Планета Совершенства, Сонная планета. Прервем этот ряд названий — чтобы не включать в него и поистине страшное, напоминающее о судьбе Фаэтона: Планета Больных Камней Всецело солидарны с В. Молчановым (Пермь): «Нет, такого названия нам не надо!»

Вероятно, отдельное подразделение можно было бы сформировать из обозначений типа «Третьей»: 87-я, X-11, З-СУХ, Р 16/32, 73 С, Ф-187654; сюда должны бы примкнуть и музыкальное: Ля-оль-ми, и напротив абсолютного немзыкального: Кремний-кислород-алюминий-кислород-азот-кислород-водород-кислород.

И наконец, синонимы «из инопланетных языков»: Арбинада, Аума, Гедейя, Гоороя, Гро-оча, Дальта, Йоррт, Лерс, Лиа, Мауна, Обра, Омус, Руэлла, Тайк, Талцетл, Тот, Улла, Уна, Уэна, Фуна, Хи, Церо, Эйо, Эльма, Эрл, Эффа... Одни из них весьма благозвучны, другие — не очень. К этим «не очень» явно относится и вот такое: Жрпжйонсшсу...

Таковы обозначения нашей Земли в фантастике. Что же до злокозненной «Бородавки»... Мнение тех, чьи поиски были безуспешны, лучше всего выразил С. Хоменко, девятиклассник из Новочеркасска, предложивший в эпиграфы кусочек фразы: «...какие-то бородавки...» (Дж. К. Джером. Трое в лодке, не считая собаки). Но вообще-то рассказ М. Твена «Путешествие капитана Стормфида в рай» обнаружили довольно многие — почти половина отвечающих. А Ю. Зубакин (Коркино Челябинской области) нашел и упоминания об этом рассказе у других фантастов (В. Шефнер. Запоздалый стрелок; В. Михановский. Гостиница Сигма)...

3. «НИКТО НЕ ВИДЕЛ, КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ, НО, ОЧЕВИДНО, В КАКОЙ-ТО ОПРЕДЕЛЕННЫЙ МИГ МАМОНТ ГЛУБОКО ВЗДОХНУЛ, РАСПРАВИЛ СВОИ ЧЛЕНЫ, КОТОРЫЕ ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ БЫЛИ СКОВАНЫ МОРОЗОМ, ПОТЯНУЛСЯ, С БОЛЬШИМ УСИЛИЕМ ВСТАЛ НА НО-

ГИ, ПОШЕВЕЛИЛ УШАМИ, ВЗМАХНУЛ ХОБОТОМ И ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРИШЕЛ В СЕБЯ». ОТКУДА ЭТА ЦИТАТА! ПРИПОМНИТЕ ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ВСТРЕЧАХ ЗЕМЛЯН XX ВЕКА С МАМОНТАМИ.

Девочка лет пяти крикнула в восторге: «Мамонт! Мамонт! Саблезубый!»

В. Орлов. Альтист Данилов

Пожалуй, лишь в начале поисков наши читатели, обнаружив очередного мамонта, разделяли восторг девочки из эпиграфа: к моменту написания ответов кое-кто уже не без сочувствия вспоминал кибера, подсчитавшего, что «в старые времена — мамонты — свезено 5000 раз» обгрыбались в фантаске (А. Шалимов. Брефанид). Оставим на будущее богатейший этот материал; отметим лишь, что большая половина отвечающих припомнил рассказ В. Обручева «Происшествие в Нескучном саду», из которого взята приведенная в вопросе цитата. И очень коротко — о мамонтах музейных.

Оказалось почти общеизвестным, что мамонт в замороженном виде хранится в «ледяном музее» авантюриста Бэйли (А. Беляев. Продавец воздуха). Но искать этот музей совершенно необязательно: по словам В. Гуревича (Комсомольск-на-Амуре) для любого нашего современника существует другой, «самый что ни на есть реальный способ встречи с мамонтом. Для этого надо лишь побывать в Якутске — там стоит статуя мамонта перед зданием Института мерзлотоведения. Соответствующая иллюстрация есть в последнем томе последнего издания БСЭ — стр. 490». Подтверждаем: есть. Но сами в Якутск не поедем, поскольку — благодаря викторине-85 — в музее «Уральского следопыта» появился теперь пусть маленький, зато свой собственный мамонт. Вы видите его на снимке, а из вечной мерзлоты его извлекли, «оживили» и переслали в редакцию Т. и О. Колесовы (Саратов).

4. «— КТО ЖЕ ВЫ!

— СТРАННИКИ НЕ ПРАВДА ЛИ, КРАСИВОЕ, ЕМКОЕ СЛОВО! ИМ МОЖНО НАСЛАЖДАТЬСЯ, КАК КРАСИВОЙ СТИХОТВОРНОЙ СТРОФОЙ! СТРАННИКИ!» ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТИ СТРОКИ! КАКИЕ ДРУГИЕ СТРАННИКИ ВСТРЕЧАЛИСЬ ВАМ В НФ!

..Гуманоид поклонился и произнес:

— Привет вам, странники!

А. Тимергаалин. По дороге домой

Разные бывают странники — и, как выяснилось, несть им числа на страницах НФ: правдоискателям, путникам, бродягам, пилигримам, изгнанникам, пустынным, скитальцам, просто вольным путешественникам по времени и пространству, чаще — одиночкам, но иной раз — малыми или даже большим коллективам, вплоть до целых цивилизаций, живущих без постоянной прописки... Последуй мы духу вопроса — и пришлось бы нам засесть за обстоятельный труд, название для которого лучше всего позаимствовать у А. и Б. Стругацких: «О странствующих и путешествующих». Прибегнем к уловке: строго — в буквальном смысле! — придерживаясь буквы вопроса, перечислим найденных читателями Странников (с большой буквы).

Пожалуй, на сегодняшний день самые известные среди них — это формально до сих пор не встретившиеся читателю Странники, загадочная сверхцивилизация А. и Б. Стругацких, присутствующая «за кадром» во многих их повестях. «Возвращение (Полдень, XXII век)», «Попытка к бегству», «Стажеры», «Малыш», «Парень из преисподней», особенно же «Жук в муравейнике» и, по-видимому, «Волны гасят ветер» дают немало материала для характеристики таинственной цивилизации; у Ю. Зубакина, например, эта тема заняла семь страниц весьма убористого текста...

И из одиночных Странников самый известный — опять-таки у А. и Б. Стругацких: резидент Земли на другой планете, а впоследствии руководитель Комкона-2 Рудольф Сикорски, он же Экселенц, он же Странник, по журнальному варианту «Обитаемого острова» — он же Павел Григорьевич, а возможно — он же и «некий Карл-Людвиг, которого почему-то тоже называли Странником» (в повести «Малыш»).

О других Странниках. Притчу о Страннике, «без ничего» путеш-

вующем по космосу, читатели нашли в рассказе «Странник» и повести «Крутизна» П. Амнуэля, легенду о Космическом Страннике Эллино — в рассказе О. Николаева «Квартира чудес». Нашли читатели и «играющего в Странника» Поля Гнедых (А. и Б. Стругацкие. Полдень, XXII век), и Гэндальфа, которого Серебристым Странником называют лориэнцы (Д. Р. Р. Толкин. Хранители), и гиганта по имени Странник (Ю. Никитин. Великаны), и Солнечного Странника — обитающее в межзвездном пространстве разумное существо (А. Порджес. Ценный товар).

Следуя букве вопроса, мы должны упомянуть, что отыскивали читатели и пару (еще одну!) однофамильцев — Юрия Странникова и Юлия Странникова (В. Орлов. Альтист Данилов; О. Гурский. Звездная ветвь Прометеев), и еще одну пару, на этот раз космических кораблей с одинаковым названием «Странник» (Д. Маклафлин. Братья по разуму; Р. Янг. Звезды зовут, мистер Китс), и название Луны у фазтов — Небесная Странница (А. Казанцев. Фазты), и созвездие Ищущего Странника — на звездной карте марсиан (С. Жемайтис. Багряная планета). И наконец, привели список НФ произведений, в названиях которых фигурирует искомое слово (С. Абрамов. Странник; Г. Гор. Странник и время; Д. Лондон. Странник по звездам; и др.), вплоть до повести «Странники» — не фантастической, но зато написанной персонажем НФ (П. Амнуэль. Сегодня, завтра и всегда).

В конкретной же части вопроса речь идет о ловце редких животных Люци — почти две трети отвечающих нашли его в повести Ю. Тупицына «Красные журавли».

5. «НЕТ, — СКАЗАЛ КАРЕНИН, УСТРЕМИВ ВЗГЛЯД НА ГОРЫ, — ПОМОЕМО, ВЫ НЕДООЦЕНИВАЕТЕ, КАКИХ ВЫСОТ УЖЕ ДОСТИГ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ТЕ ПЕРВЫЕ ДЕКАДЫ ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ...» КАРЕНИН, ЖИВУЩИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ НАШЕГО СТОЛЕТИЯ! ОН ВАМ ИЗВЕСТЕН!

Знаком он вам!

И да, и нет...

А. Пушкин. Евгений Онегин

Почти три четверти участников викторины ответили на этот вопрос отрицательно, чем немало озадачили нас: неужели любители НФ в массе своей знают Герберта Уэллса только по сборникам избранных про-

изведений, выходящим часто и большими тиражами, но содержащим, как правило, лишь наиболее знаменитые его романы?

Известный философ и политический деятель, руководитель Комитета Образования, Марк Каренин в романе «Освобожденный мир» принадлежит к числу тех, кто, зорче других всматриваясь в будущее, предугадывает пути, по которым развиваться Объединенному Человечеству... «Освобожденный мир» не входит в обойму романов Уэллса, издаваемых, скажем, в обмен на макулатуру. Но ведь 15-томник знаменитого фантаста издан сравнительно недавно — в 1964 году; по нашим наблюдениям, пока что лишь немногие его тома списаны в библиотеках по причине зачитанности...

6. «Я ХОТЕЛА БЫ СТАТЬ АСТРАЛЬНОЙ ПЫЛЬЮ... ПРЕВРАТИТЬСЯ В АСТРАЛЬНУЮ СУБСТАНЦИЮ...» ОТКУДА ВЗЯТЫ ЭТИ СТРОКИ!

— Кем бы вы хотели стать!.. В каком образе вы бы обрели покой!

Василий Петрович подумав и сказал:

— Хочу быть звездной пылью...

О. Корабельников. Башня птиц

Кое-кому из читателей этот вопрос показался легким и неинтересным... Что ж, суммируем ответы В. Молчанова, Ю. Зубакина и нашей четверки из Саратова — и посмотрим: так ли это?

...К середине шестидесятых наша фантастика освободилась, наконец, от жестких «заземлений», установленных для нее подборщиками теории «ближнего прицела», и обрела поистине космическую масштабность. Но одновременно «космических» же размеров достигли в иных ее образцах неразборчивость в средствах, увлечение внешними эффектами, расхожесть персонажей и ситуаций. Количественный рост НФ (только в 1961 году у нас вышло свыше 60 новых книг, эта цифра не превзойдена и ныне) слишком явно опережал рост ее качества.

По сути дела, все путешествие небызывестного «м. н. с. А. Привалова» в описываемое будущее (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу), откуда и взята первая строка вопроса, представляет собою едкую пародию на те штампы, которыми услаба обрести наша НФ. «Самопрограммирующийся кибернетический робот на трегенных кваторах», угрожающий «расчленить» своего создателя, проект

«провертеть дыру сквозь землю», мальчики-«зайцы», прячущиеся в дюзах космических кораблей, рефрижераторы с замороженными невестами, «свирепый кибернетический диктатор», название звезды Эозлы — всему этому можно найти реальные параллели в тогдашней нашей фантастике. Не составляет исключения и «астральная пыль»: вторая строка вопроса взята из шумно знаменитой в то время «Гриады» А. Колпакова. Кстати, там же, в «Гриаде», можно найти и «Пантеон Бессмертия», в котором ждет возвращения героя его любимая... Подобные «холодильники», впрочем, встречались и в других НФ книгах. 10 000 лет прождала, например, в Институте Анабиоза героиня одной из повестей седьмого выпуска «Мира приключений». Более того, среди «спящих красавиц» — да здравствует равноправие! — попались изредка и «спящие красавцы». Один из них, Павел Дмитриевич Погодин, целый христа лет провел в анабиозе, поджидая жену из космического полета (Г. Гор. Странник и время)...

Даже осмеянные публично, штампы необычайно живучи — не так-то просто изгоняются они из литературы. Это, разумеется, относится и к фантастике. К примеру, и много позже героини нашей НФ порывались заснуть в ожидании героя, причем не только в юморесках. Но вот к «астральной пыли» относиться без иронии, по-видимому, невозможно и в наши дни, очевидным свидетельством тому — наш эскизграф...

ТРЕТИЙ ТУР

КТО ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРОМ:

- а) РОМАНА «ПЯТНА НА МАРСЕ»,
б) ДИССЕРТАЦИИ НА ТЕМУ «КОТ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ», в) ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ «ИСТОРИЯ КОСТЮМА ВЕКОВ ВОСХОДА»!

Кошка! Самая большая загадка здесь — кошка...

В. Райков. Возвращение профессора Корнелиуса

И все-таки — нет, не кошка... Читатели (в том числе и микроколлективы, для которых предназначался этот тур) легко определили автора романа — бесфамильного писателя Аркадия, выпустившего свою книгу ровно десять лет назад, в 1975 году (К. Булычев. Девочка, с которой ничего не случится). Труднее дался автор диссертации: на его роль могли пре-

тендовать слишком многие «усатые-полосатые» персонажи НФ, а стал... спаниель Аркадий (Г. Садовников. Пешком над облаками). Самым же засекреченным оказался третий... (вслед за иными из отвечающих, едва не написалось: Аркадий...) автор — студентка шестого курса Академии обслуживания Марина Нун из рассказа А. Балабухи «Пограничник», вошедшего и в его повесть «Люди кораблей».

— Узелок, — сказала Алиса. —
Позвольте, я помогу вам его развязать...

Л. Кэрролл.

Алиса в Стране Чудес

Вот и рассмотрены «под микроскопом» привычные уже для нас три сотни ответов. Среди них — и лаконичные, на двух-трех страничках, и развернутые до полнодневного трактата в двадцать, тридцать — и более! — страниц. Написанные от руки (замечим: не всегда, к сожалению, разборчиво) и перепечатанные на машинке: Холодно-регистрационные и с бьющими через край чувствами, спектр которых тоже достаточно широк — от восторгов в связи с поводом перечитать массу своей любимой-разлюбимой фантастики до язвительнейших, прямо скажем, замечаний в адрес и отдельных вопросов (упреков не избежал, пожалуй, ни один из них), и викторины в целом. Запомнилось письмо (его автор в викторине не участвовал), где предлагалось рубрику «Калейдоскоп» закрыть вообще, а взамен печатать побольше самой фантастики. И еще много чего запомнилось — и радостного, и не очень, и многое отложено нами для будущих страничек «Калейдоскопа» — любую критику в его адрес мы со вниманием выслушаем, однако закрывать его считаем нецелесообразным...

Для завершения обзора викторины-85 нам осталось немного.

Самыми неинтересными признаны второй вопрос первого тура и — по традиции — седьмой второго тура (1985-й год в фантастике). Самым интересным признан третий вопрос первого тура (37 голосов), а далее следуют четвертый вопрос второго тура (34 голоса), первый первого тура (32), шестой второго (28) и шестой же первого (27). Согласно условию, А. Загудаеву (Куйбышев) за вопрос о Леонардо да Винчи набавлен балл; снимать очки за неинтересные вопросы мы, поразмыслив, не стали.

О тайм-ауте. За одиннадцать лет наши викторины не могли не измениться. Однако менялись они

лишь в сторону усложнения. Понимая это, мы решили на будущий год от викторины воздержаться.

Давайте подумаем сообща: нужна ли она нам вообще? Журналу, читателям? И если нужна, то какая? Что в ней отбросить, что добавить, как сделать ее не только интереснее, но и доступнее?

Ждем ваших советов. Без вашей помощи этот «узелок» нам не развязать...

Рисунки А. Павленко (Рязань) и
С. Хоменко (Новочеркасск),
фото И. Горячева.

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-85

Согласно условиям (см. январский номер), победители викторины в целом — Т. и О. КОЛЕСОВЫ, Р. АРБИТМАН и В. КАЗАКОВ (Саратов, с учетом 5 очков за «мамонта» — 46,8 очка), В. ГУРЕВИЧ (Комсомольск-на-Амуре, 35,3), Ю. ЗУБАКИН (Коркино Челябинской области, 34,9), В. МОЛЧАНОВ (Пермь, 33,9), Г. ФАТЕЕВ (Лунга МССР, 33,4), А. и И. КАНИЩЕВЫ (Сумы, 33,1), Ю. КОВАЛЕВ (Баку, 32,1), Г. КАРПОВ (Баку, 31,8), С. БИТЮЦКИЙ, И. ПАВЛОВСКИЙ и В. РЫБКИН (Ростов-на-Дону, 27,4), А. БОРДЮГОВ, А. ХОРУЖЕВ и А. ЛЯПУСТИН (Новочеркасск, 25,6), а среди школьников — девятиклассник Сергей ХОМЕНКО (Новочеркасск, 17,7) и десятиклассник Эдуард БЕЛОВ (Москва, 17,1).

Победители первого тура (результаты второго тура при подсчете очков не учитывались) — В. ТАМБОВЦЕВ (Москва, 13,3), Б. РИФТИН и В. ВОРОБЬЕВ (Сумы — Полтава, 12,6), А. ЯКОВЛЕВ (Пермь, 12,5), В. ЗАБИРКО и А. СМИРНОВ (Донецк, 12,5), Д. ДАВИДЕНКО (Кишинев, 12,2), среди школьников — девятиклассница Рита ПЕТРЕНКО (Краснодар, 8,4) и восьмиклассник Сергей МОЛОДЦОВ (Миасс Челябинской области, 7,8).

Названным здесь читателям, а также участникам викторины, приславшим экспонаты для нашего музея, высылаются книги с автографами советских писателей-фантастов.

ЮНОСТЬ ДИШКУРЬЕРА

Виктор КЛОЧКОВ

Рисунки Е. Охотникова

Самодержец всея Руси гневался. Генерал святы Трепов, опытный царедворец, безошибочно определил это по легкому подрагиванию рыжеватых усов, по прищурю глаз.

— Я прочитал ваш доклад, Дмитрий Федорович, — негромко начал царь. — Из вашего доклада видно, что господа социалисты уже устраивают бомбистские лаборатории. И где? В Пермь... Этак они вскоре и целые заводы заведут! Кстати, откуда они берут динамит?

— Почтительно замечу, ваше императорское величество, — осторожно сказал Трепов, — на Урале много шахт, а взрывчатка применяется при горных работах...

— В Петербурге шахт нет и потому подобные лаборатории невозможны, так? — язвительно произнес Николай II и передернул плечами будто от холода, вспоминая о членах царствующей фамилии, погибших от бомб революционеров.

Трепов побагровел лицом и заверил со всей внушительностью:

— Душам в зародыше малейшие попытки, ваше императорское величество... — И про себя решил взять под личный контроль дело о бомбистской уральской лаборатории.

...Что же произошло в Перми, если государева уха коснулось это дело и вызвало такое беспокойство последнего из Романовых?

Вои что говорят строки полицейского протокола. «В ночь на 31 октября в квартире у фельдшерницы Худяковой произошли один за другим два взрыва, коими тяжело ранена сама квартирохозяйка Худякова и легко ранен в ногу конторщик местной железнодорожной линии Войшвилло. Произведенным немедленным осмотром места происшествия в коридоре означенной квартиры на полу обнаружен 37-миллиметровый снаряд Гочкиса, приспособленный для метания в виде ручной бомбы и с взрывной частью дна; в нижней части дома обнаружены три 57-миллиметровые пустые гранаты и два цилиндрических металлических снаряда, приспособленные для метания; один из снарядов оказался со следами взрыва, другой же, наполненный взрывчатым веществом, — вполне снаряженным. Последняя бомба была взорвана на полигоне при пермских пушечных заводах и, по объяснению эксперта, действие означенного снаряда, брошенного рукою на землю, было бы смертельно для окружающих на расстоянии до 40 сажень».

Из-за темноты Владимир Урасов слишком поздно заметил у дома номер шестнадцать по улице Безыменской толпу людей, сдерживаемую солдатами. Вероятно, заметили и его; поворачивать назад нельзя — запоздуют. Он перехватил покрепче корзинку со снарядами корзусами, которые нес с Мотовилихи в подпольную лабораторию, и с видом праздного зеваки шагнул в самую гущу толпы.

— Слышь-ка, братцы, — басил, широко раскрывая рот, чернородый мужик в нагольном полушубке, — бают, у этой фельдшерницы цельный склад бомб открыли! Супротив царя-баюшки... Потому и кара-молния божья в фельдшерницу с неба пущена...

— Мели, Емеля, — зло перебил голос за спиной Урасова, — на тебя бы, прихлебателя, кару эту!..

— Я чё, я ничё... — забеспокоился нагольный полушубок...

— Не поворачивайся, стой, как есть, — негромко сказал кто-то рядом с Владимиром. — Жандармы всё «накрыли». А попал к ним только Войшвилло с «железки», больше никто.. Скажи Клавдичке, она передаст, кому надо. Я тут пошукаю еще...

...Через сиделку Александровской больницы Владимир вызвал с дежурства Клавдичку Кирсанову и рассказал ей о провале бомбистской лаборатории. По заданию Пермского комитета РСДРП Клавдия занималась санитарным обеспечением будущих баррикадных боев. Александровская больница, куда она поступила под видом слушательницы высших женских медицинских курсов, была выбрана из-за главного врача, черносотенца Попова — персонал ее не вызывал никаких подозрений у полиции.

Клавдичка Кирсанова была лишь на полтора года старше Владимира. Несмотря на юный свой возраст, она была членом РСДРП, не одно задание комитета выполнила. Она и привлекла Владимира Урасова к революционной работе, рекомендовала в социал-демократический кружок. А было ему пятнадцать с половиной лет...

Под флагом обеспечения организующейся рабочей милиции население Мотовилихи облагалось налогом по пяти копеек с человека. Эти собранные деньги должны были пойти на приобретение оружия.

Чековую книжку с отрывными талонами Владимир Урасов получил у товарища Смородина по кличке «Богомаз», который определил также сектор Мотовилихи, в котором ему предстояло собирать деньги.

Владимир был высок и крепок не по годам, но возраст его выдавали безмятежно-голубые глаза и полная беззащитность. Боясь, что его примут за мальчишку и денег не дадут, он пригласил себе в пару Сашу Трофимова. Трофимов и старше был на три года, жил на Мотовилихе и уважением пользовался даже у пожилых рабочих.

В первом доме, куда они зашли, вся семья была в сборе по случаю воскресенья. Хозяин, сумрачный мужик лет сорока, сидел на лавке и подшивал валенки. С печки при появлении гостей свесились детские головки и тут же, встретив грозный взгляд матери, исчезли за занавеской.

— Доброго здоровьичка, дядь Федор, — поздоровались парни.

— Доброго, доброго... — отозвался хозяин.

— Здравствуй, тетка Матрена. Слыхали насчет самообложенья?

Хозяин, не отрываясь от своего занятия, глянул коротко и искося:

— Слыхали... Пустое всё это.

— Как это?..— растерялся Володя.

— Сколь бунтовали, и что толку? — хмуро сказал хозяин.— Пугач вон какую силу собирал... Вы на деньги чего собираетесь покупать? Револьверты?.. А что эта пшикалка против пушки? Ничто...

— У нас и бомбы есть,— тихо ответил Владимир.

— Ты, дядька Федор,— потемнел лицом Трофимов,— помнишь, как на Вышке летом казаки зарубили Луку Борчанинова? Того хочешь? Чтоб опять донцы пощекотали нам ребра, да?

— Мы у себя в цехе тоже кинжалы да трости железные куем,— выпрямился хозяин,— только сомнения меня берут...

— Даешь ты или нет? — в лоб спросил Трофимов.

— Да я разве против? Я как все... Сколь насчитали-то с меня?

— С человека по пять копеек.

— Неужто и с робытишек берете? — всплеснула руками хозяйка.

— У твоих робытишек жизнь лучше твоей будет, тетка Матрена. За то будущее и деремся!

Получив талончики на всю семью, хозяин повертел их в руках и затем вернул обратно:

— На что они мне? Найдут — беды не оберешься...

Встречали по-разному, но деньги давали в каждом доме, кое-где даже больше, чем по пять копеек. И когда они заканчивали обход своего участка, Володя толкнул в бок своего приятеля:

— Глянь-ко, Саш, кажись, за нами пшик увязался... — и указал на плотного субъекта явно не рабочей наружности, идущего за ними поодаль.— Надо б валомать ему бока...

— Нельзя... — с сожалением сказал Трофимов.— Они сейчас пуганые и поодиночке не ходят. Опять же — при нас деньги!

Чтобы сбить слезку, они зашли по дороге в церковь. В церкви к ним приблизился служка с большим подносом. Володя заговорщицки глянул на товарища и выложил на поднос, поверх денег, чековую книжку с оставшимися талончиками. Они еще потолкались и напелись уходить вместе с народом, когда тот же служка, но уже без подноса, сказал, что с ними хочет поговорить отец Сергей.

В притворе навстречу им поднялся не снявший парадного облачения священник.

— Богоугодным делом заняты, юноши,— рокочущим басом произнес он.— В свое время гражданин Минин тоже собирал деньги на ополчение. Примите и мой скромный дар... — С этими словами он протянул ошарашенным парням поднос с деньгами.

«Фигура священника Сергея весьма любопытна,— написано в книге А. Баранова «1905 год на Урале», которая вышла в 1929 году.— Он не только под красными знаменами служил молебны за политических, но и производил в пользу революционеров сборы в своей церкви. Между прочим, был и такой случай, что собранная им крупная сумма была передана организации и пошла на закупку оружия.»

Александр Иванович с нетерпением ждал возвращения сына, чтобы приняться за дрова. Но сын появился на несколько минут и тут же заторопился из дому.

— Ты куда, Володька? — удивленно спросил отец.— А дрова кто будет пилить?

— Сегодня, батя, не могу. Зарез... Давай, батя, завтра. Владимир посмотрел в начавшие выцветать, такие.

же, как у него, глаза отца, и ему до боли стало жалко его. Но что поделаешь? Он действительно должен был идти, и раскрыть истинную причину отцу не мог. Перед глазами его, словно на бумаге, стояли строчки из «Устава боевых дружин», которые он знал наизусть: «Каждый дружинник обязан подчиняться следующему: а) в строгой тайне хранить все дела боевых дружин; б) являться на занятия, не считаясь ни с какими личными обязанностями; в) содержать в чистоте и сохранности оружие и боевые припасы; г) точно исполнять приказания...»

На сегодня как раз было намечено занятие боевой дружины в долине речки Егошихи, в одном из глухих оврагов.

Занятие с дружиной на этот раз проводил Александр Лбов. Выросший на Мотовилихе, настоящая «рабочая косточка», он пользовался большим уважением за свое неумемое стремление к справедливости, славился и как один из лучших кулачных бойцов — о его смелости ходили легенды. Позже, когда начались вооруженные выступления, он возглавил рабочих, вывезших на тачке с завода ненавистного всем управляющего Сепайна. А 18 октября, когда шли к губернской тюрьме освобождать заключенных, то впереди был Лбов с красным знаменем. Отважный был человек Александр Лбов.

Лбов стоял перед строем дружинников. Высокий, подтянутый, с иссиня-черными волосами, крупными кольцами выбивающимися из-под шапки, с пронзительным взглядом — от него так и веяло несокрушимостью. Только вот почему-то, в отличие от других, одетых довольно легко по случаю потепления, Лбов был в валенках, теплом пальто...

— Чего это он? — Урасов шепотом спросил стоящего рядом друга своего Сашку Трофимова, но Лбов услышал. И спокойно, вслух объяснил, что во время службы его постоянно ставили часовым на башне Петропавловской крепости, продуваемой всеми морскими ветрами, и с тех пор одолевает его ревматизм.

Мишенью служил небольшой щит из досок, прислоненный к стенке оврага. Перед началом стрельбы Лбов дал несколько практических советов: «Долго не целиться! Рука устанет...», «В момент выстрела — замри и не дыши», «Стреляй так, будто перед тобой классовый враг!».

От группы девчат, членов санитарного отряда, отошла Клавдичка Кирсанова и сказала Лбову:

— Александр Михайлович, нам тоже надо потренироваться в перевязке раненых...

— Да бери любого, Клавдичка. Вон хоть Володьку...

Урасов с завистью прислушивался к выстрелам и подставлял бинтовать то руку, то голову... От нечего делать бормотал себе под нос стихи.

— Мы что-нибудь не так делаем? — забеспокоилась Клавдичка, услышав его бормотание.

— Да это я так... — смутился он. — Стихи читаю.

— Что за стихи?

— Миши Туркина.

— Опять ты нарушаешь конспирацию, Володька, — выговорила она ему. — Не Туркина, а Тратотона. Читай вслух!

— «Тяжелым сном окутана Отчизна дорогая, и мрака пеленой окутана она. Но близок час! Идет уж жизнь другая, разбудит нас она от векового сна!..»

Урасова окликнули — пришла его очередь стрелять. Он как был, перебинтованный, так и прибежал, вызвав своим видом веселый смех у дружинников. Один Лбов не смеялся:

— Неплохая маскировка... Нам бы еще гриму обучиться!

— Это что, как девки, румяна на щеки накладывать да брови сурьмить? — изумился кто-то.

— Видать, не все еще понимают, что значит быть настоящим дружинником... — сказал Лбов. — Каждый из вас должен уметь управлять лошадьми, паровозом, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтоб без шума убрать с дороги помеху, обладать ловкостью, проворством. И — обязательно — уметь гримироваться и менять внешность!..

Листовки вовсю ходили по Перми.

«Организуйтесь, товарищи рабочие и граждане, под знаменем Российской социал-демократической партии! Организуйтесь и вооружайтесь! Приобретайте оружие, давайте денег на вооружение, входите в боевые дружины партии! Борьба за политическую свободу России вступает в самый решающий момент. Будьте готовы к кровавому бою за свободу! Свобода или смерть! К оружию, граждане!.. Да здравствует вооруженное восстание!»

Владимир Урасов надел праздничную рубашку, плисовые штаны, приладил к груди красный бант и, полюбившись на себя в осколок зеркала, вытащил из-под подушки револьвер. И в этот момент в комнату зашел отец. Увидев в руках сына оружие, Александр Иванович поблелел и с испугом сказал:

— Ты что это удумал, Володька? Это ж тебе не игрушка!.. Дай сюда, я спрячу.

— Попрытались, батя, будет! Теперь враги трудового народа пускай прячутся! Запомни, батя, этот день — 12 декабря 1905 года — сегодня занимается заря нашей жизни, рабочей!..

Александр Иванович обессиленно опустился на стул:

— Сколь вас таких? Ты да дружок твой, Сашка Трофимов... У них же, Володька, — солдаты, полиция!..

— Солдаты, батя, это те же рабочие и крестьяне.

Пусть Владимира Урасова лежал на судомеханический завод братьев Каменских. По заданию комитета он вместе с другими товарищами должен был остановить работу на этом предприятии, а затем пойти на завод Любимовой.

Мастера и хозяйские прихлебатели, чувствуя обстановку, на работу не вышли, и без них все пошло без сучка и задоринки. Огласили призыв Пермского комитета РСДРП к оружию. Единственный вопрос задавали рабочие: когда начинать? «Ждите сигнала», — отвечали им.

С пермского Невского проспекта — Сибирской улицы — исчезли беспечно фланирующие парочки, щеголеватые офицеры, нарядные экипажи. Пермь — купеческая, фабрикантская, чиновная — принадлежала в этот день рабочему люду. В разных местах вспыхивали митинги. Над улицами грозно шлыла песня: «Отречемся от старого мира...» Люди, не стесняясь, плакали, смеялись, деловали незнакомых...

Владимир Урасов без устали носился по городу: разужал городских, передавал указания комитета. Побывал и на Мотовилихе, встретил там Клавдичку.

— Наша берет, а?! — сияя глазами, сказал он ей. — Всю Мотовилиху пробежал — ни одного полицейского не встретил, попрытались, крысы!.. Слабо им против наших боевиков!..

Клавдия торопилась:

— Ой, Володя, дружинники уже на позициях, а у меня вся медицина тут... — показала на объемистый саквояж.

— До встречи в новой России, Клавдичка! — прокричал ей вслед Владимир.

Но 13 декабря в городе появились солдаты. Серые шинели заполонили улицы. По мостовым гарцевали ингуши в мохнатых шапках, свирепо косясь на прохожих.

Глухими переулками Владимир Урасов пробрался к дому, где заседал комитет. Между комитетчиками шел жаркий спор.

— Что могут сделать наши 60—70 дружинников против такой массы войск? Выводить народ на улицу — значит, обрекать его на заведомую гибель...

— А как же мотовилихинцы? Ведь они уже на баррикадах!

— Да, Мотовилиха... Сегодня туда ушли три роты солдат и сотня казаков...

— Нужно решать с оружием, — решительно заявил незнакомый Урасову комитетчик с бородкой клинышком. — Мы обязаны сохранить его во что бы то ни стало.

— Оружие и взрывчатку можно спрятать у меня, — негромко произнес Владимир.

...Дома, в амбаре, он с ожесточением долбил мерзлую землю, готовя траншею под оружие и динамит. Он уже знал, как героически сражались дружинники Мотовилихи, как убили солдаты знакомого ему шестнадцатилетнего парня Ваню Норова, как пала последняя баррикада на Висиме, а ее защитники во главе с Лбовым ушли в лес...

— Врешь, не пройдешь... — шептал он и яростно орудовал ломом, слизывая соленые слезы.

— Что, сынок, горько?

— Ты что, батя? — не оборачиваясь к подошедшему отцу, сказал он. — Это я так, яму для соленья-варенья готовлю...

— Бомбы из этого соленья-варенья делают, — пробурчал отец и стал лопатой выгребать землю из ямы.

«Будем помнить, что близится великая массовая борьба, — писал в те дни Ленин. — Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, одновременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти

должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное: нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войск будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе»¹.

— Эй, дядя!..

Приземистый мужчина, по одежде мастеровой, завертел головой, не понимая, откуда взялся этот парень в пиджаке внакидку и в широкополой «горьковской» шляпе.

Владимир Урасов, а это был он, находился в передовом пикете и направлял рабочих к месту митинга. Не дождавшись опознавательных слов, он шагнул к незнакомцу.

— Ты чего здесь шлендаешь?

— Я... это... По лесочку побродить...

— Вали отсюда. Я здесь девушку свою жду, лишние мне ни к чему.

Тот покосился на увесистые кулаки и скользнул в сторону.

Последним прошел товарищ Андрей, сопровождаемый «Матросом» — такая кличка была у начальника боевой патрульной дружины Жорова. «Матрос», проходя, сказал:

— Чутко погода, Володь, и сам иди на собрание.

Когда Владимир появился на поляне, заполненной рабочими, слово взял товарищ Андрей. Владимир заметил у деревьев группу «лбовцев» и больше уже ни на что не обращал внимания, захваченный речью человека, которого потом вся страна будет знать как Свердлова. Говорил он о главном, о наблевшем: о причинах поражения

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 13, стр. 377.

ния декабрьского вооруженного выступления, о вооружении всего народа, а не только сотен дружинников, об усилении работы в войсках, необходимости заниматься боевой техникой восстания — нового вооруженного восстания...

— Тревога, полиция!.. — прибежал с известием патрульный.

По команде Лбова дружинники с оружием в руках рассыпались по лесу цепью, давая возможность уйти другим. Выхватив револьвер, Урасов бросился туда же.

— Вернись, Володя! — услышал он голос «Матроса».

— Отходим организованно, товарищи, — гремел над поляной мощный бас товарища Андрея. — Встретимся через две версты отсюда.

— Будешь сопровождать товарища Андрея, — сказал Урасов «Матрос». — Отвечаешь за него головой!

— Володя — боевик? — спросил товарищ Андрей. — Слышал о нем. Партиец?

— Очень хочу, да по возрасту не принимают. Шестнадцатилетнему мне нету...

— Это ты, я думаю, справишься со временем, — улыбнулся товарищ Андрей.

Очень скоро после этого разговора стал Владимир Урасов членом РСДРП — в неполных шестнадцать лет.

— Слышал, Володя, — сказала Клавдичка, — нашим грозим товарищам в тюрьме грозит смертная казнь...

Как ему было не слышать — среди этих троих был его закадычный дружок Саша Трофимов... Им была поручена экспроприация, но из-за предательства они пали в засаду. Был убит рабочий Мотовилихинского завода Обухов, трое угодили в лапы полиции, и теперь их ждет виселица.

— Из тюрьмы записка передана от товарища Андрея, — продолжала Клавдичка. — Освободить их надо. Тебе, Володя, поручается сделать пять фитильных бомб с бикфордовым шнуром и заготовить веревочную лестницу аршин на десять. Нападение на тюрьму будет во время дежурства Яна Суханека...

Суханека Владимир знал, он был руководителем ячейки революционных солдат в Ирбитском батальоне, и частенько Урасов передавал ему листовки и другую революционную литературу.

— Надо встретиться со Лбовым. Он поможет...

Когда Клавдия собралась уходить, Владимир задержал ее и, хитро улыбувшись, достал полицейский «смит-вессон» в кобуре.

— Откуда он у тебя? — изумилась она.

— Помнишь, ты приносила мне снотворное? Ну, еще говорили, что в табак его можно подмешать? Вот, начинил им папиросы и угостил вечером Еропкина. Ну, знаешь, городской, который стоит на Большой Ямской...

Они пошли вместе, впереди — Клавдия, за ней — Владимир. Пересекали пустырь артиллерийского полигона, потом вышли на скованную льдом Гайву. В лесу, отыскав под снегом малинник, двинулись от него по тропинке вглубь. Они не разговаривали. В ночном лесу стояла торжественная тишина, и потому особенно оглушительно прозвучал окрик: «Стойте! Кто идет?».

— Хороший дозор у Лбова, — похвалила Клавдия.

— Еще бы! — отозвался Урасов. — Старшим унтер-офицером служил все-таки!

Их провели в землянку. При виде гостей с высоких нар к грубосколоченному столу потянулись дружинники. При тусклом свете коптелки Владимир сумел разглядеть лишь близко стоявших к нему. Некоторых из них — «Сибиряка», «Ваню Питерского», «Грома», «Фому» — он знал по совместным операциям.

— Здравствуй, Клавдичка! — весело проговорил Лбов. — О, и Володя-боевик здесь! Кто не знает, мужики, — знакомьтесь. Я его однажды на явку в слободу вызвал, надо было забрать у него взрывчатку. Так он мне отрезал: «Без решения комитета не могу», и точка... Во, кремень парень, а? А что, Володька, переходил бы ты к нам?

— Пока не об этом речь, — вступила Клавдичка. — Нужно, Александр Михайлович, из тюрьмы освободить трех наших товарищей, иначе их смерть ждет.

— Что такое тюрьма?! Мелочь... — продолжал шутить Лбов.

— Александр Михайлович... — укоризненно сказала Клавдичка.

— Да ты погоди, Клавдия! Я точно говорю — мелочь. Тут у нас зародился план захвата всей Перми! Доложила комитету. Тогда о нас и в Петербурге заговорят!

...О Лбове действительно говорили позже — не только на Урале. И в Петербурге тоже...

«Товарищи и граждане! Подходит час, когда вы должны будете сказать, кому доверяете вы защиту ваших интересов...

Ясно одно: что нельзя голосовать за людей, которые добиваются, чтобы порядки в России оставались такие, какие они теперь...

Полное народовластие вместо царских башибузуков, всенародное Учредительное собрание вместо безвластной Думы — вот чего будут добиваться представители рабочей партии...»

Ощущая за пазухой тугую тяжесть листовок, Владимир Урасов положил на проволочную сетку перед собой программку и глянул вниз. Трехъярусный городской театр был заполнен до отказа. Давали пьесу местного автора «Черные вороны». В этой пьесе в образе красавца-сыщика, без труда раскрывающего самые загадочные преступления, перьями мгновенно узнали зятя губернатора, бравого ротмистра Самойленко. Вон, кстати, и сам «сочинитель» сидит голым в губернаторской ложе, поглядывая на жеманившихся дочерей миллионера Грибушина.

А в пятом году «сочинитель» здесь же, в театре, с красным бантом, говорил пламенные речи о свободе... Теперь, небось, рад, что сподобился быть с самим губернатором рядом. Из-за его дрянной пьески Володе с Клавдичкой пришлось топтаться несколько часов на снегу в очереди за билетами.

И все-таки не зря они пришли сюда. Владимир с удовлетворением оглядел переполненный зал.

Будто почувствовал Володин взгляд, Клавдичка, сидевшая во втором ряду кресел бельэтажа, посмотрела на галерку.

«Все нормально, Клавдичка», — мысленно сказал ей Владимир и тайком глянул на своих товарищей — Фирюлева, Жорова и Левина.

Полоз парусиновый занавес с рекламными надписями «Посетайте пермский Мюръ и Мерилизь Агафурова!», «Пользуйтесь пароходами братьев Каменских!». Начала гаснуть хрустальная люстра под потолком. И тут сверху белыми голубками полетели листовки...

— Вот этот бросал! — заверещал старичок-капельдиднер, когда зажгли свет.

Урасова схватили за руки, вывернули карманы, и на пол упала листовка, которую он оставил для кружка водников.

Так произошел первый арест Владимира Урасова. Больше всего он тогда переживал из-за того, что так и не смог принять участие в освобождении товарищей из тюрьмы...

Владимир Урасов в полной мере изведal обыски, аресты, ссылки.

Из якутской ссылки его освободили в 1913 году. По совету Емельяна Ярославского — Урасов подружился с ним в ссылке — он идет на службу в царскую армию. Во время ожесточенных боев на Волыни попадает в австро-венгерский плен. В лагере для военнопленных Урасов называется аптекарем, его отправляют в Будапешт на галеновую фабрику.

К тому времени разваливается империя Габсбургов, и к власти в Венгрии приходит буржуазия. Из Советской России возвращается Бела Кун. Урасов, встретившись с ним, обращает внимание на то, что Бела Кун изъясняется по-русски с уральским выговором. Поскольку Бела Кун сражался на уральской земле за власть Советов, у них находится много общих знакомых — участников революции 1905 года.

Вместе с другими членами Будапештской группы РКП(б) «Орос» (русский) — так звали Урасова в Венгрии — активно помогает в создании Венгерской Коммунистической партии. Ему поручается наладить выпуск центрального органа партии «Вёрёш уйшаг» — «Красной газеты».

В Венгрии ему особенно пригодился опыт классовых боев, приобретенный во время первой русской революции. Снова, как в Перми, где он дружинником защищал большевистских ораторов от черносотенцев, Урасов охраняет Бела Куна и других руководителей партии на митингах.

Когда в стране складывается тревожная обстановка, Урасова вызывают в ЦК — там Бела Кун вручает ему мандат на шелке и послание к Ленину на папиросной бумаге с информацией о положении в Венгрии.

В сопровождении венгерского коммуниста Лайоша Немети, с большими трудностями Владимир Урасов в конце декабря 1918 года добирается до Москвы. Его принимает Ленин. Он рассказывает вожде российского пролетариата о создании Будапештского Совета рабочих депутатов, о Венгерской компартии.

В марте 1919 года в Советскую Россию приходит известие об аресте Бела Куна и репрессиях против революционеров. В. И. Ленин принимает решение послать Урасова обратно в Венгрию. С собой он везет рекомендацию Ленина, какой линии придерживаться Венгерской компартии в сложившихся условиях.

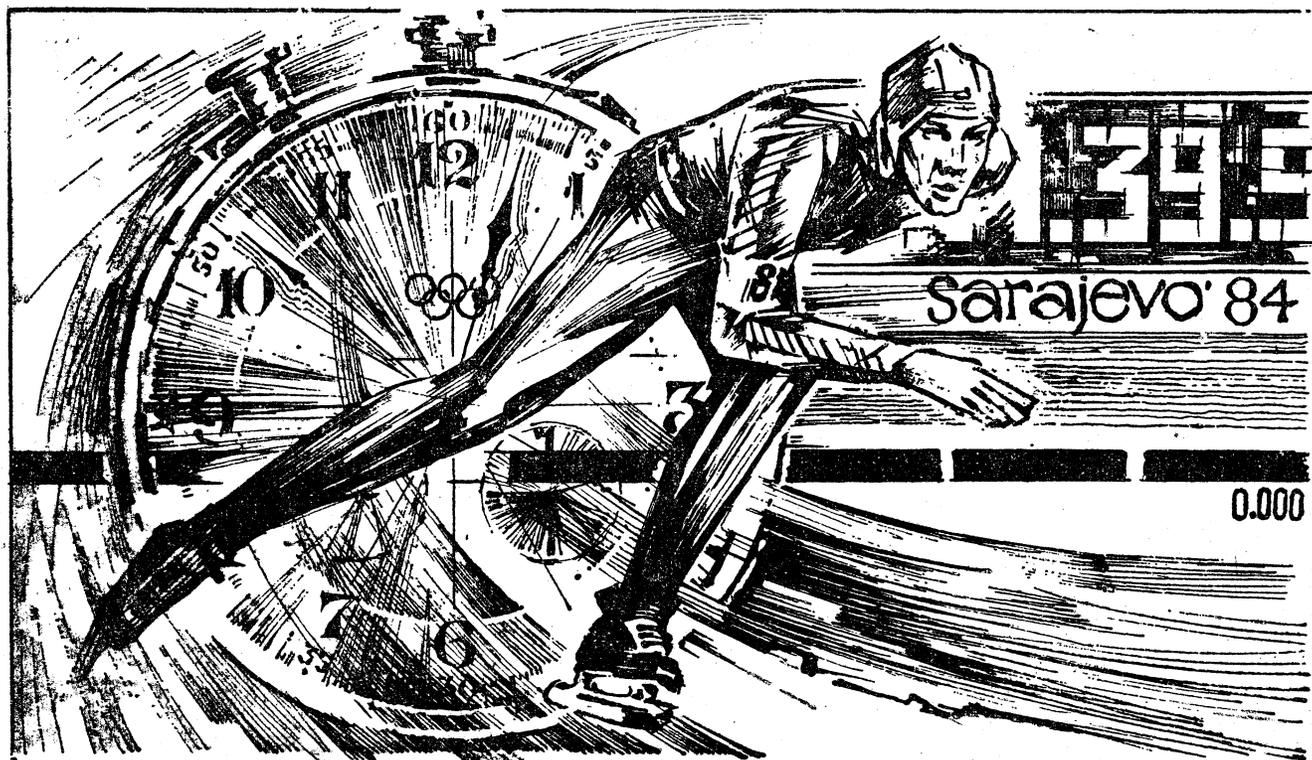
Чудом уйдя от расстрела у петлюровцев, Урасов 21 марта 1919 года прибывает в Венгрию. Здесь его встречает революция. Бела Кун снова хочет послать его в Москву — с просьбой к Ленину о поддержке молодой республики Советов. Но Урасова на несколько месяцев свалил сыпной тиф.

После поражения революции Урасов одним из последних уходит на территорию Австрии. Здесь он получает задание ЦК Венгерской компартии доставить письмо Бела Куна Ленину.

И вновь Владимир Урасов отправляется в путь. С испанским паспортом через Прагу, Дрезден, Кенигсберг, Ригу он пробирается в Эстонию. И отсюда уезжает в Россию в одном купе с дикпурьером Теодором Нетте. Впоследствии именно Нетте рекомендовал Владимира Урасова на работу дипломатического курьера.

Начиная с 1921 года Владимир Урасов почти двадцать лет работал дикпурьером. Он объездил чуть не все страны Западной Европы, побывал в Турции, Китае...

За свои революционные заслуги и трудовую деятельность Владимир Александрович Урасов удостоен орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, а также отмечен наградами ВНР — медалью «Советская республика» и орденом Труда золотой степени.

Владлен КОЗИНЕЦ
Рисунки С. Банных

ОЛИМПИЙЦЫ

Могло, могло случиться так, что в конькобежном спорте и не услышали бы имени Игоря Малкова. Ведь до него из Первоуральска на международный уровень не вышел ни один скороход.

Если бы не Демин...

Могло не получиться и такого биатлониста, как Кашкаров. В Ханты-Мансийске, родном городе Юрия, об этом виде спорта толком никто ничего не слышал.

Если бы не Пугров...

Тренеры воплощаются в учениках. Спортсмены вырастают из их воли и ума, эрудиции и таланта. На сужом языке спорта все это определяется одним словом — «квалификация». Поэтому наш рассказ — и о тренерах, и о спортсменах.

...Сезон послеолимпийский. Особая это тема для журналистского исследования. Олимпийцы в этот период, практически все, переходят в новое качество. Очень удобно, своевременно даже совершить итоговое выступление — попрощаться со всеми, кто был причастен к

твоей спортивной судьбе, с болельщиками. Или — отдохнуть, годик не выступать — это тоже все поймут правильно, многие именно так и делают. В послеолимпийский сезон можно попробовать сменить амплуа, скажем, из стайера перейти в многоборцы, «перешагнуть» в другую весовую категорию, даже рискнуть испытать себя в другом виде спорта. (Садился же Э. Хайден на велосипед, да и с великим ледовым скороходом прошлого Е. Гришиным подобное случалось. А Ф. Ульрих, например, выступает сейчас небезуспешно за сборную ГДР по лыжным гонкам — никогда раньше не случилось ничего подобного с биатлонистами.)

Есть и еще один путь, самый трудный — найти в себе возможность наращивания достигнутого, это то самое новое качество, цена которому — сверхзолотая. Герои нашего рассказа — олимпийские чемпионы Игорь Малков и Юрий Кашкаров, олимпийские герои Сараево — не стали исключением из правила. Малков не выиграл послеолимпийской зимой ни одного старта. Демин рад бы дать ему годик отдыха — ведь зима-84 прошла под знаком максимальных скоростей, — да интересы сборной страны

не позволили. Попробовал себя Игорь в многоборье — не очень-то получилось. Однако давайте помнить: парню всего-то двадцать лет, гражданская, спортивная, мужская зрелость — все у него впереди.

Кашкаров же, напротив, к званию олимпийского чемпиона в эстафете добавил две медали высшей пробы на чемпионате мира в Рупольдинге (ФРГ), причем «золото» на дистанции 20 километров он вернул советскому биатлону 12 лет спустя после победы А. Тихонова. Да и быстрее часа никто эту дистанцию до Кашкарова не бегал.

Тысячи и тысячи юношей и девушек занимаются спортом на Среднем Урале. И работают с ними талантливейшие педагоги. Именно в такой творческой атмосфере рождаются олимпийские победы, равным которым по значимости в спорте нет. Вспомним же сегодня, как пришли они к нашим уральским парням...

ДЕМИН И МАЛКОВ

Отец Альберта Андреевича Демина был военным. За 10 лет учебы сын сменил 16 школ...

К концу службы полковник Демина попросился на родину, на Урал — это была его первая просьба за 25 лет.

Привыкший жить в семье, где всего скарба — на два чемодана, а на самые долгие сборы — полсутки, Демина-младший еще в детстве научился все делать своими руками. Больше того — скажу без преувеличения, Демина относится к той редкой сейчас породе людей, которым дано уметь все. И в сборной страны, где Альберт Андреевич работает с 1975 года, он делает все сам. Перешить ботинки и подогнать их так, чтобы они без морщинок облегли ногу конькобежца, переклепать и наточить коньки, да что там наточить — отшлифовать, отюстировать поверхность полоза до высшего класса точности, — все может. После «пятерки» в Сараево, где Малков проиграл Т. Густафсону 0,02 секунды, Демина три дня корпел над «викингами» Игоря; как потом выяснилось, отработал поверхность до 12 класса точности, и Малков отыграл на «десятке» у шведа 0,05 секунды. В переводе на длину — около 530 миллиметров. Для сравнения — длина конька Малкова 425 миллиметров. Может Демина залить идеальный лед на обычном, всем ветрам открытом стадионе и заставить учеников бежать без скидок на погоду, по результатам близким к рекордным.

Не избалованные чрезмерными «сборами» на высокогорье, ученики Демина одинаково устойчиво чувствуют себя в дождь и в снег, в шквальный ветер. Отнюдь не при самых благоприятных условиях выиграла «серебро» в спринте на киевской дорожке в марте олимпийского года (первенство страны среди юниорок) Т. Жукова. Ее милое личико встречает вас при входе в павильон на стадионе. Стены — в трещинах, пол ходуном ходит, ни занавесок, ни кафеля с пластиком, а фото лучших учеников секции — качественно, любовно выполненные — на видном месте. (Ремонт, строительство — дело спортклуба; поднять боевой дух, воздать должное — тренерский долг.) Рядом с Таниным портретом — фотография мастера спорта международного класса Е. Маринченко, мастеров спорта — рекордсменки СССР среди юниорок в беге на 1000 метров М. Лебедевой, члена сборной молодежной страны 1980—1981 гг. И. Киселевой, призеров абсолютного первенства Центрального Совета ДСО «Труд» С. Храмова и С. Пересторонина. Это — уровень школы Демина.

Но все это будет потом, когда Демина придет в Свердловск, в коллектив физкультуры производственного объе-

динения «Уральский турбомоторный завод имени К. Е. Ворошилова».

А пока Демина-отец, выйдя в отставку, обосновывается в Богдановиче. Сын после окончания факультета физвоспитания Хабаровского педагогического института приезжает туда же. Вскоре в Богдановиче коньки стали спортом номер один. Так бывает, когда в небольшом городке появляется энтузиаст.

И пошли, пошли с легкой руки Демина разрядники, а ведь до него о Богдановиче в конькобежном мире и не слышали. Спустя несколько лет один из его учеников, уже к тому времени ленинградец (отток талантов в спорте с Урала в сторону столичных и омываемых теплыми морями центров никогда слабым не был), становится олимпийским чемпионом 1976 года на «пятисотке» — я говорю о Е. Куликове. Нравственные принципы, заложенные на льду Богдановича, у этого парня оказались прочными. И он, называя своего последнего тренера, не забыл и первого, да не только не забыл, а и предложил (к предложениям олимпийских чемпионов прислушиваются) по достоинству отметить труд первого наставника.

Так Демина стал первым в стране заслуженным тренером республики «за подготовку будущего олимпийского чемпиона». А спустя восемь лет, когда Малков стал олимпийским чемпионом, они вместе с Деминым не забыли назвать соавтора успеха — первого тренера Игоря Виктора Васильевича Белова из Первоуральска.

Это тоже нравственный уровень школы Демина. Там же, где и фото лучших учеников, на видном месте висят «Заповеди». Третьим пунктом значится: «Чти и помни давшего тебе путевку в спорт».

О себе Демина тоже помнит, но — в последнюю очередь. Такая деталь: повесили «молнию» по поводу очередной победы его ученика, написали: «Поздравляем заслуженного тренера РСФСР Демина», а тут телеграмма: присвоено тренеру очередное, высшее в спорте звание. Демина просто зачеркнул «РСФСР», написал сверху «СССР» — и дело с концом. И документы на более высокую тренерскую категорию он уже два года не оформляет — все некогда, все не до этого. Хотя зарплата для отца двоих детей тоже дело не последнее. Но для Демина, уж точно, не первое.

Хорошие специалисты в общем-то всегда на виду, и в 1970 году (еще за шесть лет до победы Куликова) Демина приглашают в Свердловск. Он не соблазнился «быстрым льдом» спорткомбината «Юность», потому что уже тогда видел, что стремительность первой в стране искусственной конькобежной дорожки лучшие дни свои доживает. Это, если хотите, важнейшее для человека качество — уметь смотреть вперед, обгонять нынешнее время. На «Турбинку» Демина пошел с мыслью: строить свой, каким он его представляет, необходимый для больших побед тренировочный каток.

Это было уже после Сараево, а значит — через девять лет после того памятного, представительнейшего областного собрания, где «начальники» его не поняли: «Ну, знаете, если мы на каждом заводе будем по искусственному катку строить, нам ни на что средств не хватит. Деньги государственные надо уметь считать, молодой человек!»

— Тогда нам это обошлось бы в три миллиона рублей. Сейчас, пожалуй, это стоит раза в полтора дороже. В ГДР такой каток построили в городе Вайсвассере в 1975 году, после этого их конькобежцы так вперед «рванули» — до сих пор всем миром им в спину глядим. Поверите ли, нет — Энке из фигурного катания списали в свое время как бесперспективную, при старых методах ей бы никогда конькобежкой не стать, не то что олимпийской чемпионкой, а поставили на тот лед — и равных

ей сейчас сыскать трудно. А если мы в одиннадцать лет дегтишек на этот лед выпустим?!

— Понятно, что такие дорожки сейчас уже есть...

— Появились после ГДР в Голландии, ФРГ, США, в Москве, в спорткомплексе «Олимпийский», есть дорожка в 250 метров, но радиус поворота у нее не укороченные — так же как и в Ленинграде, в спорткомплексе имени В. И. Ленина.

— Тогда подробнее: что же это за чудо-дорожка такая должна быть?

— Оглядитесь вокруг — мы стоим сейчас как раз на том месте, где она будет. Думаю, жизни мне на это хватит. Проект уже готов, ряд организаций не прочь подключиться. Во-первых, как я уже говорил, дорожка по размерам — невелика, не больше 300 метров, классическая, как известно, — 400 метров. Овал — уже, прямая — короче, радиус поворота — в два раза меньше. Я и сейчас зимой такую заливаю, но под открытым небом, а нам нужен лед круглогодично; давно прошли те времена, когда конькобежец летом должен был на велосипед садиться — форму поддерживать. Конькобежец должен кататься на коньках!

Весь фокус — в радиусе поворота. По всем законам физики, если радиус поворота сокращается, спортсмен достигает при тех же усилиях, при том же «рабочем» пульсе — порядка 120 ударов в минуту — повышенной скорости. По прямой практически все бегут в одинаковую силу, выигрывают в коньках на поворотах. Значит, имей мы радиус поворота в два раза меньше, мы сможем приучать конькобежцев к высочайшим скоростям.

Далее, почему нужно бегать под крышей? Да потому, что тренироваться надо при плюсовой температуре. Конькобежец, в отличие от всех других спортсменов, — несчастный человек: он не только напрягает мышцы, он еще на них все время сидит. Нагрузка на ноги у него, как у канатоходца: толщина лезвия — 1,2 миллиметра, чем не шнур, разве что не под куполом? Видели, как готовятся к забегу на соревнованиях? Бегают вокруг стадиона, помногу бегают, не жалея сил — тепло в мышцы «нагоняют». Потому что с охлаждением мышц на один градус работоспособность понижается на 15—18 процентов.

Идем дальше... Видели, каким «измочаленным» приходит конькобежец с тренировки? Нужно его проверить досконально, или по-научному, оттестировать. А как это сделать без регистрирующих, демонстрирующих устройств?.. Ему нужен также расслабляющий массаж, парная баня или сауна, глоток горячего чая. Сейчас одноразовой тренировкой результатов не добьешься, нужно в день тренироваться трижды! А если это школьник? Нужно ему когда-то уроки делать? Или студент?.. Значит, потребуются учебные классы, библиотека. Да и тактикой в специализированной аудитории заниматься лучше. И чтобы специальные тренажеры стояли. И чтобы мастерская была — инвентарь «до ума» доводить.

Все это сегодня нужно иметь в одном центре. И тогда у нас будет много Малковых...

Игорь попал к Демину так. В 1978 году создали в Свердловске экспериментальную группу на правах сборной СССР во главе с Деминим. Стали искать в коллективах физкультуры среди юных конькобежцев подающих надежды. Белов из спортклуба «Уральский трубник» привез троих — на просмотр. Малков ничем не выделялся: был, как говорят, «нерастянутый», то есть неэластичный, с низкой культурой движений. (Как ни странно, Демин и сейчас считает, что Малков — далеко не идеальный конькобежец.) Да и как ему быть особо перспективным: в Первоуральске коньками занимаются только те,

кто в хоккей с мячом играть как следует не научился.

Демин «звал всех трюх». Малков и потом особых надежд не подавал, но были в нем настойчивость и... податливость. Задания не только выполнял, но и перевыполнял, да так, что Демину пришлось его даже «притормаживать», чтобы не подорвался паренек от перегрузок.

О Малкове даже олимпийской зимой разговоров не было. И тут как гром среди ясного неба — его мировой рекорд на Медео: «десятка» — за 13 минут 54,81 секунды. Впервые в истории конькобежного спорта были «размепены» 14 минут.

Не засчитали рекорд — не тот ранг соревнований. Ну и пусть не засчитали, зато знали теперь, что есть такой паренек Игорь Малков, что ему 18 лет, что живет он в Первоуральске, а тренируется на «Турбинке».

Тут надо сделать отступление. По установившейся традиции, большинство спортсменов-школьников живет в областной школе-интернате спортивного профиля. Там выросла вся волейбольная «Уралочка»... Школу для того и создавали, чтобы пестовать спортивные таланты. Демин, слышущий среди коллег «чудаком», спортинтернат называет «детдомом».

Мальчишка должен жить в семье. С мамой. С друзьями. В крайнем случае, в семье тренера. (Забегая вперед, скажу, что Кашкаров, формально числившийся в ШИСП, фактически тоже жил в семье Путрова.) У спортсменов часто проходят сборы в спортивных центрах, но хоть немного парень должен дома пожить...

А потом был олимпийский успех — «серебро» на 5 000 метров, «золото» — на 10 000 метров с результатом 14 минут 39,90 секунды. А спустя месяц, 24 марта, когда и по идее, и по практике должен был наступать «концесезонный спад», на матче СССР — ГДР, на льду Медео — мировой рекорд на любимой, самой длинной дистанции — 14 минут 21,50 секунды.

Малков учится в Свердловском индустриально-педагогическом институте, учится успешно. Как-то Демин заставил его, не теряя формы, выпускные экзамены в школе сдать не за месяц — за неделю. Пришлось даже маму уговаривать, не считая горючо... Знаете, как сдал? Всего две «четверки», остальные — на «пяты»! Чуть не дотянул до золотой медали. Зато вскоре получил «золото» Олимпиады!

ПУТРОВ И КАШКАРОВ

Всю жизнь его тянуло быть тренером, а из него делали начальника. Дойдя до должности зампреда Тюменского облсовета «Динамо», Владимир Михайлович Путров все еще теплил надежду теперь уже «своей властью» двинуть в нефтяном крае биатлон на передовые рубежи. Но даже сил такого мощного общества, каким во все времена являлось «Динамо», в областном масштабе явно было недостаточно, чтобы построить хорошую спортивную базу.

Тем временем совсем недалеко, в Свердловске, вырос современный биатлонный комплекс.

Путров еще годик-другой помаялся под боком у свердловского биатлона, прогрессирующего, как на дрожжах, а после «бухнулось в ноги» уральцам: возьмите меня с моими парнями. Их у него тогда было шестеро. Шесть 16-летних, жаждущих биатлона высших скоростей. И среди них — Юрий Кашкаров из Ханты-Мансийска.

Путров поставил свердловчанам два условия: три года на эксперимент и не мешайте.

— А что получим? — спросили его.

— Через три года получите... результат.

— А если не будет его?

— Тогда делайте со мной, что хотите. Хотите — опять за бумажки засадите, опыт есть. Хотите — корректируйте мою методику, всех подряд слушаться буду. Устраивает?

Согласились. И все же — не удержались. Через годик осторожно наемкнули: есть недалеко, по соседству, парень, ты его знаешь — сильный, именитый. Хочет у тебя потренироваться, не против в Свердловск переехать. Ты как?

— Ему сколько? Двадцать восемь? А что будем через два-три года делать? Других звать?.. И вообще — три года еще не прошли.

Через три года Кашкаров стал чемпионом мира.

Когда я познакомился с Юрой, штампы северной романтики еще заслонили его восприятие. Передо мной ладный, высокий парень. (Антропометрические данные и у Малкова, и у Кашкарова, кстати сказать, примерно одинаковые: у конькобежца рост 183 сантиметра, у биатлониста — 186, размер обуви соответственно 41 и 43, далее совпадает абсолютно все: размеры костюмов — 50, головных уборов — 58.)

Невольно думалось: наверное, Юрий — потомственный охотник, с детства — на лыжах, в лесу с ружьишком сутками пропадал.

Известные в недавнем прошлом на Среднем Урале биатлонисты братья Удинцевы именно так объясняли свою готовность к биатлону: в лесу с отцом — с детства, школа была в соседнем селе, за пять километров, туда и назад — бегом либо на лыжах. И не заметили как спортсменами стали!

Юра улыбнулся:

— Я — типичный городской мальчишка: школа, кино, телевизор. Дом пионеров, лыжная секция. На лыжах неплохо бегал, да не лучше всех. Не знаю, уж чем я Владимиру Михайловичу приглянулся.

— Чем же, Владимир Михайлович?

— Мужские черты характера нужно иметь с детства. У Юры они есть. Он никогда не паникует.

...Телевизионный репортаж из Сараево. Биатлонисты уходят на первый этап. Те, кому стартовать вторыми, — ждут. Вездесущая репортажная видеокамера ловит на мгновение лицо Кашкарова. Осунулся, похудел — один нос торчит. Но — спокоен: руки — в петлях палок, откинута голова, невозмутимо лицо. Повзрослевший, помудревший Юра. Это уже не удачливый вундеркинд, лихо свергнувший с небесных высот биатлона самого Франка Ульриха. Это боец, закаленный невзгодами.

...Итальянский горнолыжный курорт Антерсельва. Ситуация — сараевская: у наших ни одной медали в личных гонках, остается только эстафета. В нашей команде — сплошь молодежь, победители юниорского первенства мира, завершившегося здесь же два дня назад. Стратегическая задача — нейтрализовать на третьем этапе девятикратного чемпиона мира Ф. Ульриха, только так можно победить фаворитов — сборную ГДР.

На старте Франк непринужденно улыбается фото-корреспондентам, не забывает и о телевидении, его очень эффектно показывают с различных точек: привычное, хорошо узнаваемое лицо, гордая статья — «король биатлона» собственной персоной. Даже когда судья-информатор объявил, что на втором этапе лидерство захватил советский биатлонист А. Шална, Ульрих вроде бы не изменился в лице — за его большую спортивную жизнь и не такое бывало: и вторым, и даже третьим эстафету принимал, а на финише неизменно ждало «золото». Кто сегодня соперник? Двукратный чемпион мира среди юниоров? То есть — среди «мальчиков»?

Юра, как всегда, невозмутим, но невозможно хоть краем глаза не взглянуть на Ульриха. Вот тот нагнулся над лыжей — якобы поправить крепление, и Юра увидел, что пальцы-то у соперника слегка подрагивают. «Ага, и ты не такой уж железный, Франк! Может, тебя все же смутили мои «неслабенькие» секунды позавчера?»

— Плюс двадцать пять! — крикнул вслед В. Маматов, старший тренер сборной.

На «лежку» Кашкаров выскочил первым, следом — Ульрих. Уверенней, быстрее стреляет соперник, ничего с ним не поделаешь — лучше это у него получается: у Кашкарова почему-то стрельба стоя идет лучше, чем лежа — вопреки всякой логике. С огневого рубежа ушли почти вместе.

— Плюс десять! — кричит Маматов. (Десять секунд в запасе все же есть.)

На «стойку» Юра вновь прибыл первым и уже успел поразить одну мишень, когда скител на поляну Ульрих. Притормаживая по ходу, лихо скинул винтовку и открыл прямо-таки пулеметный огонь.

Кашкаров все еще стрелял, а у соперника уже кончились патроны, впереди ждал штрафной круг.

— Плюс пятьдесят пять. Ты герой, Юрка! — кричал на финише этапа Маматов.

Перед тем как взойти на высшую ступень пьедестала почета, друзья взяли качать Кашкарова. А он слабо отбивался, смущенно уговаривал: «Да что вы, ребята. Не надо. Все пахали».

В качестве абсолютно сильнейшего в сборной уехал Кашкаров в Сараево — буквально за декаду до Олимпиады он «разгромил» всех на первенстве и Кубке страны — три «золота» из трех! Убедил всех и сам лишний раз убедился в своей созревшей силе.

А потом были провалы в двух олимпийских гонках — провалы у всех наших биатлонистов: ни одной медали, и лишь эстафета заставила забыть эти срывы. Почему так получилось — мы узнали уже после Олимпиады. Буквально перед гонкой на 20 километров пришлось сборной подогнать оружие под международный стандарт. Вот и занервничали ребята, вот и стали палить «в белый свет, как в копеечку». Перерыв между гонками ушел не на психологическую разгрузку, а, естественно, на пристрелку, привыкание к оружию.

...Они все вместе стояли на первомайской демонстрации около трибуны на главной площади Свердловска, там, где берут интервью у наизнатнейших людей края, — Малков, Демир, Кашкаров, Путров...

РОТМИСТР АВИАЦИИ

Анатолий РОМОВ

Рисунки С. Сухова

7. Хмурый конюх подвел Губарева к дальнему концу конюшни, хлопнул по крупу неподвижно стоящего в деннике вороного жеребца. Жеребец обернулся, дернул ушами. Конюх вздохнул.

— Эх, братец, Альтик ты мой, Альтик... Альт, видишь, хозяин у тебя будет новый? — Глянул в кормушку, почесал шею — овса не было. — Отец у него призы брал, на ходу наш Альтик — у-у! — Отгреб ногой в сторону грязную солому и ушел.

Губарев достал приготовленную морковку, протянул; жеребец осторожно взял лакомство губами. Захрустел, глядя в сторону; по изрядно сточенным зубам Губарев определил: жеребцу лет восемь. Для извозного промысла в самый раз, очень даже неплохо. Достал из кармана крохотное зеркальце, поправил картуз, огладил бороду. Борода небольшая, аккуратная, по настоянию Губарева была сработана одним из лучших пастижеров Петербурга — и выглядела сейчас вполне натурально, пригнанная, волосок к волоску, к естественной щетине. Накинул на жеребца недоуздок, вывел из денника и повел к закладному сараю.

С маскировкой Губарев справился неплохо: в бородатом извозчике, с утра занявшем место среди других экипажей на 2-й линии Васильевского острова, никто не узнал бы ротмистра контрразведки. Стоять здесь приходилось подолгу, клиентов, как правило, не находилось. Губарев запомнил, как в первый день вечером из дома вышел узколицый коренастый японец в морской форме с погонами капитана второго ранга. В этом звании в Петербурге мог быть только один человек — морской аташе Танака Хироси. Подождав, пока вышедший следом слуга-японец поставит в пролетку корзину с цветами, капитан второго ранга поднялся на сиденье, небрежно бросил по-русски,

слегка раскатывая непривычное для японца «л»:

«Го-лубчик, будь лл-любезен, в «Аквариум», после отвезешь на Морскую».

Губарев послушно отвез японца на Каменноостровский, 10, в лучшее варьете Петербурга, где по вечерам собиралась светская молодежь, высшие офицеры, высокопоставленные иностранцы. В те дни в «Аквариуме» каждую ночь давались большие «гала-концерты», на сцене выступал тщательно подобранный кордебалет. Из солистов изумляла зрителей «неподражаемая акробатическая пара братьев Карди», сверкали эксцентрические субретки Нора Вест и Нина Веррон, а цыганские романсы пели такие звезды, как Михаил Вавич и Варя Панина.

Как и предполагал Губарев, цветы предназначались скорее всего для одной из актрис — у «Аквариума» японец отдал корзину швейцару. Вернувшись, капитан второго ранга повторил приказание — отвезти его на Морскую, к японскому посольству.

За два дня своих дежурств Губарев среди многочисленных посетителей «японского дома» не встретил никого, кто хотя бы отдаленно напоминал сгорбленного человека с жидкой бородкой, которого он последний раз видел входящим в ночлежку у Сенного рынка. Поэтому, когда в третий вечер из подъезда вышел незнакомый ему стройный самурай в безукоризненной фракционной паре и, сев в пролетку, сказал: «Пожалуйста, «Аквариум», — Губарев, тронув вожжи, вздрогнул. Это был его старый знакомый, «дворник Ахметшин». Но если человек, работавший на Гатчинском аэродроме, выглядел лет на сорок — сорок пять, был сгорбленным, пришибленным, от него нехорошо пахло, а поза и глаза неизменно выражали подобострастие, то японцу, севшему сейчас в пролетку, было никак не больше тридцати, и даже на расстоянии Губарев ощутил запах

дорогостоящего одеколона. Однако слух у ротмистра был острым, голос выдал лже-дворника безошибочно.

Сойдя у «Аквариума», японец расплатился, оставив, как и положено, крупные чаевые, и исчез в дверях варьете.

Губарев некоторое время сидел на облучке, пытаясь унять волнение. Наконец сообразив, что сейчас лучше всего отъехать, шевельнул вожжами, чмокнул — и не спеша развернул Альта в сторону Кронверкской улицы. Под медленным стук копыт, не удержавшись, усмехнулся в бороду: «Ахметшина» он все-таки выследил. Кажется, японец его не узнал. Но в любом случае ясно, что это опытный разведчик.

Губарев обязан теперь попасть в «Аквариум», много пути выяснить, кто такой лже-дворник, нет. Обязан — но как? Не пойдет же он в зал в поддевке и картузе. Губарев натянул вожжи! Альт дернул шеей, остановился в тени дома. Здесь, на Кронверкской, тихо, движения почти нет, прохожие появляются редко. Что же делать? Губарев отлично знал, что такое «Аквариум». Так называемый фонарь*. Он понимал, что среди швейцаров, официантов и поваров варьете, как минимум, десяток — тайные осведомители. Наверняка есть такие и среди артистов, но никого из сотрудников ПКРБ, внедренных сюда, он не знает. Завтра утром, конечно, он свяжется с Курново, но что делать сейчас? Может быть, зайти с черного хода и попросить швейцара вынести небольшой заказ? Сказать, для богатого клиента? Не годится, примитивно, главное же, это ничего не даст. Он должен заглянуть в зал, увидеть стол, за которым сидит лже-дворник, людей за этим столом, на худой конец — обслуживающего стол официанта. «Ахметшин» вполне может быть частым гостем «Аквариума».

* «Фонарь» — полицейский жаргонизм. Место, искусственно созданное для привлечения контрабандистов, шпионов, других преступников.

ма», но это тоже можно выяснить, лишь поговорив с прислугой в зале. Может быть, просто спросить об «Ахметшине» у швейцара, дав приличные чаевые? Не годится и это — неизвестно, на кого работает швейцар; такое место, как «Аквариум», наверняка набито чужой агентурой. Нужна осторожность, иначе он все провалит.

Еще около двадцати минут Губарев перебирал возможности. Наконец что-то появилось. Да, как будто придумал: безопасней всего сыграть любопытного. Неопытного любопытного возчика, недавно приехавшего в столицу и мечтающего взглянуть на господскую жизнь. Не бог весть какой вариант, но другого сейчас нет. По крайней мере, это не должно вызвать подозрений.

Подъехал к черному ходу, оставив Альта и переговорив с грузчиками, Губарев в конце концов добрался до оранжереи, немолодого старшего официанта. Согнулся в поклоне.

— Силантий Фомич вы будете?

Официант глянул мельком, прошипел:

— Деньги.

Губарев полез в карман.

— Деньги-то я дам, дам деньги-то, а вы покажите. Танцор там, господ.

Официант усмехнулся.

— «Покажите...» Говорить выучись, — получив из рук Губарева грешку, аккуратно спрятал ее в бумажник, кивнул.

— Следуй за мной, чучело.

И смотри, делай, что говорю.

Они прошли через кухню, мимо дымящихся котлов и распаренных поваров; в официантском простенке Силантий Фомич остановился.

— Паря, если тебя заметят, влети мне, не кому другому. Официантов, которые в белом, не бойсь, свои. Но ежели в черном заметишь кого, брысь сразу, чтоб духу твоего не было!

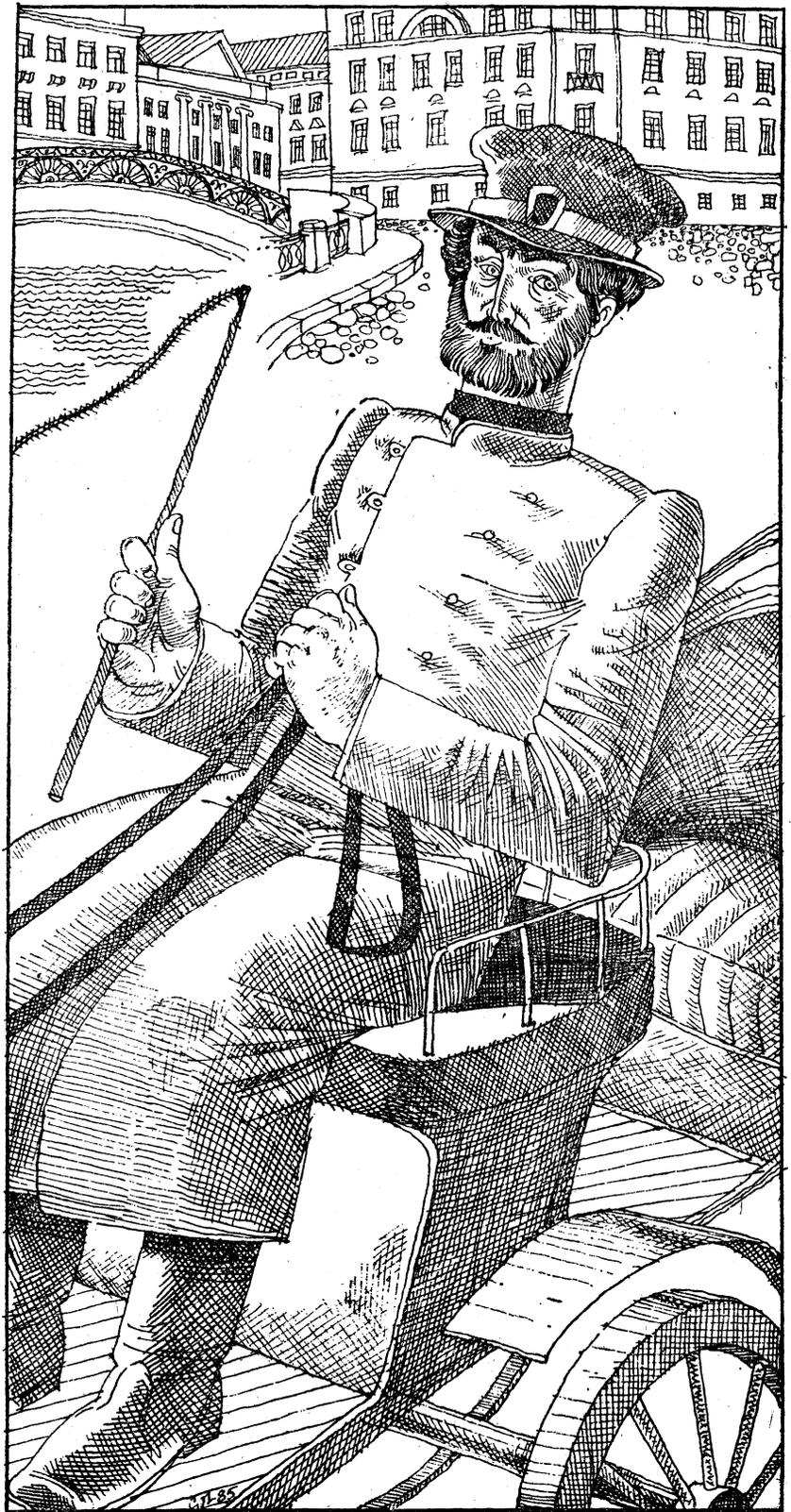
— Понял, Силантий Фомич. Где смотреть-то?

Официант подвел его к выходу в зал, толкнул за штору.

— Стой. Шторой прикройся и зырь. Другим глазом в коридор, чтобы чуть что... Понял? Все, меня нет, я тебя не видел.

— Спасибо, Силантий Фомич.

Официант скрылся в зале. Помедлив, Губарев осторожно, на сантиметр, отодвинул штору — самый краешек. Здесь, в «Аквариуме», он бывал не раз; зал, хорошо знакомый контрразведке, был изучен им вдоль и поперек. Окинув беглым взглядом ближние столы в центре — их, как правило, занимали военные, — посмотрел налево. Четыре столика в

углу, у самой эстрады, откуда каждую подробность можно увидеть без бинокля, всегда оставляются для посылств. Сейчас за этими столиками, украшенными цветами, обильно уставленными бутылками, полно людей. Вгляделся: ни одной дамы, только мужчины. Ничего удивительного, так и должно быть; жен сюда водить незачем, к кордебалету же и певицам приятно ходить за кулисы. Японцев можно сразу узнать, вот они, за вторым столиком; в отличие от европейцев, сидят неподвижно, лишь изредка перебрасываются короткими фразами. Вот его знакомый, Танака, сидит вполборота к сцене; рядом еще три японца. Двоих он видит в первый раз, третий же, сидящий боком и сейчас некстати прикрытый ведерком с шампанским, очень напоминает «Ахметшина». Значит, внимание на него. На пустую эстраду вышел конференсье. В зале вяло захлопали. Оглядев по-свойски столики, кому-то подмигнув, кому-то сделав знак бровями, конференсье поднял руки:

— Господа! Прошу тишины! Как вы уже догадываетесь, сейчас перед вами выступит всеобщая любимица, шансонная субретка, мадемуазель Ставрова! Аплодисменты!

Зал ответил овацией, раздался крики:

— Полина, виват! Bravo! «В холодном Париже»!

На эстраду вышла молодая женщина в длинном платье с буфами на

плечах и разрезом, открывающем стройные ноги. На аплодисменты она ответила улыбкой и воздушными поцелуями, посылаемыми сразу двумя руками. Разобрать черты лица было трудно. Из-за шторы Губареву показалось: в ней нет ничего особенного. Сильно подведенные синие глаза, вздернутый нос, стандартные губы бантиком. Конференсье, дурачась, изогнулся, что-то спросил, девушка ответила — и он, прикрыв рот ладонью, сказал раскатистым шепотом: — Господа, по секрету: «В холодном Париже»!

Рассыпалась трель аккомпанемента, снова захлопали, закричали. Песня была известной, ее слова гуляли по Петербургу, сообщая о «холодном Париже, который скучает по жаркой Москве». Аккомпанировало лишь фортепиано; Губарев отметил, что в голосе певицы чувствуется настроение, да и вообще мадемуазель Ставрова поет неплохо, если не считать специально наигранного жеманства.

Он следил за японцами и сейчас был почти уверен: тот, кого загоразживаает шампанское, — «Ахметшин». Песня закончилась, аплодисментов, криков и свистов не жалели. Впрочем, японцы, как он и предполагал, не шевельнулись — самурайская сдержанность. Стоп. Вот это уже интересно. Пока Ставрова раскланивалась, Танака жестом подозвал официанта, невысокого, тучного, с прилизанным пробором и нитевидными

усиками; тот поймал чуть заметный знак в сторону эстрады, взял из рук атташе конверт — и исчез за кулисами. Похоже, конверт предназначен для Полины. Пусть даже нет, но случай стоит запомнить.

Три раза выйдя на вызовы, Ставрова исчезла; сразу же грянула развеселая мелодия, в зал полетели конфетти, выбежал кордебалет. Губарев закрыл зель: здесь, за шторой, ему больше делать нечего, теперь главное — переговорить с тучным официантом. Он выглянул в простенок: толстяк, помахивая салфеткой, стоит в ожидании вызова. Нужно подойти к нему, не привлекая внимания официантов и метрдотеля. Когда Губарев кашлянул, официант повернулся; лоснящееся жиром лицо ничего не выразило. Фраза нашлась легко:

— Слушай, друг, заработать не хочешь?

Толстяк вздохнул.

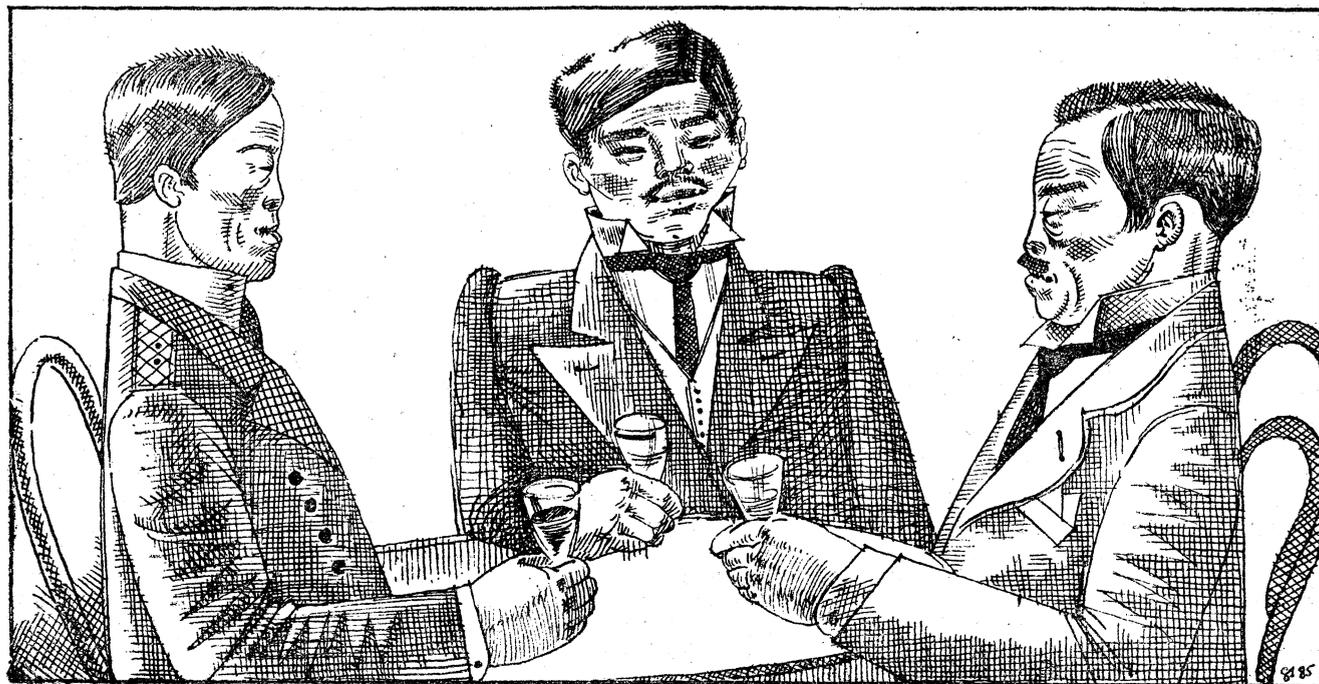
— Деревня. Друг я ему. Кому друг, а кому Никанор Евсеич, — он махнул салфеткой по коленям. — Какие с тебя, вахлак, заработки? А?

— Простите, Никанор Евсеич, я хотел спросить — можа, клиентов мне подкинете?

Толстяк некоторое время соображал.

— Клиентов?

— Да. Я б с кажного, уж не обидел бы, а? Никанор Евсеич? С кажного, уж не обидел бы.

— Новенький, что ли?
 — Да нет, Никанор Евсеич, месяц уж как в Питере. Мне б вона этих, англичанов, во-она фасонистые сидят.
 — Во-она... Дурень, это не мой стол.
 — А ваш какой?
 — Соседний. Японцы, видишь?
 Губарев изобразил высшую степень досады.
 — Ой нет, боюсь я их. Жалобенькакая. Да и потом с японцев, что с них взять?
 Лицо толстяка дернулось, он сплюнул.
 — Болван неотесанный. Знаешь, кто это?
 — Кто-о? — он округлил глаза. Толстяк, передразнивая, скривился.
 — Тыфу, говорить не хочется. Этот, видишь, лицом к нам? Сам господин Танака, морской атташе. Понял? Небось, слова такого не слышал — «атташе»?
 — О-о-о,— Губарев закачал головой.— Простите, Никанор Евсеич. Этих не надо. Рядом, навернуть, тоже важные?
 — Навернуть... О, господи! Понимал бы хоть что в важных господах. Рядом, видишь?
 — Это который спиной? У ведерка?
 — У ведерка... Этот господин Юдзура, представитель японской фирмы,— толстяк стал осторожно промокать салфеткой вспотевший лоб. Губарев попытался сообразить: Юдзура — представитель фирмы. Какой? Название выяснять сейчас не стоит — толстяк может насторожиться. Да и вообще, кто его знает, что это за толстяк. Возможно, фамилия «господина Юдзуры» отыщется в справочной книге. Нашупал в кармане рублевку.
 — Спасибо, Никанор Евсеич, все ж японцев сегодня не нужно, боюсь я их. А насчет клиентов я уж буду знать, подойду? Не побрезгуйте публишкой, а с заработка еще отблагодарю.
 — Ну ты и экземпляр,— толстяк взял рубль, небрежно сунул в карман. Губарев пригнулся.
 — Номер мой сто сорок четыре, третья извозная конюшня. Оводкова*.
 — Хорошо, хорошо, тогда пойдем,— увидев движение за столиком, официант цыкнул.— Адзынь, вызывают!

Не замечая больше Губарева, устремился в зал. Губарев осторожно двинулся назад, к черному ходу. Выбравшись мимо мешков, ящиков и бочек на улицу, огляделся. Никого —

* Петербургская контора наемных экипажей Оводкова.

ПО ДОЛГУ ПАМЯТИ

Борис АЛЕКСЕЕВ

Памятник «Алеша» знают миллионы людей.
 ...Белеет ли в поле пороша
 Иль гулкие ливни шумят,
 Стоит под горою Алеша,
 В Болгарии русский солдат...

Через много лет был найден настоящий Алеша — Алексей Иванович Скурлатов, один из освободителей Пловдива, где установлен памятник. Сибиряк Алексей Скурлатов не служил моделью для памятника, но точно установлено, что это его имя послужило названием для памятника советскому воину.

На вершине горы Геллерт в Будапеште взметнулся над городом монумент Освобождение: женская фигура с пальмовой ветвью, у постамента зазер в вечном карауле советский солдат.

Скульптору Жигмонду Киш-Фалуди-Штроблю позировали медсестра Эржебет Тумански, она сейчас на пенсии и живет в городе Шапроне, и советский солдат Василий Михайлович Головцов — он из русского городка Тейково Ивановской области.

На берегу Эльбы, у Магдебурга, воздвигнут монумент, запечатлевший в металле человека, прижавшего к груди маленькую девочку...

Скульптура напоминает о подвиге, совершенном в один из мартовских дней 1969 года. Тогда на улице Вильгельма Пика собравшиеся люди, не в силах чем-либо помочь, неотрывно следили за окном пятого этажа, где на высоте двадцати двух метров в проеме играл ребенок и — сорвался с карниза...

Игорь Беликов — советский капитан-летчик, который проходил мимо, мгновенно ринулся вперед, снял на бегу с плеча шинель, расправил ее широко в руках и поймал падающего ребенка.

Это была четырехлетняя Катрин. Теперь ей больше двадцати лет... Игорь Беликов стал почетным гражданином Магдебурга.

В белорусском городке Жодино сооружен монумент в честь Матери-патриотки: мать провожает на войну сыновей.

Жительница Жодино Анастасия Фоминична Куприянова стала образом этой матери. Здесь она вырастила своих хлопчиков, отсюда проводила их на фронт Великой Отечественной — одного за другим, всех пятерых. И потом ждала, ждала... Как молила судьбу, как надеялась на встречу с ними. Но сыновья вернулись к ней лишь вот такие — вылитые из бронзы.

...Репортаж военного корреспондента газеты Бориса Полевого назывался «Передовая на Эйзенштрассе». В нем рассказывалось о подвиге солдата Трифона Лукьяновича, спасшего немецкую девочку во время боя.

Репортаж заинтересовал скульптора Евгения Вучетича, который уже тогда обдумывал свой знаменитый теперь мемориал.

Скульптору рассказали, что в армии генерала В. И. Чуйкова произошел такой случай. Боец одного из полков Николай Мосалов тоже спас немецкого ребенка уже в час штурма рейхстага. Е. Вучетич отыскал Мосалова и познакомился с ним. Николай Иванович Мосалов, кстати, стал почетным гражданином Берлина.

Подвиги Трифона Лукьяновича и Николая Мосалова зародили у Евгения Викторовича Вучетича идею создания мемориала в Трептов-парке. Но натурой для создания скульптуры был для него третий солдат — Иван Одарченко.

Когда сооружался мемориальный памятник-ансамбль на Мамаевом кургане в Волгограде, к Е. Вучетичу подошла старая женщина-крестьянка и протянула листок бумаги:

— Это ты здесь робишь?
 — Мы, мать,— Вучетич показал на своих товарищей.
 Старушка помолчала, а потом попросила скульптора «записать моих».
 — Кого, мать, записать?
 — Сынков моих, тут у меня трое жизнь подожгли.— И старуха неожиданно широко перекрестила удивленного Вучетича. Евгений Викторович вначале растерялся, а потом встал на колени и прижался губами к сухим рукам матери героев...

только Альт покорно стоит на том же месте. Забравшись на облучок, развернул жеребца, выехал на Кронверкскую, подумал: может быть, подождать разезда гостей? «Ахметшина», положим, брат не стоит, не нужно быть назойливым. Но в «Аквариуме» есть еще Ставров. Вспомнил о конверте и жесте Танаки — и направил Альта к парадным дверям варьете.

Здесь он простоял долго, до полонины третьего ночи, пока не послышались крики, ругань извозчиков, хрип лошадей. «Эй, голубчик, нам в Петергоф?», «А ну, осади, куда прешь!», «В Петергоф далеко, барин, дорого будет», «Болван, я ж тебе не говорю, сколько будет... Прошу, господа, садитесь!», «Куда с мостовой лезешь?», «Господа, зачем извозчик, едем в моем!», «Любезный, пятерку хочешь заработать? Стой здесь, подожду с дамами», «Все понял-с».

Гости разъезжались: на тротуаре и мостовых было тесно от извозничьих пролеток, возчики наезжали друг на друга, наиболее ухватистые вытесняли конкурентов. Все знали, если удача, за одну ночь здесь можно заработать больше, чем в городе за неделю.

Губарев остановил Альта чуть не доезжая выхода, в хвосте вереницы пролеток. По его расчетам, Ставрова должна уехать вместе с Танакой. Или, если атташе маскирует эту связь, на смежном с японцем экипаже. Но нет, японцы вышли одни и разъехались по парам: сначала двое незнакомых Губареву, чуть погодя — Танака и Юдзура-Ахметшин. Он хорошо запомнил приметы этой пролетки: караковая лошадь, молодой извозчик с простецким лицом, по номеру — вторая извозная конюшня фирмы «Виктория», с Выборгской стороны.

Он продолжал ждать, пропуская подъезжающие пустые экипажи. Сейчас ему нужна Ставрова — знак Танаки официанту в сторону эстрады ведь что-то означает? Завтра в ПКРБ он проверит досье на левизу, но сейчас глупо упускать момент.

Как назло, Ставрова долго не выходила. Погасли фонари и огни у дверей, у выхода из варьете стояла только его пролетка, когда наконец в четыре утра он услышал стук хлопнувшей двери и увидел «шансонную субретку». Быстрыми шагами она шла к нему, опустив голову и кутаясь в наброшенную на плечи шаль. Губарев чуть подавал Альта — и тут же услышал сзади цокот копыт. Частный экипаж с кучером, одетым в форму, запряженный породистой лошастью, обехал его пролетку и остановился. Из крытой двуколки вышел невысокий солидный господин во

фраке и котелке, чуть отвисшими щеками и находящим на узкие губы носом. Господин двинулся к Ставровой, делая знаки, но вместо того чтобы подойти к нему, Полина ускорила шаг и почти подбежала к губаревской пролетке. Он вдруг увидел ее глаза: серые, с большими вздрагивающими ресницами. Не лицо, а только глаза.

— Извозчик, пожалуйста, быстро на Ростанную!

Тут же услышал шипение:

— На тебе, любезнейший, на, и в сторону, в сторону... — Господин толкает в бок с другой стороны, пытается сунуть в руку рубль, шипит: — Голубчик, отъезжай, ну? Да держи... Дурень, что, тебе мало? На трешку... Держи же...

Оттолкнул его руку; Ставрова продолжает умоляюще шептать:

— Извозчик, пожалуйста, на Ростанную... Ну, пожалуйста... Я заплачу, не волнуйтесь...

Снова увидел ее глаза, растерянные, со вздрагивающими ресницами. Ого, господин схватил за рукав, пытается стащить. Он уперся ногой. Этот человек наверняка устроит скандал, но Ставрову надо взять в любом случае. Поймал умоляющий взгляд, кивнул:

— Садитесь... Быстро!

Как она села, он уже не слышал, почувствовал только легкий крен, и тут же, резко оттолкнув господина, послал лошадь в карьер. Господин, охнув, упал. Альт вылетел на середину мостовой. Разворачиваясь к Дворянской, в лабиринт переулков, пришлось взять вожжи на себя и оглянуться. Господин пока не встал, кучер только поднимает хозяина. Рысак у него зверь, на ходу они достанут Альта в два счета. Значит, чем скорее они затаятся где-нибудь, тем лучше. Надо прятаться, пока нет погоны.

Низкая арка, проходной двор; ладно, была не была.

Губарев дернул вожжу, Альт свернул, легко цокая копытами, пошел по брусчатке двора. Хорошо бы найти высокую дверь. Теперь они еле ползут. Решившись, Губарев резко натянул вожжи. Альт встал. Тихо. Он спрыгнул, подошел к двери ближнего подъезда, открыл одну из створок — парадное достаточно объемистое, места должно хватить. Присел, уперся пальцем в паз, вытянул запор второй створки. Распахнул дверной проем, вернулся, взял Альта под уздцы. Ставрова смотрит, ничего не понимая. Цокот копыт — ровный, легкий, пока он где-то далеко, за домами. Да, глаза у нее испуганные. Улыбнулся.

— Держись, барынька!

— Сама не понимаю, чего боюсь. Мы же не убийцы?

— Не убийцы, — он похлопал Альта по шее, примерился. Осторожно ввел лошадь в парадное. Только бы поместились задние колеса. Копыта гулко стучат, разъезжаясь по кафелю. Он подвел жеребца к лестнице на второй этаж, оглянулся — дверь не закрыта, торчат обода. Оглядел теплую шею, чмокнул, потянул за уздечку:

— Альтушка, давай на лестницу, а? Подними ногу?

Жеребец напрягся, неловко, одну за одной, поднял ноги, захватив четыре ступени.

— Еще, Альт? Ну?

Дернувшись, Альт поднялся еще выше, опять захватив четыре ступени. Кажется, хватит. Вернулся к двери, легко закрыл створки. Ставрова улыбается. Сейчас эта кутающаяся в шаль женщина кажется простой, она совсем не похожа на мадемузель Ставрову, которую он недавно видел на сцене. Смотрит, будто прислушиваясь к кафельной тишине парадного:

— Вы знаете, что вы меня спасли?

— Тсс, — он давно уже слышит два голоса и звук шагов. Они, больше некому. Шаги во дворе звучат близко, почти вплотную к двери. Вот что-то дыхание. Шаги остановились, голос сказал негромко:

— Здесь их нет.

Губарев оглаживал Альта — толь-

ко бы не заржал. Это кучер, у господина голос другой. Вот и сам хозяин:

— Так что они, проехали?

— Должно проехали.

Снова стук копыт. Кажется, пронесло. Подождав, пока легкое цоканье угаснет, исчезнет, сдавленное домами, Губарев обернулся — певица беззвучно смеется. Просто зашласть от смеха.

— Вы что?

— Ум-мора... Ой, п-подождите...

Дайте отсмеюсь... Вы даже не представляете, что вы для меня сделали. Как вас зовут?

— Сашей кличут. Извините, я простомоу, а вас как?

— Полиной, — оглянулась. — Вдурт жильцы проснутся?

— Не проснутся.

— На Ростанну отвезете?

— Взялся, отвезу. Только посидеть придется малость, пусть те отъедут... Кто он вам, муж? Иль кто другой?

Поправила шаль, ресницы опустились.

— Никто. Мерзавец. И вот что, Саша, я вам очень благодарна, но давайте теперь помолчим. Хорошо?

— Хорошо.

Выждав минут десять, вывел Альта на улицу — и быстро доехал до Ростанной. Жеребца остановил у самого подъезда, обернулся. Певица внимательно смотрит на него; сейчас без грима, у Ставровой никакого шансонного лоска. Совсем простое лицо, в этом лице как будто ничего особенного, но только теперь он понимает, как она хороша. Протянула кошелек, он отодвинулся.

— Берите. Все, что там, ваше. Вы заслужили.

Странно, однако в ее глазах сейчас неловкость. Хорошо хоть неловкость, и на том спасибо. Серая, бездонная неловкость. Так и втюриться можно, ротмистр, и зря; сто процентов, что эта милая девица — любовница Танаки. Впрочем, он просто обязан взять кошелек, чтобы не нарушать образ. Обязан. Нет, к черту, он его не возьмет.

— Одно условие, барынька. Не говорите никому. Ни про меня, ни про номер, ни про лошадь. Городовые расчухают — беда. Не скажете?

— Не скажу.

— А кошелек свой спрячьте. Он вам еще пригодится, — чмокнул Альту. — Бывайте, покедова. Свечку поставьте.

Через полчаса, вернувшись в конюшню, распряг жеребца, постучал в оконце. Заспанный конюх, сунув в карман положенные чаевые, зверски зевнул и повел Альта в денник.

«ОСТОРОЖНО: ВАРЕНЬЕ!»

Николай КОЛЕВАТОВ

Как-то, работая в архиве, я обнаружил интересный документ о том, что 9 июня 1897 года в Орлове Вятской губернии при обыске квартиры слушательницы С.-Петербургских высших Бестужевских курсов Августы Александровны Кузнецовой полицейские нашли 49 экземпляров брошюры Клары Цеткин «Экономическое положение женщины» и 20 экземпляров книги «Экономическое учение Карла Маркса. Популярное изложение Карла Каутского». Известно, что книга К. Каутского в рукописи была просмотрена Энгельсом. Изданная на различных языках, она многих приобщила к основам марксистской теории. В царской России книга Каутского, стоящего тогда на марксистских позициях, была запрещена.

Как эти марксистские книги оказались в захолустном городе? Кто издал их?

В 1896 году студенты Харьковского технологического института создали кружок самообразования, в который вошли 30 человек, среди них В. В. Ксандров, А. А. Кузнецов, А. М. Булычев, В. В. Костровский, К. В. Зубковский, М. М. Кефели, Д. Д. Буданов и другие.

Члены кружка самообразования, еще не сложившиеся революционеры, стремились к изучению марксистской литературы. У них возникла идея самим нелегально издать несколько марксистских книг. Но для издания требовались деньги. Их дал Аркадий Кузнецов — сын бывшего городского головы г. Орлова. После смерти отца он получил небольшое наследство, которое предложил на издание марксистской литературы.

После издания книг кружковцы занялись распространением их в студенческой среде различных городов.

Отправка книг представляла большие трудности. Тогда кружковцы нашли выход: прятать их в посылочных ящиках. Ящики были хорошо оббиты, на них сделали надпись: «Осторожно: варенье!» В результате ни один ящик не попадал в руки полицейских, все посылки приходили по своему назначению.

В ноябре 1897 года харьковские жандармы напали на след. Большинство членов «Лиги разума и справедливости» были арестованы.

ЧАСЫ ИДУТ 220 ЛЕТ

Владимир САВИНЦЕВ

В доме жителя небольшого уральского городка, Нытвы Георгия Анатольевича Оборина висят большие старинные часы. Через каждые полчаса они оглашают дом слегка дребезжащим, но вполне еще мелодичным боем. Медленно и величественно движется под стеклом огромный круглый маятник. Часы идут так 220 лет. На тыльной стороне их массивного деревянного корпуса начертана дата — 1764 год.

Из поколения в поколение, как реликвия, передавались они в роде Обориных. Семейное предание гласит, что часы ни разу не ломались. Их останавливали только для того, чтобы почистить и смазать. Последний раз это делали десять лет назад. Георгий Анатольевич внимательно осмотрел часы. На механизме он не заметил каких-либо следов износа.

Надежные и долговечные часы сделал безымянный мастер.

«Тик-так, тик-так» — неутомимо и размеренно, как во времена Пушкина и Радищева, отсчитывают время часы в доме Обориных, и кажется, что в круглом бронзовом маятнике мелькают живые мгновения истории...

8. Около девяти вечера Зубин сидел на уединенной скамейке в дальнем углу госпитального сада и ждал представителя Петербургского совета РСДРП Павла Белкова. Дежурная сестра впервые разрешила ему выйти из палаты; с трудом доковыляв до одинокой скамейки, инженер примостился с края, приладив костыли и поглядывая на вход в сад. Увидев идущего по дорожке полного сутуловатого Белкова, положил ногу на приставленный к лавке костыль, огляделся. Павлу Белкову было далеко за сорок, он давно перешел на профессиональную партийную работу и вряд ли притаился бы за собой спица, но все-таки Зубин был настрожен. Подошедший сел, поздоровался молча, движением изъеденной типографской краской щеки. Им не нужно было ничего объяснять друг другу, оба отлично знали, что означает не только каждое слово, но и каждый жест.

— Как дела, Паша? — Зубин имел в виду хвост.

— Чисто.

— А в остальном?

Белков вздохнул.

— Солодовникова могут взять со дня на день, он обложен со всех сторон.

— Плохо.

— Его нужно срочно вывезти за границу.

Зубин отлично понял, что подразумевает Белков под словом «нужно». Охранное отделение гонялось за Алексеем Солодовниковым не зря — он был опытным партийным журналистом. Но если бы Солодовникова удалось вывезти из России, он продолжал бы сотрудничать с органом Петербургского совета «Звездой» — большевистской легальной газетой — из-за границы. Зубин и Белков занимались в Петербургском совете РСДРП вопросами печати; Зубин был членом фракции большевиков с 1904 года, в 1905-м входил в состав редакции газеты «Новая жизнь», тогда же со 2-го на 3 декабря был арестован за участие в издании «Финансового манифеста». Бежал, помогал выпускать нелегальную газету Петербургской военной организации РСДРП «Казарму». Сейчас, в 1911-м, когда обстановка заставляла работать только в подполье и за границей, этот опыт оказался кстати, Зубин не чувствовал себя новичком, Белков же к этому времени стал специалистом конспирации.

Зубин надавил двумя пальцами на глаза, будто они болели, встряхнул головой.

— Неужели Солодовникова не с кем отправить?

В летнем воздухе где-то за пределами госпиталя отчетливо слышался звук патефона. Играли танго. Некоторое время Белков молчал, прислушиваясь к слабым звукам мелодии. Раздраженно вздохнул.

— С кем? Вот ты сам скажи, с кем?

— Допустим, с Кокоревым?

— Кокорев сам под наблюдением.

— С Шехтелем?

— Ты имеешь в виду студента?

Это мальчишка, ему нет двадцати, отцу же его доверия нет. Учти, полковника Мясоедова из Вержблова выгнали*, но охранка там свирепствует по-прежнему. Для того, чтобы вывезти Алексея, нужны документы. Чистые, не вызывающие подозрений. В идеале — еще и опытный сопровождающий. Где все это взять?

— Да, действительно... — Зубин забарабанил пальцами по скамейке. — Понимаешь, Паша, есть один человек, будто созданный для этого. Я давно уже к нему присматриваюсь. Этот человек мог бы вывезти Алексея, при доле везения, конечно.

— Что ж ты молчал?

— Главное, этот человек наверняка сможет достать документы.

— Где он работает?

— Никогда не поверишь. В контрразведке.

Хмыкнув, Белков поднял камешек. Повертел, будто изучая, подбросил.

— Шутка?

— Какая шутка, говорю самым серьезным образом. Профессиональный контрразведчик, из ПКРБ. Что, Паша, заманчиво?

Белков осторожно бросил камень в кусты.

— Заманчиво, но ведь это — лезть черту в пасть, ПКРБ... Серьезная организация. А что за человек?

— Из армейских, воевал с японцами. ПКРБ — не охранка.

— Все равно это прихвостни режима.

— Паша, я этого человека... как бы тебе объяснить — чувствую. Потому — он прекрасно знаком с системой сыска и слежки, тренирован, профессиональный конспиратор.

— Конспиратор, вскормленный монархией.

— Конечно. Но я много говорил с ним. По-моему, этот человек сам — гонимый. Он потерял, не нашел себя.

Его должны, если я не ошибаюсь, вот-вот уволить из контрразведки.

Оба замолчали. Сквозь притихшую листву в светлых сумерках слабо желтели окна госпиталя. С площадки в центре сада, от скамейки, где курили больные, слышался смех.

— Андрей, я хотел бы быть таким же оптимистом. Согласен, такой человек может быть нам полезен. Но ведь мы должны ему верить.

— По-твоему, пусть Солодовникова берут? — Так как Белков молчал, Зубин добавил: — Хорошо, я знаю твою осторожность. Если хочешь, давай его проверим.

— На чем?

— Ну, способов тысяча. Завтра зайдет Таисия Афанасьевна, поспеваем с ней. Ты ведь знаешь, какой у нее глаз. С Таисией Афанасьевой могла бы пройти подставная квартира.

9.

Войдя в кабинет Курново, Губарев остановился у двери. Полковник хмыкнул, осторожно положил сигару на край пепельницы.

— Доброе утро, Александр Ионович. Что-нибудь случилось?

Лицо Курново ничего хорошего не предвещало, он не любил, когда к нему врываются без доклада. Пусть, подумал Губарев, сейчас задача одна — предупредить последствия ночных событий.

— Доброе утро, Владимир Алексеевич. Кое-что действительно случилось. Мне требуется ваше содействие.

Полковник некоторое время изучал его. Решив изменить тон, кивнул:

— Прошу, Александр Ионович, садитесь, — подождал, пока Губарев сядет. — В чем содействие?

— Не буду опережать события, но мне кажется, я напал на след. Он привел к варьете «Аквариум». В дальнейшем, при попытке изучить заинтересовавший меня объект, произошло осложнение. Во время посадки седока я был вынужден столкнуться на землю неизвестного.

— Только и всего?

— Мне кажется, неизвестный — человек достаточно важный. Он может поднять шум. Чтобы не рисковать, я решил сразу доложить. Для сведения: ему лет пятьдесят, чуть ниже среднего роста, русский, имеет собственный экипаж, личного кучера и дорожную лошадь. Все.

— Что значит «дорожную лошадь»?

— Чистокровного рысака.

— Он что, этот неизвестный, сидел в «Аквариуме»?

— Нет, подъехал в четыре утра.

* С. Н. Мясоедов, жандармский полковник, в 1915 году был повешен как германский шпион. В 1907 году С. Н. Мясоедов был начальником пограничного жандармского отделения ж-д станции Вержблово на границе с Германией, где прославился особым рвением в выявлении пытавшихся выехать из России революционеров.

— Кого-то пытался взять?
— Одну из артисток, мадемуазель Ставрову. Именно ее я хотел подвести.

— Это и есть ваш объект, Ставрова?

— Нет, но подозреваю, что она как-то связана с объектом.

Ротмистру показалось, что во взгляде Курново наконец появилась осмысленность. Некоторое время шеф ПКРБ сидел, прикидывая. Вздыхнул, нажал кнопку, сказал появившемуся адъютанту:

— Станислав Николаевич, будьте добры, соедините с Гороховой.

— С кем именно, Владимир Алексеевич?

— Давайте с Левисоном*.

— Слушаюсь,— адъютант исчез, через минуту звякнул телефон, полковник взял трубку.

— Вернер Вернерович? Добрый день, это Курново. У меня просьба — вы не могли бы выяснить об одном извозчике? Да, именно извозчике? Конкретно — не было ли каких-то сигналов? Минутку,— посмотрел на Губарева, тот показал номер.— Фамилия не обязательна, номер сто сорок четыре, третья извозная конюшня Оводкова. Выглядит: около тридцати лет, выше среднего роста, глаза карие, волосы и борода русые. Пожалуйста, будьте любезны. Хорошо, жду у телефона.— Положил трубку, вздохнул.— Александр Ионович, может быть, расскажете подробней?

Губарев коротко рассказал, как ему удалось выследить «госпожина Юдзуру», а также — о предполагаемой связи морского атташе Танаки со Ставровой. Выслушав, Курново нажал кнопку, сказал адъютанту:

— Станислав Николаевич, кто занимается у нас японским посольством? Ефимов?

— Совершенно верно, ротмистр Ефимов.

— «Аквариумом»?

— Полуэктов.

— Ко мне обоих.

— Слушаюсь, Владимир Алексеевич.

— Запишите: по японскому посольству Танака и некто господин Юдзура, имеющий отношение к торговле. По «Аквариуму» меня интересует мадемуазель Ставрова. Пусть захватят также списки агентуры.

Адъютант кивнул, почти тут же звякнул телефон, полковник снял трубку.

* На ул. Гороховой размещалось Управление полиции Петербурга; В. В. Левисон — штаб-офицер градоначальника Петербурга генерала Д. В. Драчевского.

ФАМИЛЬНАЯ ЧЕРТА СУВОРОВЫХ

Анатолий СОСЕДОВ

16 января 1774 года А. В. Суворов женился в Москве на княжне Варваре Ивановне Прозоровской. В августе 1784 года у них родился сын Аркадий. Спустя почти четверть века Аркадий назвал своего сына в честь деда. Так появился еще один Александр Суворов. Близкий друг поэта Александра Одоевского, одного из самых активных участников выступления на Сенатской площади, он дружил с декабристами; фамилию его рода знали в самой глухой деревне русской империи. Это и учитывал Николай, когда принял решение: «Юнкера Александра Суворова к суду не привлекать, отправить на Кавказ в отдельный грузинский корпус генерала Ермолова».

Несколько лет провел в действующей армии внук генералиссимуса Суворова. Он был храбр, смел и свою фамилию не осрамил.

Прошло несколько лет, позабылись «грехи» молодости, и А. А. Суворов был назначен генерал-губернатором Петербурга. Казалось, на этом посту только и показать свою верность царю. Но с чего начинает генерал-губернатор? Он освобождает из Петропавловской крепости студентов, участвовавших в манифестациях, да еще выступает перед ними с дружеской речью.

В 1863 году, когда было подавлено польское национально-освободительное восстание, в Петербурге оказались польские повстанцы. А. А. Суворов всячески помогал им и не скрывал своего отношения к Муравьеву-вешателю.

«Князь Суворов очень много вреда наделал своим неукротимым чудачеством,— писал позже ярый реакционер князь Мещерский.— Около него образовалась какая-то атмосфера распушенности в языке, а потом в принципах и действиях... С рекомендациями князя Суворова толпились по Петербургу, ища занятий, всевозможные косматые ингилисты. Я видел его в приемной более любезничающим с ними, чем с каким-нибудь почетным генералом».

Тогда многие склонны были объяснять поступки Александра Аркадьевича фамильной чертой Суворовых: дед чудил — чудит и внук.

Когда в Петропавловку был брошен Чернышевский, генерал-губернатор старался по возможности облегчить его тюремные будни.

А. А. Суворов был снят с поста генерал-губернатора Петербурга после неудавшегося покушения Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 года. Чтобы подалеже отстранить его от дел гражданских, он был назначен инспектором русской пехоты. Умер Александр Аркадьевич Суворов в 1877 году.

«Доброе имя должно быть у каждого честного человека»,— писал в свое время Александр Васильевич Суворов. Этому завету и был до конца своих дней верен его внук.

— Слушает Курново. Так, — посмотрел на Губарева, сокрушенно покачал головой. — Ай-яй-яй. Неужели? Ясно. Так. Минуточку подождите, подполковник, я запишу. Десницкий... Действительный статский советник. Товарищ председателя земельного банка. Хорошо. Нет, нейтрализовывать сыск не нужно. Это не наш человек, но у нас есть подозрения. Хорошо.

Закончив, устался на Губарева. — Поздравляю, ротмистр. Вы что, действительно хотели убить этого Десницкого? Что вы молчите? Вас ищут по всему Петербургу. У конюшни поставлена засада. Ваша извозчица фамилия ведь Яковлев?

— Яковлев.
— Так вот, эта фамилия, а также ваш словесный портрет переданы во все сыскные отделения. Понимаете?
— Я хотел бы знать фамилию этого господина. Десницкий?

Полковник мельком глянул на исписанный листок.

— Десницкий. Федор Федорович Десницкий, дэ-эс-эс*, товарищ председателя** земельного банка. В шесть утра он явился в полицию и подал заявление о покушении на убийство.

— Вы думаете, он говорит правду?

— Надеюсь, врет, потому что об участии в деле Ставровой не упомянул ни словом. Но нам от этого не легче.

— Как он заявил?
— Заявил, что возчик номер сто сорок четыре совершил на него неспровоцированное нападение и нанес тяжелые увечья.

— Сволочь.
Около минуты Курново, постукивая пальцем по столу, смотрел в окно.

— Любопытное замечание. Тем не менее боюсь, на вашей извозчицей карьере придется поставить крест.

Странно, Губарев сейчас думал только об одном — чиста ли Ставрова? А если нет, с кем связана: с ПКРБ? С японцами?

— Владимир Алексеевич, я могу сменить грим, взять другой номер.

— Я забыл, вы ведь упорный человек. И все-таки, дорогой Александр Ионович, лучше не рисковать. Придется вклинить вас в «Аквариум».

Раздался стук в дверь, полковник бросил:

— Войдите!
Вошедшие в кабинет чиновники, ротмистр Ефимов и штабс-ротмистр

Полуэктов, агентурой и осведомителями занимались еще в жандармском корпусе, откуда были откомандированы в ПКРБ. Ефимов был тщедушен, с жалким зачесом на гладкой лысине и провисшем на шее мешочком; Полуэктов, хоть и был высок, из-за тучности напоминал щурящегося хомячка. Полковник кивнул.

— Садитесь, господа, прошу. Кто начнет? Давайте вы, Константин Ильич. Выяснили, кто господин Юдзура?

— Выяснил.
— Так давайте.

— Владимир Алексеевич, человек, о котором идет речь — господин Киёмура Юдзура, представитель фирмы «Ицуми». Фирма занимается транспортными механизмами, измерительными приборами, судостроением.

— Давно этот Киёмура в Петербурге?

— Больше тринадцати месяцев. С мая прошлого года.

— Где живет?
— Его квартира на Второй линии Васильевского острова. Кроме того, на Садовой у него собственное бюро с секретаршей.

— Я вижу, у вас фото?
— Да, — ротмистр протянул Курново фотографию. Вглядевшись, полковник передал отпечаток Губареву.

Без всякого сомнения — на фото изображен Ахметшин-Юдзура. Курново снова взял карточку.

— Это он, Александр Ионович?
— Без всякого сомнения — он.

Полковник язвительно посмотрел на Ефимова.

— Слушаю вас, Константин Ильич. Что у нас на Танаку и Киёмуре?

Ротмистр, чувствуя разнос, насторожился.

— К сожалению, материал на Танаку скуден. Вы же знаете, Владимир Алексеевич...

— Что «знаете»?

Под «знаете» Ефимов подразумевал обширные связи Танаки при дворе. Но вместо этого сказал:

— Танака под моим контролем еще с МВД.

— Не разводите воду. Коротко.

— Возможно, он и занимается шпионажем, но ничего предсудительного...

— Факты, Константин Ильич, факты.

Видно было, что Курново теряет терпение. Ефимов опустил глаза и, стараясь отвести грозу, сказал почти беззвучно:

— Владимир Алексеевич, ведь вы все знаете. Донесения по поводу Танаки я подшиваю в дело регулярно. Досье огромно, но реальных компрометирующих материалов пока нет.

— Совсем нет?
— Реальных — увы.
Те, кто знал Курново, поняли бы, что он сейчас взбешен.

— А Киёмура?
— Его деловые контакты вне подозрений.

Курново притворно вздохнул.
— Ротмистр, я ведь прошу факты. У вас же одни слова. Когда Киёмура был в отъезде последний раз?

— Так как ротмистр медлил, он рывкнул:

— Когда?
— Сейчас, — Ефимов открыл папку. — Вот, шесть дней назад.

— Что — шесть дней назад?
— Шесть дней тому назад Киёмура вернулся из Москвы.

— Из Москвы? Вы уверены?
— Да, уверен. Он был там около

двух недель.

Все вынуждены были замолчать. Курново сделал вид, что разглядывает что-то в окне. Наконец спросил:

— Каким образом это установлено?

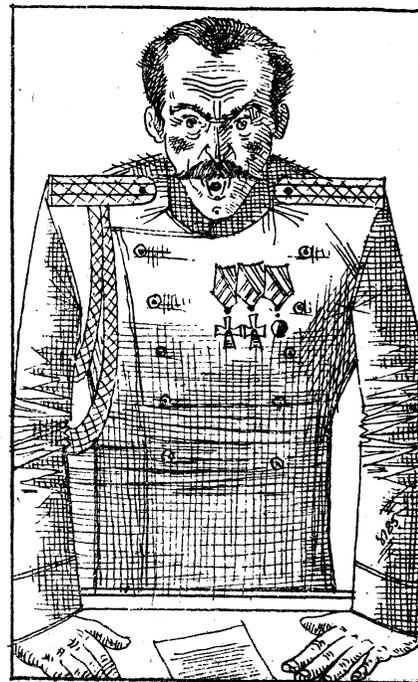
— Он отметился в консульстве.

— И все? Да не молчите вы, черт вас возьми! Я спрашиваю — в консульстве, и все?

— Да, все, Владимир Алексеевич.

Полковник взглянул на Губарева, усмехнулся:

— Ну и ну. Ротмистр, вообще какие у вас источники на Киёмуре?

* «Д. с. с.» — действительный статский советник, классный чин, соответствующий генеральскому званию.

** «Товарищ председателя» — соответствует званию первого заместителя.

Ефимов замялся, и Курново стукнул по столу.

— Да не бойтесь вы, черт вас возьми! При нем можно говорить! Источники?

— Простите, Владимир Алексеевич. Во-первых, о Киёмура нам сообщает его секретарша. Из конторы. Во-вторых, швейцар в жилом доме, занятом японцами.

— Дневной швейцар?

— Да, дневной.

— Хорошо, дальше.

— Прислуга, убирающая в квартире.

— Все?

Ефимов покосился на Полуэктова. Курново повторил:

— Я спрашиваю — все?

— Идут данные от Михаила Игнатьевича.

— Вы хотите сказать — из «Аквариума»? Он часто там бывает? Штабс-ротмистр?

Полуэктов от волнения побагровел.

— Довольно часто. Вот материал.

— Что скажете вы, ротмистр? Как часто этот Киёмура бывает в «Аквариуме»?

Ефимов поцарапал папку, будто в ней было спасение.

— Когда в Петербурге, почти ежедневно.

— С кем?

— Как правило, с сотрудниками посольства.

— Ротмистр, вы знаете, что такое служебное несоответствие? — Курново холодно улыбнулся.

— Ваше высокоблагородие...

— Как часто он отлучался из Петербурга? Отвечайте!

— Владимир Алексеевич, у него совершенно официальные деловые контакты. Он уезжал в Москву, Нижний, Самару.

— В Москву, Нижний, Самару? Вы это проверили? Нет? Послушайте, кто вам дал право так работать! Молчать!.. Идите, вы свободны.

— Владимир Алексеевич...

— Я сказал — идите.

Ротмистр, взяв папку и двигаясь боком, вышел из кабинета. Полуэктов побагровел еще больше. Курново, не глядя на него, достал из верхнего кармана батистовый платок. Вздохнув, приложил платок к носу, понохал и спрятал в карман.

— Михаил Игнатьевич, давайте посмотрим, что в «Аквариуме».

— С удовольствием, — Полуэктов раскрыл папку, сверху лежали личные дела. Штабс-ротмистр сейчас явно не спешил, стараясь выиграть время. — Как будем, выборочно или по списку?

— Все равно. Главное, чтоб были фото. Есть?

ИЗ РОДА СКОБЕЛЕВЫХ

Валерий ЯКОВЛЕВ

Суровой снежной зимой, совершив беспримерный переход через Балканы, корпус русской армии внезапно обрушился на турок, разгромил их под деревней Шейново, освободил Шипку и открыл главным силам дорогу на юг — к Стамбулу.

Корпусом командовал 35-летний генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Эта смелая атака явилась как бы венцом всей русско-турецкой войны 1877—1878 годов, которая привела к освобождению Болгарии от многовекового османского ига.

Герой Шипки и Плевны, Скобелев был пожалован золотой шпагой, украшенной бриллиантами, с надписью — «За переход через Балканы».

На самом юге Рязанской области есть маленькое село Заборово. Когда-то в его окрестностях и вправду шумел бор, но с годами он редел, таял, а потом и вовсе уступил место пашне.

Вокруг усадьбы разросся старинный парк. Весной он кипит чермуховым цветом, осенью пламенеет гроздьями рябины. Старожил села, бывший колхозный бухгалтер Иван Яковлевич Кузьмин рассказывает:

— Здесь была беседка. Тропинка от нее вилась к Титову пруду. Родничок и сейчас журчит, правда, раньше его оберегал сруб, но старый сгнил, а новый никак не соберемся поставить. А вон тот каменный дом еще при Скобелеве построен — «для увечных, проливших кровь на полях брани солдат». После революции его отдали под школу. И я сам в ней перед войной учился. Теперь новую построили, на центральной усадьбе, в Михалкове, а эту закрыли за ненадобностью.

Преображенская церковь, возведенная в 1763 году, возвышается своими красными стенами среди парковой зелени. В левом церковном приделе и был похоронен М. Д. Скобелев. Сейчас приделов нет, разрушились по ветхости, и могила лежит под небом, обнесенная чугунной оградой с округлыми чащами по углам, с цветами вокруг надгробной плиты — их сажают местные школьники.

Отец Скобелева — Дмитрий Иванович был боевым генералом. Вместе с сыном он участвовал в войне на Балканах, после взятия Плевны был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. А мать Скобелева — Ольга Николаевна возглавляла в это время Болгарское отделение общества Красного Креста, организовывала госпитали и лазареты, больницы и приюты для детей-сирот.

Она трагически погибла от злодейской руки уже после войны, 6 июля 1880 года, за два года до смерти сына. В Пловдиве ей был установлен памятник: русская женщина обнимает двух болгарских ребятшек. На постаменте надпись:

«Ольге Николаевне Скобелевой — вечно признательный город Пловдив».

На фоне бездарного командования во главе с братом царя великим князем Николаем Николаевичем-старшим молодой генерал Скобелев, безусловно, выделялся. Он был любимцем солдат. По свидетельству современников, солдаты, офицеры и болгарские ополченцы буквально носили его на руках. «...Люди ему верят и за ним следуют», — писал царю обер-прокурор святейшего Синода.

Царь Александр III, сменивший на престоле убитого народолюбцами Александра II, возненавидел Скобелева, серьезно и не без основания опасаясь его влияния на армию. Из Парижа Скобелев был срочно отозван в Россию и через несколько месяцев скорострительно скончался в возрасте 39 лет. В село Заборово на его похороны Генеральный штаб прислал венки с надписью на траурной ленте — «второму Суворову».

«26 июля 1882 года из жизни ушел человек громадного ума и блестящих способностей, наложивший отпечаток на жизнь России 70—80-х годов», — писала газета «Русь». Она же объявила всенародное пожертвование на памятник М. Д. Скобелеву, который был поставлен в Москве. (До наших дней он не сохранился.)

— А как же. Фото у меня на каждого. С кого начнем? С прислуги?

— Давайте с прислуги. И покажите фото Александру Ионовичу.

— Слушаюсь.

Продолжая выигрывать время, Полуэктов отобрал несколько дел, протянул Губареву.

— Смотрите, Александр Ионович, среди официантов — Киреев, Развалов, Лончаков. Это, так сказать, давняя агентура.

Губарев бегло просмотрел фото: во второго досье на него глянуло круглое лицо с нитевидными усиками. «Развалов Никанор Евсеевич, 1880 г. р. Православный. Женат. Член «С. р. н.»* Рекоменд. к агентурной работе — жанд. крп. МВД». Полуэктов пояснил:

— Это агенты среднего звена. Кроме того, метрдотель и шеф-повар. Александр Ионович, надеюсь, вы понимаете, имеются в виду только наши агенты. Люди охранного отделения делятся с нами, если попросим. Но их больше интересует уголовный элемент и контрабанда. С артистами так: их у нас шестеро. Иллюзионист Зауэр, невица Тарновская, четыре девицы из кордебалета: Негина, Ринк, Оссовская, Зарембалка.

— У японцев есть отношения с артистками?

— В частности?

— Меня интересует Танака или Киёмура.

— По нашей инициативе в связь с японцами девицы не вступали.

Губарев вернул фото штабс-рот-мистру.

— Спасибо. Вам ничего не говорит фамилия «Ставрова»?

— Шансонная субретка, сезонный ангажемент, как же. Очень хорошо знаю. Нет, на нас Ставрова не работает.

— На охранное отделение?

— Вряд ли, она им не нужна.

— А иностранцы?

— Если вы имеете в виду Танаку, скажу — есть сведения, что Танака делает Ставровой презенты в солидной сумме. Но считать, что Ставрова сотрудничает с японцами, пока нет ни оснований, ни материала. Как вам это объяснить... Вопрос несколько деликатный. Это театральный мир, у них свои законы: деньги, которые ей дает Танака, Ставрова делится с труппой. На их языке это называется парнос. Что же касается связи... Она может с ним, простите, спать, но насчет сбора шпионских данных — вряд ли.

Полуэктов ухмыльнулся. Губарев посмотрел на Курново: у меня, мол, все. Полковник кивнул.

— Спасибо, Михаил Игнатьевич. Я вас сегодня еще вызову.

Полуэктов вышел. Курново повернулся, каким-то особенно тягучим шагом подошел к столу, привстал на носках.

— Киёмура — лицо достаточно известное в Петербурге, — потерять ся теперь он не может. Думаю, это опытный разведчик, если нам ничего не может сообщить даже его секретарша.

Губарев хмыкнул.

— Слишком опытный.

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, секретарша перекуплена.

Курново взял с края пепельницы недокуренную сигару, прикурил, сделал затяжку. Положил сигару на прежнее место.

— Проверим, вполне может быть.

Но это только подтверждает нашу общую мысль — он опытен. Внедрять вас в «Аквариум» обычным, банальным способом глупо, с каждым из нашей агентуры могло случиться то же, в чем вы подозреваете секретаршу Киёмуры. В «Аквариуме» полно богатых бездельников, всевозможных незаконных греческих принцев, побочных детей бухарского эмира, наследников румынских миллионеров и так далее. Они сидят в варьете, пьют, путаются с артистками, непрерывно играют в бильярд и в карты. Я предлагаю вам стать одним из них, но этого мало. Нашей агентуре, а также людям охраны мы поручим следить за вами, как за предполагаемым германским шпионом. Именно германским, потому что в данном случае немцы нас не интересуют. Пусть себе проверяют свои списки, нам важно, чтобы эту новость узнали японцы. Бюджет ПКРБ ограничен, для того, чтобы по вечерам вы сидели в варьете, средств хватит, но в карты и бильярд — извольте выигрывать. Думаю, вам подойдет ампула сына владельца крупного имения, лучше всего с какой-нибудь германской фамилией. Квартиру снимете на Петроградской стороне, ознакомьтесь с вариантами — прямо сейчас, в хозчасти. Там же получите деньги и документы. «Аптекаря» предупрежу, дам ему все необходимые указания. Встречи со мной строго на конспиративной основе, запомните адрес: Кронверкская, пять, квартира три, условная фраза — вызов в банк. Самовольно явки в мой кабинет типа нынешней — запрещаю. Запомнили?

— Запомнил, Владимир Алексеевич.

— Тогда приступайте. С богом.

После ухода Губарева Курново попросил секретаря собрать ему весь возможный материал на Десницкого. В тот же вечер полковник позвонил графине Вендорф и скучным голосом сообщил, что с определением барона в ПКРБ придется подождать.

10.

Прежде чем зайти в хозчасть к «Аптекаря», Губарев решил навестить Зубина.

В палате, как и в прошлый раз, невыносимо воняло мочой, щами и портянками, и, когда Губарев оказался в дверях, его встретили такие же жадно-тоскливые взгляды. Но была и перемена — Зубин теперь сидел на кровати, положив на колени костыли. Губарева, ставшего безусым блондином, инженер не узнал, скользнул равнодушным взглядом и отвернулся. Пришлось позвать:

— Господин Зубин, к вам можно?

Зубин взгляделся, но только удивив знакомое движение глаз, ожил, замахал рукой, торопливо опустил костыли, крикнул:

— Стой там, Саша, не заходи! Я уже передвигаюсь!

Улыбаясь, заковылял по проходу. Подойдя, вытолкнул Губарева в дверь:

— Ну и ну. Да ты... Я бы тебя не узнал!

— Тсс! — Губарев оглянулся. — Без эмоций. Патентованная краска для волос — «Холлендер», как тебе?

— Потрясающе. А усы?

— Сбрил. Что, нельзя?

— Ради бога... Слушай, а я думал, ты уже не придешь... Да что мы здесь топчемся, пошли в сад!

В саду Зубин провел Губарева в уединенный уголок. Оглядевшись, остановился около присыпанной листьями скамейки, долго пристраивал костыль. Уселся, положил на костыль ногу в гипсе, подождал, пока сядет Губарев. Сказал, прищурив глаз и склонив голову:

— Красавица.

Ротмистр не сразу понял, что он имеет в виду ногу. Зубин добавил:

— Пальцы торчат, могу даже шевелить. Шемаханская царица.

Да, ему с инженером трудно — и в то же время легко и просто. Зубин с видимым удовольствием задвигал большим пальцем.

— Знаешь, Саш, сначала был уверен — останусь калекой. В худшем случае ампутируют, в лучшем — всю жизнь на костылях.

— А теперь?

Зубин подмигнул неизвестно кому, присвистнул.

* «С. р. н.» — «Союз русского народа», монархическая организация, входившая в состав так называемой «Третьей сотни».

— Теперь... Теперь, господа, шалите, не отдам ногу! Отнюдь! И жизнь не отдам! Уж очень хороша жизнь, а, Губарев? Просто думать о жизни — и то хорошо! А все остальное? — откинувшись, Зубин долго сидел с закрытыми глазами. — Чертов татарин... Кстати, как он? Ты его нашел?

— Нашел.

— Интересно. Кто же он в самом деле?

— Японский шпион.

— Ты говоришь так, будто тебя что-то смущает.

— Меня действительно что-то смущает.

Собственно, что он сейчас хочет сказать Зубину? Да все. Он хотел понять, что нужно было в Гатчине Киёмуре, и инженер действительно мог бы здесь помочь. Но дело не только в этом, а прежде всего — в их отношениях.

— Саша, так что тебя смущает?

Его смущает очень простая вещь: имеет ли он право обращаться к Зубину за помощью.

— Многое... Мы не мальчики, и мне важно знать, кто ты? Эсдэк*?

— Сразу видно, контрразведка. Нужна точность?

— Лично мне, Андрей. Мне лично, понимаешь?

Зубин начертил костью несколько палочек. Перечеркнул частокор.

— Хорошо, раз тебе... Будем говорить — эсдэк. Еще точнее: сочувствующую газете «Звезда». Доволен?

— Дело не в том, доволен ли я... Спасибо, что сказал. «Звезда» — значит, с Лениным и Плехановым?

— Осведомлен.

— Приходилось проглядывать литературу.

— С грифом «Для внутреннего пользования»?

— С ним... Не думай, я не слепец, вижу продажность начальства, жадность барахольщиков, забитость народа... Все это я вижу.

— Добавь: народа, до которого никому нет дела.

— Пусть так, но поймаи, за словом «Россия» для меня стоит кое-что еще. И это кое-что я так просто не отдам... Это кое-что может понять только тот, кто месил эту грязь. Кто ходил по этим улицам. Вдыхал этот воздух. Тот... Это нельзя объяснить, Андрей. Нельзя определить словами, разжевать. Это Россия и... Зрящий да узрит. Это слишком дорого... Вы же... Если идти до конца и отбросить фразы, вы хотите разрушить Россию...

Зубин следил за вздрагивающими,

ОРЛИНАЯ ДРУЖБА

Владимир КУРБАТОВ

На каникулы Сумкат приехал к деду, который жил у самого лимана, заросшего камышами. День можно брести камышовыми тропами — не выйдешь к морскому берегу. В стороне, где посуше, растут кустарники и одинокие деревья. Много здесь водится рыбы и птицы и зверь есть. Все это царство камышовое было дедовым. Он работал в этих местах егерем.

Далеко уходить в лиманные топи дед Сумкату не разрешал. Заблудиться можно, в трясину зайти. А хотелось мальчишке походить по камышам одному. Двенадцать лет прожил — ни одного приключения! Придешь в город, друзьям рассказать нечего. Сидит около дедова дома, на коз смотрит. Тоска зеленая!

И вот однажды к деду приехали люди. И он ушел с ними надолго. В этот день Сумкат отправился в камыши.

Он пробирался тропой, под ногами чавкала болотная жижа. Солнце начинало припекать. Вокруг стояла влажная духота. Вспугнул утку. С шумом и свистом пролетела она над ним. Испугала. Решил идти дальше не вдоль лимана, а подняться наверх, где на каменных уступах росли кустарники, зеленели кроны деревьев. Взялся долго по камням. И здесь Сумкат увидел орла. Он то повисал на одном месте, то, распластавшись, разрезая воздух, скользил боком. Потом стал снижаться. Сумкат рассмотрел в его клюве добычу. Орел приземлился за косогором и через минуту вновь взлетел, но уже без ноши. Мальчик бросился к тому месту. Камешки сыпались из-под ног. Рубашка стала мокрой от пота. Но вот, наконец, он вверху. Вокруг — густой кустарник, а за ним — поляна. Где-то здесь приземлился орел. И тут Сумкат увидел второго орла, потрошившего тушку зверька. Это была орлица. Услышав шаги мальчика, она оставила добычу и, волоча по земле крыло, бросилась в кустарник. Осмелев, Сумкат двинулся к ней. Птица подняла голову и грозно заклекотала. Сумкат отступил...

На другой день он вновь был на том же месте. Правда, на поляну Сумкат не вышел, а спрятался в камнях. Время приближалось к одиннадцати, как и вчера. Сумкат терпеливо смотрел вверх. Безоблачное небо. Прилетит ли на поляну орел? Да вот же, вот он! Маленькая точка, которую Сумкат сразу не заметил в небесном просторе, стала быстро увеличиваться. Орел сделал круг над полянкой и стремительно-легко сел. В клюве у него опять была добыча. Из кустов сейчас же, волоча крыло, засеменила орлица. Орел негромко, будто радуясь, зарокотал. Потом птицы замерли, застыли друг около друга. Так они стояли с минуту. Но вот орел вновь издал гортанные звуки, разметал крылья и плавно взлетел. Его подруга захлопала здоровым крылом, будто тоже хотела подняться, но вскоре успокоилась и принялась клевать свой завтрак.

Вернувшись домой, Сумкат увидел деда.

— Куда ходил? — спросил тот строго.

— В камыши, — твердо ответил мальчик.

— Я запретил тебе ходить туда.

— Я ходил по тропе и... недалеко.

Дед посмотрел на внука. «Мальчик становится мужчиной, — думал дед. — Его уже не удержишь у порога. И как всякий настоящий мужчина, он хочет знать, что за горизонтом».

— Что же увидел ты на камышовой тропе?

— Птичью беду, дедушка.

На следующий день они нашли орлицу и принесли ее домой. Вместе с дедом обработали рану. «Срастется крыло и будет летать», — сказал дед Сумкату. Потом орлицу отнесли на старое место.

Сумкат каждый день ходил смотреть встречи орлов. Однажды, недели две спустя, орел не прилетел. Сумкат очень разволновался. Что же орлица? Он бросился на поляну, обшарил все кусты, изранил до крови руки о колючки, но птицы не нашел. Кто сделал ей зло?! Мальчик упал в траву и заплакал. А над ним опрокинулось бездонное синее небо. И вдруг Сумкат увидел в нем две маленькие точки. Они быстро увеличивались. Орлы! Вдвоем! Птицы плавно кружились над поляной, будто прощались. Сумкат вскочил, замахал руками: «Орлы, я здесь! Вы молодцы, орлы!».

* Эсдэк — принятое в 1911 году обозначение членов РСДРП.

будто пытающимися запыгать по дорожке листьями. Вздохнул.

— Саша, ты опутан предрассудками, не буду пока их трогать... Хорошо, ту Россию, которая есть, мы действительно хотим разрушить,— отогнул халат, показал на груди шрам от пулевого ранения.— Не думай, что только ты ходил в атаку. Мне тоже приходилось считать дырки, и это не одна, есть еще... На ящиках с динамитом спать приходилось, кровью харкать после побоев,— усмехнулся, стал вдруг совершенно спокойным.— Саша, я тебе открылся, поэтому мне терять нечего... Скажи, теоретически — ты мог бы достать чистый паспорт?

— Чистый паспорт?

— Да?

— Тебе?

— Повторяю, мой вопрос пока лишь теоретический.

— Н-ну... Наверное, мог бы.

Некоторое время они сидели молча.

— Ладно,— Зубин улыбнулся.— Будем считать, этого разговора не было.

— Хорошо. Как прикажешь.

— Вернемся к татарину.

— К японцу.

— Прости, к японцу. Ты говоришь, он шпион?

Что ж, подумал Губарев, теперь легче, по крайней мере они объяснились. Насчет же паспорта — все ясно...

— Шпион, но я ничего не могу понять. На нашем аэродроме Ахмета интересовало одно: воздушные змеи системы Ульянина. Если рассуждать здраво, змеи системы Ульянина не могут интересоваться иностранную разведку.

— Ты прав, агрегат не ахти.

— Ахмет же интересовался только змейковым сектором.

— Может, только показывал, что интересуется?

— Чем же тогда?

— Мало ли. Новой техникой.

— Нет. Я проверял.

— Забавный японец. Где он сейчас? Вообще, кто он?

— Представитель фирмы «Ицуми».

— Уже год живет в Петербурге.

— «Ицуми»? По-моему, эта фирма не имеет никакого отношения к воздухоплаванию.

Зубин сделал вид, что трогает костылем листья, и Губарев вдруг понял: то, что он рассказывает сейчас инженеру, очень походит на легенду — разработанную, чтобы снова войти в доверие. Зубин ему не верит. Обидно.

— Она и не должна иметь отношение к воздухоплаванию. Иначе была бы плохой «крышей».

Зубин начертил на песке костылем крышу, зачеркнул крест-накрест.

— Я знаю, что такое «крыша», мы ведь с тобой полностью объяснились... Значит, японец — и змеи... Подожди, по-моему, на Одесской выставке... Да, в прошлом году, кажется, Ульянину присудили в Одессе золотую медаль. Именно за змейковый поезд, за разработку системы. Не ошибаюсь?

— Да, золотую медаль, ну и что? Сколько таких медалей кануло в Лету?

— Ты прав...— Зубин некоторое время сосредоточенно разглядывал землю.— Как я понимаю, ты хочешь, чтобы я тебе помог?

— Ничего не имел бы против.

— Ладно, подумаю над твоим японцем, времени у меня сейчас много. Если что новое появится о нем, сообщишь?

— Сообщу.

Зубин снял ногу с костыля, попросил взглядом: помоги встать. Двинулся, с силой втыкая костыли в песок. Губареву, чтобы успеть за ним, пришлось поднажать. Остановившись у входа в госпиталь, инженер сказал глухо:

— Я вот все думаю, кто же ты такой? Верный слуга режима, последняя, самая надежная опора?... Но есть во всем этом какая-то щербинка. Понимаешь, вдруг среди всеобщей мерзости, по-другому и назвать нельзя, непостижимым образом ты ухитряешься остаться честным. В чем дело, объясни? Это не щербинка даже, просто феномен какой-то?

— Ну-ну. Сейчас я сам перед собой снимаю шляпу.

— Я ведь до последней минуты был в сомнении, не подстроена ли вся эта история?

— Какая?

— С японцем... Саша, не делай круглых глаз, не на такого напал. Именно подстроена, чтобы взять меня на крючок,— глаза у Зубина смеются.

Да, с улыбкой выслушать это легче...

— Навестишь еще?

— Куда ж я от тебя денусь?

— Ладно. Буду ждать,— повернулся, не оглядываясь, захромал к палате.

11.

Из госпиталя Губарев отправился в хорошо знакомое ему место, так называемую хозчасть, специальное отделение контрразведки, обеспечивающее агентов необходимым инвентарем и документами. Непосредственно в хозчасть, которой заведо-

вал опытный специалист, отставной штабс-капитан Трухнов, носивший кличку «Аптекарь», допускались не все, лишь особо доверенные. К этим лицам относился и Губарев. Сама по себе хозчасть была небольшой квартирой на Владимирском проспекте; позвонив и увидев открывшего дверь низенького, с пышной седой бородой «Аптекаря», Губарев дружески улыбнулся:

— Здравствуйте, Севастьян Сильч. К вам, не прогоните?

«Аптекарь» усмехнулся.

— Как можно, Александр Ионович, жду, предупрежден, проходите,— пропустив Губарева и плотно прикрыв дверь, хозяин двинулся в глубь квартиры. Губарев уверенно пошел за ним; здесь, в небольшой комнатке, он уже не раз получал то, без чего немислима деятельность агента: добротные сработанные фальшивые документы, специально сшитую, снабженную тайниками одежду и обувь, средства для тайнописи, прочий инвентарь. Поинтересовался:

— Цель моего задания известна?

— Владимир Алексеевич меня уведомил. Вот...— хозяин квартиры показал на разложенные на столе пустые бланки.— Как я понял, вы должны стать русским с немецкой фамилией?

— К тому же связанным с германской разведкой.

— Именно. Фамилию и имя я пока не поставил. Может быть, у вас есть какие-то соображения?

— Я хотел бы фамилию немецкую, но такую, чтобы можно было при случае выдать ее за княжескую.

— Это обязательно?

— Место моего внедрения особое — «Аквариум». Сами понимаете, с титулом там работать легче.

«Аптекарь» задумался.

— Вообще-то русские немцы с княжескими фамилиями крайне редки,— подтянул к себе генеалогическую книгу, полистал.— Давайте-ка дадим вам австрийскую фамилию. Австрийцы те же немцы, зато почти любая австрийская фамилия может сойти за княжескую.

— Я не против.

«Аптекарь» отчеркнул ногтем одну из строчек.

— Ну, например, Нейштадт?

— Только не Нейштадт, у меня был приятель Нейштадт.

— Ну, голубчик... Тогда выбирайте сами.

Губарев перекинул страницу.

— Вот хорошая фамилия: Остерман.

— Отлично, есть херсонские Остерманы, из австрийцев,— «Аптекарь» подтянул к себе пустой бланк паспорта.

— Может быть, имя оставим мое, я к нему привык?

— Прекрасно, только теперь не мешайте, я заполню бланк...

Губарев следил, как «Аптекарь» четким, хорошо поставленным почерком заполняет пустой паспорт. Когда работа была закончена, вздохнул — чуть громче, чем следовало. Хозяин квартиры покосился.

— Что-нибудь смущает?

— Если иметь в виду качество вашей работы — ничего. Но у меня есть некоторые соображения.

— Слушаю?

— Вы сами знаете, как нелегко в чем-то убедить людей, приходящих в «Аквариум». А они, как вам известно, должны считать, что я работаю на германскую разведку.

— Понимаю.

— Так вот, я хотел бы подсунуть тем, кто будет мной интересоваться, некоторые доказательства этой моей работы на немцев. Причем доказательства достаточно убедительные. Снабдите меня нужными аксессуарами, а я позабочусь, чтобы их «обнаружили».

— Что же вам дать? Может быть, средства для тайнописи?

— Неплохо, Севастьян Силыч, но не забудьте — на них не написано, что они немецкие. Думаю, были бы кстати бланки немецких документов.

— Документов?

— Да. Естественно, незаполненных. Помедлив, «Аптекарь» подошел к шкафу, открыл один из ящиков.

— Что ж, у меня есть паспорт. Но учтите, это довольно ценный материал.

— Это и хорошо. Ценный материал, как известно, наиболее убедителен. «Аптекарь» достал несколько незаполненных паспортов.

— Сколько вам дать? Два хватит?

— Можно два, но на всякий случай лучше три.

«Почему три? — спросил сам у себя. — Для ровного счета?»

— Надеюсь, они сработаны не здесь?

— Что вы, Александр Ионович... натуральные...

Отбрав три новых германских паспорта, хозяин квартиры передал их Губареву, вручил ключ от его новой квартиры, деньги и одежду. Спрятав все полученное от «Аптекаря» в саквояж, Губарев расписался в получении и спешно отправился к новому месту жительства. Он должен был подготовиться к вечеру.

В «Аквариуме» ротмистр был, как и полагается завсегда, к середине гала-концерта.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

БИОГРАФИИ КАЛЕНДАРЕЙ

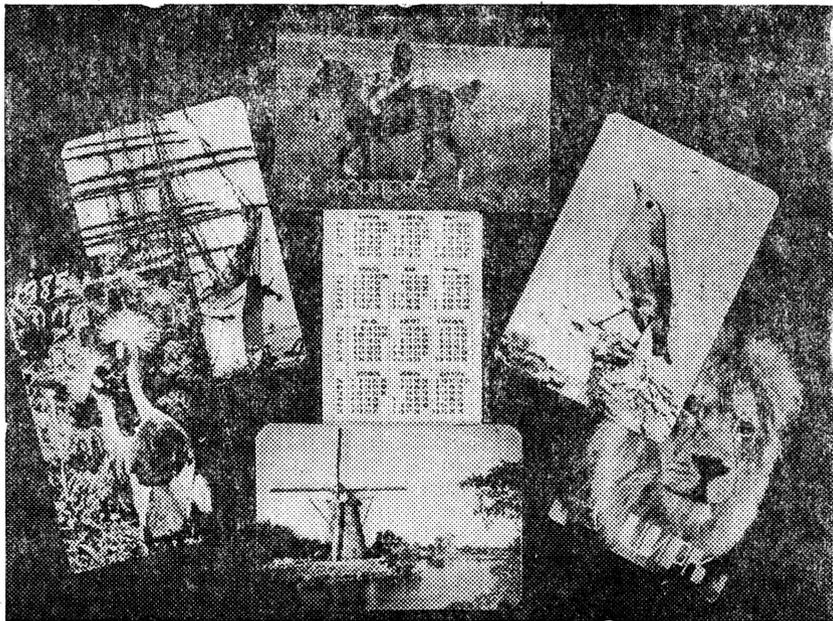
ДМИТРИЙ ОДИНЦОВ

В миниатюрных календарях, ставших предметом массового коллекционирования, часто, словно в фокусе, отражаются самые существенные приметы времени.

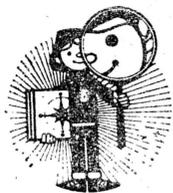
После принятия решения о календарной реформе Совету Народных Комиссаров было предложено два проекта нового календаря. 24 января 1918 года СНК принял «Декрет о введении в Российской Республике западно-европейского календаря», подписанный В. И. Лениным. И уже к первой годовщине Октябрьской революции был выпущен «Первый народный календарь на 1919 год», изданный ВЦИК РСФСР. Первый карманный календарь привычной для нас формы увидел свет в самом начале 1919 года в Ленинграде. Его выпустил «Дворец Труда». По нему можно было определить дату и по старому, и по новому стилю. В первых советских календарях («Всеобщий настольный календарь», «Рабочий настольный календарь», «Памятка для крестьян на 1923—1924 гг.» и другие) были опубликованы яркие агитационные тексты и рисунки. В начале 20-х годов появились карманные календари одно- и двухлистки — подлинные произведения издательского искусства.

В моей коллекции есть один из них — «Карманный календарь на 1922 год», изданный в типографии Политуправления Петроградского военного округа. Он скромен по оформлению, напечатан на некачественной зеленой бумаге — какая уж нашлась в типографии в тот момент. Но когда держишь его в руках, чувствуешь: этот листок прошел через многие бури.

На многие годы вперед позволял планировать время малоформатный «Календарь-идеал», имевший таблицу и передвижную обложку, которую можно установить на любой месяц любого года XX века. Впервые он увидел свет в 30-е годы. Теперь в Ленинграде издаются десятки разновидностей «вечных календарей» с вращающимися круглыми пластинками. В нашей стране издаются мини-календари с простым и стереоскопическим изображением — на бумаге, пластике, металле. Они хорошо иллюстрированы. Даже те, кто не собирает календари, хорошо знают серии миниатюр, посвященных городам-героям, природе нашей Родины, противопожарной охране, с рекламой Госстраха.

Из коллекции Свердловского филолайста Н. Нестерова

МИР НА ЛАДОНИ

Подсолнечник, присланный в Японию из Советского Союза, оказался прекрасным «фильтром». Разведенный там, он, в частности, высажен на полях вдоль оживленной автомагистрали. Воздух в окрестностях всегда остается чистым. Японские ученые определили, что хорошо очищают воздух также рис и тополь.

Норвежские специалисты обнаружили с помощью сейсмической аппаратуры на дне моря Уэддела горный хребет, высота которого на отдельных участках достигает 2500 метров. Возможно, это открытие станет подтверждением гипотезы о существовании древнего материка Гондваны (в его состав, полагают, входили большая часть современной Южной Америки, Африка, Мадагаскар, Аравия, Индостан, Австралия и Антарктида; в мезозое — около 200 миллионов лет назад — материк начал распадаться, и к концу мелового периода на лике Земли появилось то, что мы видим). С гипотезой согласуются данные палеомагнетизма.

На севере Мексики водятся мохнатые змеи. Нередко маленькие мексиканцы играют с ними, словно с котятками или щенятами. Это абсолютно безобидные травоядные пресмыкающиеся. В зависимости от времени года шерсть этих змей меняет окраску от рыжей до коричневой.

На расстоянии трехсот световых лет от нас находится редчайшая для Вселенной звездная система с сильно намагниченным,

ярким и плотным «белым карликом». Ее открыли в созвездии Колумбия австралийские астрономы.

Гимназисты Вадуца — столицы княжества Лихтенштейн — предложили объявить одно из воскресений «безавтомобильным» днем. Владельцы машин и мотоциклов согласились. Было много гуляющей публики, велосипедистов, лишь изредка на дорогах княжества появлялись почтовые или патрульные полицейские автомобили. В этот день резко снизилось содержание вредных веществ в воздухе.

Выхлопные газы дизельного автомобиля, на котором разъезжает владелец ресторана Эрнст Баник (Кельн, ФРГ), напоминают многим запах... жареного картофеля. Оказалось, Баник сливает в бензобак использованное в ресторане для приготовления картофеля «фри» растительное масло — около пяти тысяч литров в год. Годовой пробег его автомобиля — 27 тысяч километров.

В Южной Австралии была недавно найдена крупная челюсть неизвестного животного. Только спустя много дней специалисты Сиднейского палеонтологического музея опознали ее. Оказалось, это — челюсть вымершего гигантского коала. Сумчатый медведь коала был когда-то вдвое больше, чем его современные сородичи.

Сумчатые — наиболее примитивные из ныне живущих живородящих млекопитающих — распространены в Америке (от Канады до Огненной Земли), в

Австралии, Новой Гвинее, на острове Тасмания, некоторых Зондских островах, известны в Новой Зеландии (туда завезены несколько видов кенгуру). Если самые маленькие сумчатые — плоскоголовые мыши — имеют длину тела от 4 до 10 сантиметров, то самые крупные — серые кенгуру — вырастают до 160 сантиметров. Некогда сумчатые жили и на территории Европы. Среди ископаемых южноамериканских сумчатых известны гиганты размером с медведя.

Всего три года (после исследования тихоокеанских термальных источников) считалось, что 300 градусов по Цельсию — наивысшая температура, при которой могут существовать бактерии. Опять же на дне Тихого океана обнаружены теперь источники с температурой 400 градусов. И в них обитают живые организмы! Это — бактерии, трубчатые черви, крупные раковины-моллюски.

Кочи Дежнева

В Архангельске на Соломбальской судовой верфи были построены два старинных парусных судна для художественного фильма Сергея Герасимова «Юность Петра». Потом эти судна снимались в многосерийном художественном фильме «Россия молодая». Свердловские кинематографисты попросили переделать боты петровских времен в сибирские кочи для фильма «Семен Дежнев».

С трудом были доставлены корабли в Свердловск, на Верх-Исетский пруд, где и были сняты кадры прохода кочей по водам открытого Семеном Дежневым пролива, который потом назовут именем Беринга.

На снимке: коч Дежнева — кадр из фильма «Семен Дежнев».

Б. ЕФИМОВ

Будут шагающие-«сибиряки»!

До сих пор только Уралмаш и уралмашевцы выпускали в нашей стране шагающие экскаваторы. Однако очень скоро мы услышим и о сибирских, точнее, красноярских шагающих гигантах. Уралцы передали молодому коллективу Красноярского завода тяжелых экскаваторов конструкторскую и технологическую документацию на производство машины с ковшом емкостью 40 кубометров и 85-метровой стрелой-«рукой». Причем довели экскаватор, можно сказать, до совершенства: ЭШ 40/85 аттестован на высшую категорию качества.

...Осуществление Энергетической программы принятой партией, во многом зависит от того, будет ли наша страна иметь в ближайшее время достаточное количество мощной техники для работы в суровых условиях. Ведь необходимо освоить южно-якутские, восточно-сибирские угольные месторождения. А там — очень холодно.

Будущий красноярский шагающий рассчитан на безостановочную работу при морозах в 50 градусов. Его основные конструкции и механизмы изготавливаются из специальных сталей, имеют надежные системы управления. В кабине машинистов — усиленный обогрев.

Интересно, что на испытаниях в Азейском разрезе объединения «Востсибуголь» ЭШ 40/85 показал силу не только своей «руки», но и своих «ног». Он ежечасно «перелопачивал» 1400 кубометров земли, прикрывающей угольные запасы, а это больше расчетной производительности машины; одновременно шагающий преодолел 15 километров рабочей дороги.

На самом Уралмаше для работы в северных условиях готовят еще более сильные шагающие экскаваторы — с ковшем емкостью 65 кубометров и 100-метровой стрелой.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Самолет «Нетте»

Всем известно стихотворение Владимира Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», написанное поэтом после встречи в Черном море с кораблем «Теодор Нетте».

Пароход этот как-то «затмил» самолет «Нетте», который 3 октября 1926 года был передан отдельной легкомоторной эскадрилье. Сбор средств на постройку самолета был всенародным.

В специальной грамоте говорилось:

«Мы поручаем вам в трудном, опасном, но вместе с тем высокопочетном деле защиты неприкосновенности и безопасности единственной в мире Республики рабочих и крестьян быть столь же бесстрашным и смелым, и разящим, каким был герой-коммунист товарищ Нетте».

Грамота эта была вручена начальнику эскадрильи.

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

Два века на дне

Аквалангисты подняли с волжского дна у Калининского речного порта шестнадцать крупных полых шаров. Старинные ядра? Нет, не ядра — бомбы для мортир, которые были на вооружении русской армии с конца XVIII века до Крымской войны 1853—1856 годов, уточнили ученые-историки. Скорее всего, при перевозке бомб в петербургский арсенал судно село на мель, часть груза пришлось сбросить в воду. Найденные случайно шары-бомбы относятся по времени к началу производства подобных боеприпасов в России. Каждый шар весит 80 килограммов, диаметр — почти полметра.

Г. ВОРОНИН

Гепард и спортивный автомобиль

Гепард — один из самых быстрых зверей на земле. Пожалуй, конкуренцию в скорости ему могут составить лишь страус да некоторые виды антилоп. Но вот в ускорении, с которым сильный и ловкий хищник начинает бег, гепарду нет равных не только среди зверей, но и... среди гоночных автомобилей. Всего за одну секунду после старта гепард может развивать скорость до 70 километров в час!

Г. ФРОЛОВ

МГНОВЕНЬЯ И ВЕКА

Ст. 4-ю стр. обложки

Каждый новый год обостряет чувство времени, нарастающее на философский лад... На протяжении двух лет мы печатали на последней странице обложки снимки музейных раритетов: таким образом мы как бы исследовали вещественные отложения минувших эпох.

В этом номере, заканчивая серию публикаций из уральских музеев и собраний коллекционеров, хочется поговорить вот на какую тему. Полтора века назад изобретена настоящая «машина времени» — фотоаппарат. Он с недоступной для пера и стиха точностью запечатлевает мгновенья века... на века. Светописцами стали миллионы людей. Конструкторы создали тысячи самых различных фотокамер — от миниатюрных, вмонтированных в пуговицу, до огромных, которые едва помещаются в кузове грузовика. Но, шутят фотографы, «Кодаки» и «Киевы» умеют только щелкать затвором, а думают — те, кто снимает. Будем же зоркими и с «Зорким» в руках! Поспешим увековечить, к примеру, то, что исчезает в отечественной культуре на наших глазах — старинные дома, утварь дедов, технику, сотворенную до эры электричества. Впрочем, и нынешние новинки когда-нибудь станут музейными экспонатами. Поэтому сохраним и их на фотопленке...

Фотолюбители жизнелюбивы. Они цементируют общественную память. Не жалеют труда и времени, чтобы рельефнее нарисовать образ века. В этом убеждаешься, когда просматриваешь коллекцию снимков «Фотографы», которую собирает свердловчанин Евгений Бирюков (часть ее мы показываем на обложке). В композиции редких снимков есть мальчик с фотоаппаратами... Да, это замечательное племя энтузиастов — собиратели, коллекционеры — не обошло вниманием и фототехнику. Они собирают и «машины времени», воссоздают историю светописа. От их имени можно сказать: сохраняя для потомков незабвенные мгновенья своей жизни и важные моменты истории, сохрани также для будущего и свой фотоаппарат. Он (может так оказаться) — неповторимой конструкции или выпущен малой серией и, значит, станет раритетом.

Забьются — спору нет — о дне будущем, но живи — историей! Только такое чувство наполняет внутренний мир светом. И тогда яснее видны дали прошлого и будущего в видоискателе фотоаппарата, который вы, конечно же, возьмете в руки и в новогодние праздники, чтобы запечатлеть смену лет во всем ее необъятном многообразии...

Ю. АЛАН

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1985 ГОДУ

ПРОЗА

- Бриль Ю. Его сад. № 12.
Жаров Л. Словарь Хорнби. № 8.
Иванов В. Война и мир в третьем «б». № 5.
Книги наших авторов. № 6.
Кузнецов Е. Контрольный срок. № 6.
Лившиц Д. Попурри на военную тему. № 4.
Одинцов М. Преодоление. № 2, 3, 4.
Пашин В. Урок. № 5.
Привалихин В. Время цветения папоротника. № 1.
Привалихин В. Сто императорских карабинов. № 6.
Ромов А. Ротмистр авиации. № 11, 12.
Салтуп Г. Святое дело — артель. № 12.
Фомин Л. Часы фирмы «Мозер». № 5.
Черненко М. Точки пересечения. № 8, 9, 10.
Чумичев Л. И тем не менее... № 7.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

- Андреев Я., Галюдкин В., Долгирева Г., Макуров В., Тихомиров В. С думою о Родине своей. № 11.
Архипов Ф., Кердан А., Николаев В., Суворов В., Тулин В. Опять в душе отозвались... № 4.
Богатков Б., Винтман П., Городисский З., Лузгин В. Сто семьдесят два сантиметра — вперед!.. № 5.
Горбунов С., Камышников С., Кожевников П., Кравцов К., Прохоров М., Сметанин С., Тютрина Е., Усатенко Н. Идем и добываем пламень, № 10.
Домовитов Н. Спелых ягод горькая варя. № 3.
Иванов Г. ...Любовью моей и стараньем. № 1.
Кондратович-Сидорова В., Лобанцев Ю., Сахновский И., Сотникова И., Гарханова С., Шамсутдинов Н. Стихи. № 6.
Марласов А. Вокруг снега, как облака... № 12.
Марченко С. Начинаясь жизнь... № 8.
Сорокин Л. Я встревожен звездной тишиной. № 2.
Стандев В. Смотрю я памяти в глаза... № 5.
Чечулин А. Не в чем нам природу укорить... № 9.
Чуманов А., Шепелева З., Шкавро Л. А было на закате лето... № 7.

МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА

- Биленкин Д. Сила сильных. № 6, 7.
Бугров В. Фантастика под микроскопом. № 12.
Дробиз Г. Юморист в машине времени. № 12.
Жариков В. Посадить сад. № 4.
Карташкин А. Свет солнечный. № 8.
Колпаков А. Когда книги не умирают. № 5.
Крапивин В. Мальчик и ящерка. № 1, 2.
Миронов О. Ночной бомбардировщик. № 5.
Морсков А. Сопутствующий эффект. № 8.
Надеждин Д. Логово сатаны. № 4.
О мальчишках, о дружбе, о добре... № 11.
Прашкевич Г. Костры миров. № 10, 11.
Ревич В. «Это не утопия, а современность...» № 7.
Свиридов Т. Конец охотничьего сезона. № 9.
Сыч Е. Параллели. № 8.
Тимергалин А. Сказка. № 8.
«Фантастика — лишь продолжение»... № 10.
Худяков В. Стимул. № 4.
Чуманов А. Розовое облако. Удача. Социдатель Кудрявцев. № 3.
Н. Ф. калейдоскоп. № 1, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ. НАЙТИ СЕБЯ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ. ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ. СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

- Абрамов А. В Словакии, в сорок четвертом... № 5.
Абрамов А. Офицерская доблесть. № 10.
Алебастров И. Последние дни Верещагина. № 4.
Андреева Н. Профессия для настоящих мужчин. № 8.
Андреев Я. Флаг над школой. № 10.
Бармасов Г. Пилотка. № 5.
Белковский С. В танке с фотоаппаратом. № 5.
Булгакова О. Мы из Игарки. № 3.
Васильев В. Свое слово. № 4.
Воробьев В. «...План захвата утвержден!» № 3.
В камере № 7. № 6.
Гагин Б. Мальчишки у станков. № 5.
Гашков И. С думой о будущем. № 1.
Данилин В. Когда в руке пистолет... № 9.
Дети разных народов, мы мечтою о мире живем... № 7.
Дунаев Ю. Именные часы. № 8.
Енакаев Р. Память не расстрелять. № 7.
Квирквелия О. Идти исчезнувшим следом. № 8.
Клочков В. Юность дипкурьера. № 12.
Кокоршко Ю. И где-то за стволami море. № 2.
Колеватов Н. «Осторожно: варенье!» № 12.
Коркодинов С. Зажигалка. № 5.
Коркин В. По местам ссылок. № 6.
Корниенко И. Впереди была весна. № 5.
Корниенко И. Осколок зеркала. № 9.
Костромин В. Два имени на обелиске. № 2.
Ломакин С. Цыган. № 1.
Любарская А. Зачем отроку рубль? № 9.
Манец А. А дороги не кончаются... № 12.
Матвеева Л. Высоты отцов — высоты сыновей. № 8.
Меньшикова М. Мальчишка на войне. № 5.
Мешавкин С. От пуговицы на гимнастерках до тяжелых танков. № 5.
Мешавкин С. Речные ворота Ямала. № 7.
Мещеряков Б. Ямская, дом 2... № 7.
Мотырев А. Работать по-стахановски! № 8.
Мурзиков С. Щит необоримый. № 5.
Мыльников Н. Десантник Алексей Упоров. № 1.
Никонов О. Полигон. № 3.
Орешко А. Флаг над рейхстагом. № 5.
Пинаева М. Пятёрка по этике. № 9.
Прокопечко В. «Слушай, доча...» № 4.
Савинцев В. Часы идут 220 лет. № 12.
Самсонов В. Под крылом — Берлин. № 5.
Сергеева Л. «Последнего взмаха не будет у весел...» № 8.
Снигирев В. Ленкина школа. № 11.
Товарищ Андрей. № 6.
Турунтаев В. Хозяйственный парень. № 1.
УшакOVA О. Инженеры грядущего века. № 12.
Хлеб грядущего тысячелетия. № 6.
Цесюлевич Л. Знамя Рериха. № 12.
Что там, в глубинах Урала? № 10.
Чтоб стать стюардессой... № 4.
Чумичев Л. Госпитальные рассказы. № 5.
Шамсутдинов Н. Странички сургутской тетради. № 1.
Шмерлинг С. Хозяин огня. № 7.
Щенников Б. У войны законы жестокие. № 11.
Юные — о мире, войне, подвиге. № 5.
1941—1945. Из летописи подвига. № 5.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. ДАВНЫМ-ДАВНО. ПО БЕЛУ СВЕТУ. СТРАНА ТОПОНИМИЯ

- Алексеев Б. По долгу памяти. № 12.
 Балабанов О. Тайны тибетской медицины. № 9.
 Белокуров К., Комлев А. Далекое, но близкое восьмивековое «Слово». № 9.
 Бердинских В. Находка в архиве. № 3.
 Большаков Л. Дорогами старых книг. № 2.
 Бранловский Г. Фрегат, связующий века. № 11.
 Брудкая Л. Новоселебные книги Кунгура. № 4.
 Васильев В. Списан... с Твардовского. № 11.
 Галай Ю. Профессор Кулибин. № 4.
 Гериханов Х. Кабинет редактора. № 5.
 Гомельская С. Живая энциклопедия Урала. № 9.
 Горюн А. Лики предков, или Рассказ о том, как реставраторы восстанавливают Спас на Ковалеве — храм, разрушенный фашистами. № 3.
 Дмитриев Б. Композиция. № 9.
 Дьячков Т. Иван Ефимов из рода Демидовых. № 4.
 Зайцев Г. Письма Корзухина. № 3.
 Каменев В. Романист С. Ковалевская. № 11.
 Каргалов В. Когда Сибирь стала русской. № 1.
 Коровин А. Часы подпольщика. № 6.
 Крутогоров Ю. Повесть об отроке Зуеве. № 6.
 Куваев О. По земле чаучу и кавралинов. № 10.
 Куличкин С. Отважные всадницы. № 3.
 Купченко В. Принцесса Катя Десницкая. № 11.
 Курашова Т. Музей тысячелетий. № 12.
 Курбатов В. Всему бывает начало... № 10.
 Лясик С. Кто изобрел громоотвод? № 7.
 Максяшин А. Из жизни крепостного художника. № 11.
 Марков Б. Семья героев. № 11.
 Матвеев А. Вверх по реке забвения. № 8.
 Мосин А. Два желания Павла Демидова. № 4.
 Непени И. Энциклопедист из народного училища. № 11.
 Пашин В. Григорий Титов из Вешенской... № 4.
 Петров В. В переводе Алексея Домнина. № 9.
 Плотников И. «Я умираю за идею...» № 10.
 Полякова Е. Расспросные речи чердынцев. № 9.
 Прусс А. Учредить полицейский надзор... № 4.
 Родословная «Уральского следопыта». № 4.
 Ростов В. Псевдоним стал фамилией. № 11.

- Семенов М. Президент академии. № 8.
 Соседов А. Фамильная черта Суворовых. № 12.
 Федоров Г. Меткое слово. № 5.
 Челышев Б. Проездом из ссылки... № 9.
 Чикин В. Боярин флота российского. № 4.
 Шориков В. Два выстрела в Лесном. № 10.
 Шумов В. Философ и правдолюбец. № 11.
 Яковлев В. Из рода Скобелевых. № 12.
 Якубовский Э. Летучий голландец. № 3.

НАУКА И ТЕХНИКА. РУКОМЕСЛА. КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ

- Алан Ю. Машины прошлого века. № 7.
 Андреев Я. Железо делают... в музее. № 1.
 Бульванкер В. Ищу памятник... пещеру. № 6.
 Глейзер М. Старый каталог. № 6.
 Заводское зодчество. № 6.
 Липатников Ю. Уральский самовар. № 2.
 Липатников Ю. Память о семейном очаге. № 4.
 Липатников Ю. Что лежит на поверхности. № 7.
 Липатников Ю. Сигналы сердца. № 10.
 Марков Б. Оружие победы: «катуша», «ванюша», «андрюша». № 5.
 Новиков А. Украсить книгу. № 8.
 Одинов Д. Биографии календарей. № 12.
 Омельчук А. Олений рог и «золотая баба». № 10.
 Останин Ю. Лесная стража. № 8.
 Соколов В. Знаки на значках. № 7.
 Столицин В. Звоны прошлого века. № 8.
 Стрела времени. № 1.
 Ферсман А. «Да здравствует солнце победы, да скроется тьма!» № 5.
 Шварцман Н. На почтовых миниатюрах. № 6.
 Якубовский Э. Жуки песчаных холмов. № 11.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ. УРАЛЬСКИЕ ЗАКРОМА

- Барков А. Таежные были. № 10.
 Блинов В. Черный чугунок, картошка в мундире... № 7.
 Богоявленский Л. Богатыри. № 4.
 Богоявленский Л. Удивительная ругоза. № 7.
 Весна. Народный календарь. № 3.
 Капорейко О. Летящие в ночи. № 9.
 Каргаполов В. Артынский жура. № 11.
 Костров М. Ильмень. № 2.
 Кузьмин В. Турист — это звучит... № 2.
 Курбатов В. Барабань на всю планету. № 3.
 Курбатов В. Орлиная дружба. № 12.

- Липатников Ю. Внимание, Rattus! № 3.
 Любить — значит воспитывать. № 11.
 Машкина Н. Чем заняться сенбернару? № 6.
 Никольский И. Голоса в лесу. № 8.
 Персоридорога М. «Партизанка». № 2.
 Попов Н. Розовый куст. № 3.
 Тумбасов А. Шмель на этюднике. № 3.
 Шубин А. Мертвые воды. № 7.
 Шумов В. Четвероногие герои. № 4.
 Яхина Н. Борька — примета Поксяка. № 7.

ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ. ЮМОР. СТАРТЫ. МИР НА ЛАДОНИ.

- Асташевич В. Подъем! № 4.
 Бугров В. Перечитать «Аэлиту». № 4.
 Володарский Н. «Желтые», «красные» и «зеленые». № 6.
 Воронцов В., Тарасов Е., Терентьев А., Туренко В. Мудряшки. № 8.
 Вяткин В. Рисуем мир! № 9.
 Вяткин В. Если подняться на гору... № 12.
 Дробиз Г. Вот такая семья. № 10.
 Дьяконов А. Поэма Революции. № 11.
 Зайцев Г. «Круглый стол» ювелиров. № 8.
 Кирий А. Оплатите! Перспектива. № 7.
 Козинцев В. Олимпийцы. № 12.
 Лезинский М. Жизнь прожить. № 1.
 Любимова Л. Дирижер. № 12.
 Матюгин Б. Дневник. № 9.
 Никологоров К. Документы войны. № 5.
 Осинкина Е. «Большой колорист и поэт...» № 6.
 Проскурин В. Тех лет боевые плакаты. № 5.
 Тарабукин И. Служащий из Ла-Манчи. Жил-был... Контакты. № 11.
 Шипулин Р. Сатирические четверостишия. № 10.
 Широков Ю. Чукотская песня. № 7.
 Мир на ладони. № 1—12.

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

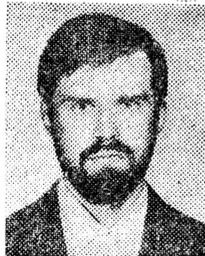
М. Одинцов

В. Станцев

Г. Зайцев

А. Мосин

И. Алебастров

С. Балабанов

М. Крапивин

М. Пинаева

По решению редакционной коллегии отмечаются как лучшие публикации 1985 года и награждаются призами журнала «Уральский следопыт»:

документальная повесть Игоря АЛЕБАСТРОВА «Последние дни Верещагина» (№ 4),

очерк Октябрина БАЛАБАНОВА «Тайны тибетской медицины» (№ 9),

очерк Георгия ЗАЙЦЕВА «Письма Корзухина» (№ 3),

роман-трилогия Владислава КРАПИВИНА «Голубятня на желтой поляне» («Голубятня на желтой поляне» — №№ 3—5 1983 г., «Праздник лета в Старогорске» — №№ 1—2 1984 г., «Мальчик и ящерка» — №№ 1—2 1985 г.),

статья Алексея МОСИНА «Два желания Павла Демидова» (№ 4),

записки пилота «Преодоление» дважды Героя Советского Союза Михаила ОДИНЦОВА (№№ 2—4),

очерк Марии ПИНАЕВОЙ «Пятёрка по этике» (№ 9), поэма Венедикта СТАНЦЕВА «Смотрю я памяти в глаза» (№ 5).

**ПОЗДРАВЛЯЕМ С ТВОРЧЕСКИМ УСПЕХОМ,
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!**

ВЕЛОГОНКА РОВЕСНИКОВ

Традиционная юношеская велогонка на приз «Уральского следопыта». На этот раз в ней приняли участие восемнадцать команд из разных городов Урала — В. Пышма, Оренбург, Каменск-Уральский, Асбест и другие. Примечательно: в соревновании участвовало более ста спортсменов — и все они одного года рождения, все — семнадцатилетние.

В индивидуальной гонке победителем стал А. Ладейщиков. Второе и третье место — Б. Козлов и Ю. Шапин. Ю. Шапин был первым в соревновании команд по сумме всех пяти этапов и в групповой гонке на 80 километров. Он награжден бесплатной подпиской на журнал «Уральский следопыт».

Среди команд оказался сильнейшим «Спартак-1» из города Каменска-Уральского.

В. ЗЫБЛЕВ,
инструктор Свердловского
горспорткомитета

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕВЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Бударина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

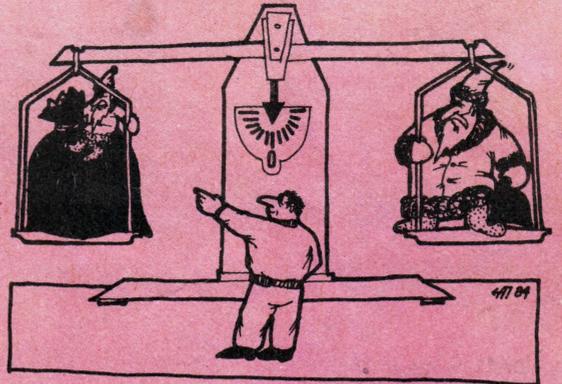
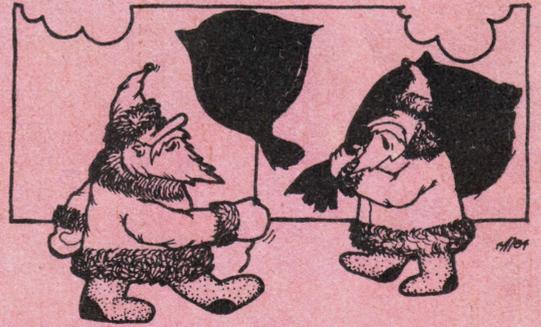
Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 29.08.85. Подписано к печати 22.10.85. НС 11361. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 11,34. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 307 000. Заказ 532. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Рисунки Аркадия Пяткова

Врачьево

Читайге стр. 77

МГНОВЕНЬЯ И ВЕКА

